

Любовь как
вредное
пристрастие

Егор Доронин, наверное, мог бы давать уроки мужчинам о том, как справиться, если любимая жена оказалась предательницей... Но никаких подкастов или видеокурсов, никаких страданий, теории и практики забвения или жизни с нуля. Вместо этого экс-супруге объявлена нешуточная война... С обязательными сладкими перемириями.

Глава 1. Развод, свершенный на небесах

Вырывающая из динамиков танцпола музыка все еще звала дергаться кайфующую экзальтированную молодежь, но что самое главное — не тревожила медитацию отяжелевших и пьяных. Ритмично пульсирующие басы, отдающиеся во внутренностях, больше не заводили меня, а заставляли кривиться. И, может быть, я давно бы покинул это тошнотворно веселое местечко, но цель никто не отменял. Правда сейчас было сложно определить, достиг ли я ее... По-моему, нет.

К трем часам ночи народ стал рассасываться, остались лишь самые стойкие тусовщики да еще те, кто наслаждался выпивкой или же откровенными ласками в темных углах. Ни к первой, ни ко второй, ни тем более к третьей категории не относился. Я просто старательно праздновал. Самозабвенно и мощно.

Говорят, что браки совершаются на небесах. Следовательно, разводы где? Правильно, в аду. Но только не мой. Мой — точно благословение и свершен на небесах. Именно его и праздную, опрокидываю в себя спиртное стакан за стаканом. Это отличный повод, ведь я освободился от женщины, никогда, как выяснилось, не любившей меня, растоптавшей мое сердце и выкинувшей его за порог, как ненужное старье. И сейчас чувствую себя таким счастливым и свободным, что хочется отметить это беспамятством: забыть свою дерьмовую жизнь, дерьмовые надежды, даже свое имя, а главное — ее имя! Но будь я трижды проклят, если это возможно. Кажется, ее имя горит оккультными символами у меня в мозгах. Да так ярко, что, даже если бы и желал, никогда не смог бы от него избавиться.

Нелли. Имя, которое самозабвенно шептал в ночи, с благоговейным трепетом произносил на пике возбуждения и которое сейчас вылетает лишь в сочетании с красочным проклятием.

Она ведьма!

Я тряхнул головой и шлепнул рукой по лбу, но попал почему-то в нос. Зашипел от боли, выматерившись, попытался растереть переносицу. Заметил, что встрепанный темноволосый мужик напротив копирует мои движения. Пьяная, напрашивающаяся скотина? Через долгую минуту дошло, что со зверским выражением на перекошенном лице, уплывающем куда-то, пялюсь на собственное отражение в зеркалах бара.

Богоматерь и все черти ада! До беспамятства напиться не получилось, а до кретинизма — легко.

Громко расхохотавшись, я едва не свалился со стула. Удержавшись и на каплю протрезвев, сел прямо. Подперев рукой подбородок, с усилием всмотрелся в отражение. Мир еще пытался вращаться в дикой скачке, но удалось его приструнить и отметить: я весьма органично вписался в компанию живописно расставленных на полках бутылок со знаменитыми и дорогими именами.

«Добро пожаловать в нашу офигенно прекрасную жизнь, Егор Витальевич Доронин! — усмехались настоящий мужик Вильям Лоусон, старина Джек Дэниэлс и проказник Джони Уокер. — Что ты нам расскажешь о себе? Валяй, вываливай все интимные подробности. Вот увидишь, станет легче».

«Терапия со стаканом никому еще не помогала, но мне насрать. Вот промочу горло, парни, и все вам расскажу».

Я снова захохотал, схватил бутылку с третьей попытки, первые две она имела наглость

удирать от меня, плеснул себе пойло и залпом выпил. Прошло как вода, ничего не почувствовал. А говорили, непьющего спиртное мухой отключает. Либо они идиоты, либо голова у меня крепкая.

Итак, с чего начать? Конечно, со встречи с ней... Ну нет! Пошла она! О себе буду говорить. Мне почти тридцать четыре, и я явно баловень фортуны, чертовски пьяный на данный момент от собственных успехов. Деньги есть и будут (кстати, алименты платить не придется, поскольку до того болван, что не торопился с отцовством), карьера сложилась (должность главы маркетингового отдела крупной фармацевтической фирмы удачно получил: благодаря счастливому случаю вовремя столкнулся с бывшим одноклассником-говнюком, а тот возьми и составь мне протекцию), семья большая и любящая. За минусом жены (теперь), обо мне пекутся и готовы всем пожертвовать отец, владелец известной стоматологической клиники, а еще брат, занявший мое место в бизнесе папы, и младшая сестра, пока вертлявая и легкомысленная студентка. Мама...

С матерью все сложно... Она замдиректора картинной галереи. Возится со всякой старинной живописью, ищет, какой бы еще хлам в фонд добавить, много общается с молодыми талантами, дружит с местными чинками. Она давно мечтала заполучить какой-нибудь самородок, закатить масштабную выставку, взлелеять и облизать уникама со всех сторон, и ведь это у нее получилось! Нашла она свой самородок, Элеонору Вишневецкую (кстати, Нелька ненавидит свое полное имя и зла на родителей, дружно поддавшихся моде и наградивших ее такой экзотикой). Огромные зеленые глаза, точно у кошки, длинные темные волосы, чувственные губы, фигура — влажная мечта любого половозрелого мужчины... Одним словом, самородок что надо. Я втюхался по уши, долго пускал слюни по ней, заманил сокровище в свою постель, потом — в жены, а затем... Кто знаком с Нелли, никогда не посмел бы обвинить меня в том, что не устоял... А теперь мама, кажется, очень обижена на меня. Но что приятно — на нее она тоже обижена!

Ну да, я жалкий осел, ребята. Разве отрицаю? Мол, повелся на красивое личико, длинные ноги, грудь, пусть второго размера, но один черт — зашибенную... После первой встречи, первой ночи другие женщины для меня просто перестали существовать, она затмила их всех и испортила меня для других отношений. Околдовала и прокляла. До сих пор хочу ее одну. До сих пор чувствую ее ласки, прикосновения, вкус ее кожи, губ... Его срочно надо запить. Где бутылка?

— Чувак, тебе пора! — прогремел над ухом голос какого-то засранца.

— Иди на... — нецензурно сориентировал мужика, по виду охранника.

— Ты не понял. Именно тебе туда пора.

Хотел было возмутиться, в бешенстве посмотреть в наглую рожу, но охранник был слишком быстр, никак не мог зафиксировать его в какой-то одной точке.

— Мы закрываемся, debil. Что непонятного?

У меня зазвенело в ушах от его зычного баса.

— Говори тише, придурок, — зашипел я, пытаюсь прикрыть уши. Скатился со стула. Громкий мужик придержал меня, предотвращая полное приземление, расхохотался.

Только сейчас я обратил внимание, что музыка смолкла, в баре горит яркий, режущий глаза свет.

— Бля, приплыли, — рассеянно пробормотал. Сколько здесь пробыл? Часов пять-семь? А цель не достигнута. По-прежнему чувствую себя полным дерьмом и неудачником. Где обещанные счастье и подъем?.. Очередной маркетинговый фокус от производителей

огненной воды.

— Приплыли-приплыли. Вали домой давай! — Громогласный охранник придал мне ускорения, чуть толкнув в плечо.

Мать твою, откуда эта легкость в теле? словно я чертов дельтапланерист, ловящий потоки воздуха. Этим сволочам-производителям надо писать крупным шрифтом на бутылках виски: «Осторожно! Влияет на вес!»

— Что хоть праздновал? — снисходительно поинтересовался мужик, решивший сопроводить меня до двери. Пару раз я чуть не растянулся, так что от помощи решил не отказываться.

— Развод.

— А... Достойный повод. Изменил?

— Выражаясь юридически, — процедил заплетающимся языком, — распрощались из-за непримиримых разногласий.

— Да, все беды из-за баб. Найди другую да приходи к нам праздновать. Все, бывай, приятель.

Стены пошатнулись разок-другой, дверь перекосилась, но открылась, и вот я на улице, глотаю густой, разбухший от дождевой влаги летний воздух. Освещенная мутным фонарным светом улица поплыла, потом резко сдала влево. Елы-палы! Предупреждать надо. Хорошо рядом оказалась стена, я привалился к ней, безмерно благодарный за поддержку. Что там сказал этот мужик? А, да, «найди другую». Верно. Отличный вариант со всех сторон. Особенно в данный момент, когда я почти четыре месяца не прикасался к Нелли...

К женщине, Доронин. Ты не прикасался к женщине.

Короче, найду другую. Дело, по сути, плевое. И это будет потрясающая девушка. Которая никогда не швырнет в меня обручальное кольцо, потому что будет по-настоящему любить.

Я закрыл глаза и представил эту мечту себе. Точеная фигурка, грудь умеренной пышности, умопомрачительные ноги, длинные темные волосы, закрывающие маленькие плечи, отливающие тусклым золотом, безупречная сливочного цвета кожа и глаза, выразительные, бездонные, зеленого кошачьего цвета... Ее серебристый смех, ее ласковый голос, такой успокаивающий, глубокий, произносящий мое имя... И ее запах: фрезия, роза, лилия... Не-е-е-т, еще лучше!.. Ее запах неповторим, как мягкость губ, шелковистость волос и нежность рук... Само совершенство. Нелли...

Проклятье! Какая Нелли? Я ненавижу ее! Это другая девушка. Какая-нибудь... Марина. Или Виктория. Да, Марина-Виктория, я тебя найду и женюсь. Мы проживем вместе три года и два с половиной месяца, и однажды вечером ты встретишь меня на пороге и холодно заявишь, что я тебе изменил, обзовешь кобелем и порвешь со мной, даже не объяснившись толком. Наплюешь на мои чувства, на свои, на все, что было между нами и могло быть. И правильно, Марина-Виктория, убирайся из моей жизни! Теперь я вижу, какая ты бессердечная, осознаю, что в действительности ты не любила, а только играла со мной, никогда не верила моим словам... Вот и сейчас не поверила, когда я клялся здоровьем матери, что понятия не имею, откуда эти чертовы розовые стринги взялись в моем кармане.

«Я не изменял тебе», — сказал я тогда, захлебываясь в жестоком отчаянии. Но услышала меня лишь дверь, хлопнувшая за ней. Потом я ее не видел. Нелли пряталась от меня целых девять дней. Сначала жила в гостинице, потом мать позвала ее к ним. Я приехал к родителям, когда узнал об этом, желая поговорить с женой, попытаться еще раз все

наладить, склеить разбитую чашку, но наткнулся лишь на глухую стену отчуждения (реакция матери) да беспомощную улыбку отца. А Нелли в это время вновь паковала чемодан в своей комнате, собираясь в Нижний, к своим родителям. Сквозь кордон я так и не прорвался, а рыдать на пороге, кусая локти от горя и посыпая голову пеплом, не собирался.

Но все ж мы встретились. Задержался внизу, увидел, как подъехало такси, и подумал: а вдруг за ней?.. Решил подловить, но в итоге именно она подловила меня.

— Я подала на развод, — осведомила равнодушно, не глядя на меня, подкатывая чемодан к открывшемуся багажнику таксомотора.

— Что? — не поверил своим ушам, перестав пожирать жену взглядом. Меня затрясло от гнева и паники одновременно. — Я не собираюсь отпускать тебя.

— Придется.

Не могу ее потерять, Нелли бесконечно дорога мне. Мне нужно все: ее забота, упрямство, звук голоса, пара крошечных родинок в изгибе шеи, которые было так сладко целовать, попка, туго обтянутая сейчас узкими джинсами, ставшая еще более соблазнительной, когда жена наклонилась, собираясь уложить чемодан в багажник, — как же соскучился по всему этому, хочу ее... Где водитель, этот кусок дерьма? Почему хрупкая женщина должна тяжести поднимать?

— Я сам, уйди!

Шагнув к ней, я схватил чертов чемодан и уложил его в багажник. Повернулся к ней, заглянул в замкнутое красивое лицо.

Зеленые глубины глаз словно застыли, свет и ласка пропали из них. Сменившись долбанным и ненавистным мне словом «конец».

— Давай не будем устраивать сцену, — проговорила она уставшим голосом, не сводя с меня безразличного взгляда. — Не ищи меня больше, не досаждай. Разойдемся мирно. Я ни на что не претендую...

— Нелли... — я сглотнул, протянул к ней руку, желая коснуться, остановить этот кошмар.

— Не надо, Егор. — Отступила на шаг.

«Егор» — то, как она проговорила мое имя... Будто сотню иголок в сердце вонзила. Гнев прошел, отчаяние испарилось, воспоминания о том, с каким обожанием она произносила «Егор» раньше, особенно во время нашего занятия любовью, в момент, когда я входил в нее, — эти воспоминания испустили дух, такой ядовитый, что он задушил меня.

Молча, тупо, беспомощно смотрел, как она, сев в чертово «Рено» с логотипом такси, выезжает из двора жилого комплекса, растворяется за воротами во внешний мир... Дерьмовое воспоминание, не хочу переживать это снова.

Разумеется, нас развели. Насильно мил не будешь, и уж если разбились розовые очки, то это товар настолько дефицитный, что лишь на темные и заменишь.

Двое суток после того разговора перед домом родителей не жил, а существовал. Не ходил на работу, сказавшись больным (впрочем, реально болело — сердце), был будто в прострации. Оглушен, полностью разрушен.

Квартиру оставил ей, сам перебрался в двушку приятеля, отчавившего работать в Лондон. Ведь и покупал, и обставлял жилье для нее, для наших будущих детей... Совместный счет тоже не закрыл, пополнив его на немалую сумму. Собирался и дальше пополнять. В конце концов, на кого мне тратиться? Жена давно стала центром вселенной, приоритетом...

А потом я сорвался. Одно время думал, что меня просто отпустило, я послал все на хрен и скоро вновь полезу в гору. С утра до поздней ночи у меня было одно крайне важное дело — ненавидеть Элеонору Доронину, решившую вновь стать Вишневецкой. Такого рода ненависть — трудоемкий процесс, требующий предельной сосредоточенности. Отточил его до совершенства, до дикого хохота над самим собой. Однажды всерьез намеревался заказать рекламный щит с надписью «Я не изменял тебе!» В итоге просто распечатал фразу на принтере и обклеил листами дверь нашей, то есть ее теперь, квартиры.

Она собрала и оставила у матери все украшения, что дарил ей. Коробку забрал и со зверской ухмылкой отправился в ювелирный. Пополнил коллекцию новыми побрякушками, намертво запалял тару суперклеем и скотчем и отправил ей с запиской: «Это твое. Можешь выкинуть, но учти, что общая стоимость содержимого теперь шестизначная».

Да, съешь это, Элеонора! Я был у твоих ног, а ты просто пнула меня в лицо. И ушла. И развелась. Теперь ты получила свободу, деньги, квадратные метры (наверняка ведь только этого и желала!), ну а я невероятно рад избавиться от такой двуличной стервы, как ты, уверявшей, что ничто не сможет нас разлучить, но на самом деле легко поверившей в не понятно от кого услышанную чушь. И да, еще в эти розовые стринги, непостижимым образом появившиеся у меня в кармане.

А я ведь ей миллиард раз говорил с тех пор, как встретил, что безумно люблю, что хочу только ее, что только она мне нужна. Но все слова забылись, перечеркнулись в один миг по абсолютно идиотской причине. Все краски, все радости мира для меня были сосредоточены в этой женщине, и я любил, лелеял и оберегал этот сосуд, самозабвенно и с благоговением. До того самого злополучного дня в конце апреля...

Я отлично помнил вечер, ставший точкой отсчета до развода. До сих пор занимаюсь самоистязанием, переворачивая в памяти каждую его деталь.

Ровно в пять сорок моя работа была завершена. Сверив с Марго завтрашние встречи, я попрощался и спустился в подземный гараж, собравшись домой. Полчаса назад Нелли прислала мне сообщение: «Освободилась наконец-то. Готовлю ужин. Я соскучилась...» Этого было достаточно, чтобы я свернул работу с отчетом и поторопился к ней. Мы толком не виделись эти два дня, жена пропадала в своей мастерской, превращая впечатления от отпуска в Италии (из которого только вернулись) в картины. В такие моменты не тревожил ее, зато потом получал причитающееся мне внимание с лихвой.

Ужин, затем — постель со смятой простыней, соблазнительное тело любимой женщины подо мной, поцелуи и жаркая прелюдия... Я счастливчик.

Светя улыбкой до ушей, сел в машину, завел мотор. Раздумывал: не заехать ли в магазин за цветами, подарком для нее. Может, вино к ужину? На повороте к памятнику есть как раз подходящий винный... Или ну его? Вдруг там очередь, занята парковка, я взбешусь, Нелли расстроится. Нет, еду сразу к ней, хочу увидеть, услышать голос, обнять, вообще хочу.

Я был так погружен в воображаемые картины ожидающего меня фантастического вечера с женой, плавно переходящего в ночь, что не сразу заметил красный Ford, перегоревший мне выезд. Я резко дал по тормозам.

Машина принадлежала Наде Прокловой, заместителю финансового директора компании. Она была одной из этих кукольно-пластиковых дурочек, почему-то стремившихся продаться подороже и находившихся в постоянных поисках спонсора-любовника. Я, кстати, значился в первой строчке ее списка кандидатов на эту роль. Смешно. Будто бы существовала женщина, способная затмить Нелли хоть в чем-то...

В самом начале моей работы эти обтягивающие наряды с разрезами и глубокое декольте выводили из себя. Я не на мясном рынке! Я управляю целым отделом в весьма успешном бизнесе и интересуюсь не сочным филеом и трахом, а качественной работой. После моего намека о возможном увольнении за профнепригодность (Карпухин бы меня послушал и выбросил бы ее за порог), Проклова вняла наконец голосу разума, забыла о бешенстве матки, стала гораздо скромнее одеваться, больше уделять внимания служебным обязанностям, а не попыткам соблазнить, сверкая прелестями (грудь, кстати, целиком шедевр пластического хирурга).

И в тот день я бы проигнорировал эту шлюшку обязательно, если бы ее красный кусок железа не перекрыл дорогу к жене. Нехотя вылез из машины.

Оказалось, что у этой пустоголовой спустило колесо. Я потянулся к сотовому, собираясь вызвать техслужбу, ну а мне придется оставить свою «бэшку» здесь и сесть в такси. Не хотелось терять ни минуты.

— Егор Валерьевич, — попросила меня Проклова. И нормальным голосом надо сказать, без этих противных ноток оболъщения. — Я вообще-то тороплюсь на важную встречу, так что... В общем, если дожидаться, то точно опоздаю. У меня есть запаска, только вот сама ее не поставлю...

Что странно, она была действительно расстроена и озабочена. Я почувствовал себя обязанным помочь даме. Конечно, имею право ее на дух не переносить, но совесть и справедливость никто не отменял.

Выругавшись про себя и тяжело вздохнув, отправил Нелли сообщение, что вынужден задержаться, а потом полез в багажник тачки Прокловой.

Потеряв целых сорок минут драгоценного времени, которое мог провести с женой, я закончил. Махнул рукой девушке, мол, готово, отчаливай, отошел к своей машине. За руль не сел, сначала принялся вытирать измазанные руки влажными салфетками, думая, насколько сильно рассердится Нелли, может, в этот раз снова встретит меня в одном белье, сверля нарочито воинственным (и возбуждающим) взглядом?

Почувствовал, как кто-то дернул меня за полу расстегнутой куртки и, выйдя из эротического ступора, обернулся. Рядом стояла улыбающаяся Проклова.

— Спасибо огромное, Егор Валерьевич! Даже не знаю, как отблагодарить вас... — И хлоп-хлоп жирно покрашенными ресницами.

Твою ж мать! Что еще ей надо? Какого хера она снова решила заигрывать со мной? Да еще тогда, когда я тороплюсь домой к жене. Захотелось нецезурно послать эту дуру, но сдержался, выдавил из себя улыбку, процедил сквозь зубы:

— Не надо благодарить.

А затем быстро залез в машину. Когда Проклова скрылась за поворотом, я вздохнул с облегчением, расслабился и широко улыбнулся. Набрал для жены: «Уже еду домой. Жди меня. Если ты так зла, что начала раздеваться, я не против».

Но случилось все не так, как ожидал. Да, Нелли ждала меня в прихожей, но не в белье и чулках, уперев руки в бока, разыгрывая разозленную супругу, а одетой в бриджи и старый мешковатый джемпер, который носила, когда болела. Лицо ее было бледным, глаза — наполненными болью, влажными, будто она плакала.

В первую секунду я подумал: случилось несчастье, кто-то умер, попал в тюрьму, обанкротился, быть может. Но ее невероятный вопрос «Где ты был?» и дрожащий хриловатый голос сбили меня с толку. — На работе, — ответил удивленно. Где же еще я

мог сегодня быть, по ее мнению?

— Хорошо, — согласилась она отстраненно, а потухшие глаза выворачивали душу. — Я спрошу иначе: с кем ты был?

И в этот момент тревожное предчувствие заставило сердце замереть. Предчувствие чего-то настолько дерьмового, что дерьмовее просто некуда. Годами буду выбираться из этой выгребной ямы и еще не факт, что останусь целым и вменяемым.

Сглотнув, я взъерошил волосы, впился в жену пристальным взглядом. Кто и что ей наговорил? Ревности между нами никогда до этого момента не стояло. Да, мы оба притягивали взгляды противоположного пола, но ни я, ни она никогда не давали другому повод думать, что... Бля, да у меня только на нее и стоит!

— Ни с кем, — ровно ответил, продолжая гипнотизировать жену взглядом и ясно понимая: она не верит мне!

— На работе был, разумеется, с сотрудниками, а домой добирался один. Какого хрена происходит, Нелли?

Она улыбнулась. Если бы меня спросили, какой бывает ухмылочка киллера после удачно совершенного выстрела, то немедленно описал бы эту ее улыбку — едкую, словно укус, острую, словно наточенное лезвие ножа, и смиренно-снисходительную, словно улыбки молящихся за весь человеческий род святых. И что это значит? Я напрягся.

— Ну да, — бросила язвительным тоном, сделала пару шагов мне навстречу. — И правда был с сотрудниками. Одна из них даже подарочек тебе оставила на память о фееричной встрече.

С последними словами Нелли запустила руку в левый карман куртки и извлекла оттуда розовое порванное кружево женских трусиков.

Мой рот приоткрылся, глаза отказывались воспринимать предмет белья, повисший на пальцах жены, мысли бесследно растворились, а по жилам, холодя, растекся адреналин.

«Откуда это, черт возьми?» — хотел выкрикнуть, но язык точно примерз и отказался мне повиноваться.

Нелли с болью и укором смотрела на меня, ожидая признания. Минута прошла в вязком, страшном безмолвии.

— Я. Не знаю. Откуда. Это, — тихо проговорил, четко разделяя слова. Клянусь, мог слышать, как в этот миг вокруг рушится моя жизнь: от грохота кирпичей, поддерживавших кровлю из привычек, чувств, эмоций и целостной картины мироздания, до звона заложило уши.

— Ты просто кобель, Доронин! — зло выпалила жена.

Этот гнев, эти слова, презрение, яркая вспышка обиды и боли (несправедливые, а оттого еще более жуткие) — все это так глубоко ранило меня, что чуть не рухнул на колени, умоляя Нелли поверить, сохранить наши чувства, а также мое сердце.

— Я клянусь всем дорогим для меня в этом мире, здоровьем матери, что не имею никакого понятия, как эти чертовы трусы оказались в кармане моей куртки! Нелли, слышишь?

Она выбросила вперед ладонь, заставляя умолкнуть, глаза сверкнули бешенством.

— Я вышла за тебя замуж, хотя мне и говорили, что срок твоей любви будет недолог. Ветреный, любишь женское внимание. Что ж, я это поняла, приняла. Подумала: ты честный, если разлюбишь, скажешь, что пора расстаться. Но оказалось, что ты не просто кобель, но еще и врун, — сухо усмехнулась и швырнула мне в лицо этот чертов розовый лоскут.

Я уклонился.

— Твою мать, Нелли! Что ты творишь? Что ты вообще несешь?

В голове лентой развернулись воспоминания, как в дешевой сопливо-сентиментальной мелодраме проносятся кадры жизни героя в его предсмертный момент: вот наше с ней знакомство, стук ее каблучков, застенчивый, но такой манящий взгляд, вот наша первая ночь, ее обнаженное тело будто наркотик для меня, хочется еще и еще... Вот я делаю ей предложение, она прячет счастливую улыбку в букете из сто одной бордовой розы, говорит заветное да, вот наша свадьба, бесконечные крики «горько» и поцелуи...

— А что творишь ты? Что ты несешь? Здоровьем матери поклялся, — в злых зеленых глазах блестели слезы.

— Я не солгал!

— Стринги, выходит, солгали?

— Нелли, послушай...

— Нет, Егорчик, это ты меня послушай. Я жалею только об одном. Нет, не о том, что влюбилась, не о том, что была рядом три года, обожала и молилась на тебя, словно на божество. Я жалею только о том, что не разобралась, какой ты на самом деле подлец!

Не верит мне, не желает слышать... Все внутри обрывалось нить за нитью, полосуюя душу, превращая в хлам прошлое, настоящее и будущее.

— Мне казалось, мы стали единым целым, понимаем друг друга как никто другой, — Нелли смахнула слезы. — Казалось. Чудесная фантазия.

Она замолкла, видимо, для того, чтобы перевести дыхание или же чтобы достать ланцет поострее: все-таки операция по вырыванию моего сердца достаточно сложна и нужно быть всесторонне подготовленной для нее... Я воспользовался заминкой, указав на очевидное.

— Не в упреках сейчас суть. Просто ответ на вопрос: ты мне веришь?

Она и секунды не колебалась перед ответом.

— Нет.

И крышка гроба захлопнулась, сверху на нее посыпались комья земли.

— Без доверия нет любви. И если ты мне не веришь, то, следовательно...

— Заткнись, Доронин! — заорала она, и от неожиданности я застыл.

Нелли никогда не кричала. Да, иногда повышала голос, когда сердилась, но кричать вот так надрывно, истерически...

Я смотрел на нее так, словно впервые увидел. Эта ставшая чужой и далекой за считанные минуты женщина, стоявшая передо мной, и сама страдала от своей жестокости. Она плакала, вытирая глаза и нос рукавом потрепанного джемпера. Даже в этом жесте не узнавал ее, а думал, что изучил вдоль и поперек.

— Не тебе говорить о любви, — покрасневшие глаза сверлили меня обвиняющим взглядом. — Да и не мне. Все кончено.

— Вот так легко? После чьих-то чужих слов, перевесивших мои? И ты легко пошлешь к дьяволу все, что было и есть между нами?

Может, это дурной сон? Я подцепил какую-нибудь заразу и теперь брежу... Может, надо проснуться и закинуться лошадиной дозой антибиотиков?

— Все, что было, лишь иллюзия, — мертвым тоном произнесла жена.

Стянула с пальца обручальное кольцо, секунду смотрела на него, а я забыл, как дышать... После ее взгляд вернулся к моему лицу. Она просто прицеливалась, как оказалось... И второй раз увернулся от летевшего в меня снаряда.

Обувшись, подхватив рюкзачок, стоявший у полки, моя любимая жена, превратившаяся в предательницу и фурию, прошла мимо меня и хлопнула дверь.

Какое-то время я пытался охватить разумом все случившееся. Откровенно говоря, реальность с трудом поддавалась анализу. Вообще не желала укладываться хоть в какую-нибудь систему. Поднял розовые стринги и, как даун, смотрел на них невидящими глазами.

— Бред. Это просто бред, — выдохнул, вновь выбросив трусики, запустив обе руки в волосы. — Я не изменял, Нелли! Не изменял...

Это было начало отчета. Через девяносто два дня нас развели. Я отпустил ее...

...В конечном итоге мир прекратил двоиться и норовить взлететь из-под ног. Отлепив тело от стены, мои ноги понесли его прочь от бара ближе к проезжей части. Достать телефон и заказать такси стало тем еще сумасшедшим квестом, но прошел его. Ждал машину, воспользовавшись любезной поддержкой фонарного столба.

Свежий воздух, пропитанный запеченной пылью, щедро смоченной дождем, чуть прочистил голову, а спотыкающиеся и неуверенные шаги приближали к белой «Калине», прибывшей за мной.

Домой... Забыться мертвым сном. Отключить вращение земли ну и вращение моих мыслей вокруг этой ведьмы Нелли снова Вишневецкой.

Я больно ударился лбом, не рассчитав угол наклона, когда залезал внутрь. Завалившись на сиденье, пробормотал водителю адрес. На мое счастье, у того, видимо, было все замечательно как со слухом, так и с умением дешифровать речь пьяных идиотов. Не переспрашивая, мужик вырулил на проспект, ориентируясь по навигатору.

Квартира Пашки, где сейчас обретался, была в одном из дорогих и центральных районов города. Приятель без вопросов приютил, сказав, чтобы не дергался с поиском жилья как минимум до конца года. Предложил в перспективе даже обитать вместе, тряхнув старыми студенческими временами. Послал его в пень, нам уже давно не девятнадцать.

В принципе, до холостяцкой Пашкиной берлоги мог бы и пешим ходом добраться, но веры в свои нетвердые ноги, почему-то отяжелевшие веки и голову никакой не было.

Минуту или две я был в отключке, спасительной и благодатной. Однако грубый голос таксиста решил вмешаться в нирвану: — Мы на месте, приятель. Я протянул трудяге купюру, даже не обратив внимания на ее достоинство, но, судя по довольному хмыканью, это самое достоинство пришлось тому очень даже по вкусу.

— Сдачу оставь себе, — проямлил и выкарабкался из салона.

Чертовы веки подводили меня, тяжелыми ставнями наползая на глаза. Я тщетно боролся с ними, но в лифте сдался, прислонился к стене, наслаждаясь темнотой и образами раздевающейся передо мной Нелли. Пользовались моей временной беспомощностью. Вот ведь сволочи! Двери разъехались в стороны, и я вывалился в коридор. Вернув дерзкое равновесие, я покачался в сторону знакомой двери.

Провозившись с ключами, которые все почему-то не хотели отпирать этот долбаный замок, ввалился в квартиру, захлопнул дверь и поздоровался с крошечной тьмой:

— Ну приииивеет...

Сбросив обувь, двинулся наощупь вперед и внезапно ощутил в воздухе какую-то... магию. Знакомый аромат. Духи. Упоительная смесь запахов фрезии, лилии... черт знает чего. В сознании тут же промелькнули зеленые озорные глаза, смотрящие с вызовом и нежностью (взгляд, делающий меня абсолютно безумным, хмельным), темные волосы с

золотистыми искорками и мои пальцы, погружающиеся в них, изгибы обнаженных плеча, груди, бедер. Этот запах я узнаю из тысячи, он возбуждает... Нелли... Хочу ее, соскучился сильно.

Вот поганец Пашка! Неужели вернулся и даже не предупредил? Да еще и подружку какую-то притащил, а у нее, мать твою, те же духи, что и у моей бывшей. Черт! Мне лучше съехать отсюда. Но сначала — законный отдых для натруженного тела и мечущегося духа.

Скользя вдоль стены, цепляясь за мебель, попадающуюся на пути, я набрел на дверь, толкнул ее и, чудом удержавшись на заплетающихся ногах, зашел в комнату. Тут темноту чуть разгонял сизый свет городской ночи.

Кровать. Да, это то, что надо...

Я начал стягивать с себя одежду. С пиджаком и рубашкой справился на отлично, а вот с брюками меня ждала засада. Запутавшись в ногах и штанинах, свалился на пол и смачно выругался.

И тут мое внимание привлек переполох на постели. Покрывало задвигалось, чье-то тело взметнулось вверх, усаживаясь. Через мгновение комнату залил ослепивший меня свет прикроватной лампы.

Вот дерьмо, это не квартира Пашки. Как я здесь оказался?

На кровати, напротив которой я распластался, сидела Нелли и шокировано смотрела на меня.

Глава 2. Апология фантазий

— Егор? — в крайнем изумлении спросила моя бывшая жена. Сняв маску для сна, она убрала с лица волосы, подалась ближе, словно не веря глазам своим.

А почему у меня нет шока? Я был... доволен. С удовлетворением подмечал реакцию нижней (не самой разумной, но, без сомнения, самой выдающейся) части моего тела на звук ее голоса, близость, а особенно на майку на тонких бретелях, с глубоким вырезом, которая подчеркивала два волнующих полушария груди. Растрепанные темные волосы рассыпались по хрупким плечам. Облизала приоткрытые чувственные губы, вздохнула. Теплая после сна, разнеженная... Да, этот вид... Его следует запретить законом как вызывающий резкий отток крови от головного мозга.

Нелли... Плевать на все! Она — истинное наслаждение для моих глаз.

Разумеется, Вишневецкая заметила свое воздействие на меня. А если учесть, что на мне остались лишь боксеры, брюки же змеей обернулись вокруг ступней, то могу точно сказать, что от взгляда бывшей ничто не укрылось. Наоборот, даже раскрылось и рвалось навстречу.

Какой-то миг я наблюдал замороженную девушку, разглядывающую мое тело будто какой-то экспонат на выставке (да, милая, это все твое, вернее, было твоим, потому что мы разведены). Недолгий миг. Потом — уже не Нелли, а бешеная кошка.

— Что ты здесь делаешь? — взорвалась она, закутываясь в покрывало по самую шею, придерживая край у горла. — Мы в разводе, и эту квартиру ты сам отдал мне. Какого черта ты сюда приперся? Да еще... — взгляд на часы на тумбочке, — в четвертом часу ночи.

И действительно, за каким чертом я сюда приперся? Мозг был легок и пуст, зависнув в алкогольных парах, зато член стал еще тверже. Видимо, вид взбешенной Элеоноры был не сигналом опасности для него, а невиданным эротическим стимулом. И как мы умудрились особо не ссориться и не орать друг на друга все годы нашего брака? Оказалось, что это так возбуждает... Короче, мы многое потеряли.

Я застонал, выругавшись. Неужели сейчас думаю о сексе с ней? Не просто думаю, а откровенно и уже болезненно готов.... В это невозможно поверить. Она ранила меня, лгала мне, швырнула в лицо символ нашей любви и вернула себе свою фамилию, а теперь сижу перед ней полуголый, с радостным стояком и жажду приступить к упражнениям на кровати. Я жалок.

Злость на самого себя немного протрезвила, за пару движений выпутался из брюк и встал на ноги. Меня предсказуемо повело, но удачно схватился за спинку кровати.

— Убирайся отсюда! Я не шучу! Я вызову полицию. Скажу, что ты вломился ко мне с самыми нечестными намерениями.

Нечестными намерениями? Ну плотские вполне можно так назвать. А полиция? Если дверь запереть, они не помешают. Эти квадратные метры пока еще записаны на меня, оформление дарственной на стадии планов, так что я на своей территории.

И еще хорошая идея — привязать ее к кровати. Объяснив, что телефон — это зло, а разговор по нему, когда тебя хочет муж, вообще неприемлем. Чрезвычайно правильный подход, полностью одобренный либидо.

— Давай, любимая, попробуй, — ехидно усмехнулся, поплелся к двери, чтобы щелкнуть замком.

И что я творю? О, что я творю...

Со злодейской улыбочкой обернулся к соблазнительной фее на кровати. Покрывало мешало обзору, отшвырну его подальше, как только достигну цели. Брови Нелли поползли вверх, пристальный потрясенный взгляд оглядел с ног до головы.

— Ты... ты пьян? — запинаясь, спросила она, в волнении потерла лоб, вновь облизала губы. Боже, солнышко, ну я же не железный!

— Нет, Вишенка, полностью тобой одурманен, — сыронизировал я, стараясь замедлить скорость, с которой мой язык прыгал со слога на слог.

— Ах ты... Сволочь!

Внимание, дамы и господа, фурия вернулась.

Бывшая Доронина отбросила покрывало, ухватилась за подушку и швырнула ее в меня. Реакция подвела (или координация?), и моя голова встретилась с мягким снарядом. Вслед за первой в меня была послана вторая, затем третья, маленькая. Я честно поймал одну в грудь, другую — в плечо, громко расхохотался над меткостью прекрасной полуобнаженной воительницы.

— Пошел вон! Убирайся, — бушевала Нелли, а я возобновил наступление на столь желанную постель.

Зачем? Чего я хотел?

Южный полюс, весьма возбужденный видом покрасневшей от гнева и физических усилий супруги, хотел вполне определенных вещей. А вот голова была согласна с инстинктом самосохранения и велела выметаться из комнаты, пока женщина на кровати не схватилась за лампу, а еще напоминала: Нелли стала чужой мне, предала. Однако ноги подчинялись магнитному притяжению влечения, не признававшего приставку «бывшая» к словосочетанию «моя жена».

Когда я был уже в жалком шаге от территории противника, тот вдруг струсил и вздумал ретироваться, сдавая позиции без боя. Нет, так дело не пойдет.

Я поймал переползавшую через кровать Нелли за ноги и развернул лицом к себе. Она в страхе взвизгнула, вырвалась из хватки, пнув по рукам, затем спрыгнула на пол и с силой оттолкнула от себя.

Попятился и еле удержался вертикально, пространство же на миг превратилось в бешеную карусель.

— Засранец! — начала словесную дуэль Элеонора, уперев руки в бока, привлекая мой похотливый взгляд к тонкой талии, крошечным шортикам и ошеломительным ножкам.

— Ох какое слово знаешь, — ухмыльнулся я, шагнув к ней. — Думаешь, не отвечу? Я засранец, ты — предательница.

— Я предательница? — возмущенно вскрикнула Нелли. — Это ты предатель!

— Ведьма!

— Изменник! Ненавижу тебя, Доронин.

— Ты не можешь ненавидеть меня больше, чем я ненавижу тебя, Вишневецкая.

— Заткнись и убирайся к своим шлюшкам! Удивительно, что ты не трахаешься сейчас, как кролик, а сюда приперся.

— А ты по себе судишь? Может, сама развелась, чтобы тра...

Щеку внезапно обожгло, конец фразы пришлось проглотить. Что это было? Нелли влепила мне пощечину?

Рассвирепев от обиды и боли, я схватил жену за плечи и толкнул на постель. Она ойкнула, вцепившись в меня, чтобы удержать равновесие, и в итоге мы оба свалились на

матрас. Нелли оказалась снизу, а я — сверху.

Кстати, очень удобная позиция. Давно мечтал основательно поговорить с предательницей именно в таком положении.

Разумеется, на обсуждение Вишневецкая не была настроена, дергалась, дрыгалась, пыталась ускользнуть, но быстро положил конец этой ничем не оправданной необщительности, обхватив ее запястья, вытянув руки над головой и придавив стройное и легкое тело тяжестью своего веса.

Вот так. Теперь Нелли лежала подо мной, совершенно беспомощная, лишь потемневшие глаза сверкали, бросали вызов. Соблазнительная грудь бурно вздымалась, касаясь моей, теплое дыхание оведало мое лицо, яркие губы приоткрылись, маня. В крови забурлило дикое желание, зазвенело в каждом нерве, член напрягся и дернулся. В голове что-то щелкнуло, и наконец меня настиг тот долгожданный шок. Но не от вопроса, как мог оказаться здесь, а не у Пашки, а от полного принятия факта: «Моя! Хочу ее, плевать на развод».

Как-то само собой разумеющимся, правильным показалось прошептать хрипло, надорванно ее волшебное имя, уткнуться в изгиб шеи, вдохнув одуряющий запах горьковато-цветочного парфюма, а затем накрыть зовущие губы своими, вовлекая в страстный поцелуй.

Целовал ее иступленно, грубо, жадно. Я был словно пленник, дорвавшийся до долгожданной свободы спустя сто лет заключения — просто не в себе. Весь мир померк для меня в тот момент вместе с рассудком, осталась лишь эта женщина, ощущения ее кожи и волос под пальцами, сладость и жар рта.

Нелли — моя жизнь и смерть, моя головная боль и лекарство от нее.

А она ответила мне с не меньшей жадностью. Со сладким содроганием услышал, как жена издала стон, ощутил, как ее тело расслабляется под моими руками, начавшими ласкать его. На один блаженный, показавшийся бесконечным отрезок времени наши желание и связь торжествовали победу над обстоятельствами и причинами. Будто после кошмаров и ужасов пути я, Егор Доронин, попал наконец домой: теперь был там, где хочу быть, и делаю то, что хочу делать.

Но потом все изменилось. Дыхание сбилось, Нелли больно укусила мою нижнюю губу, вынудив отстраниться. В следующий миг я неожиданно оказался опрокинутым на спину, хватающим воздух открытым ртом. В голове все завертелось, расплылось. Руки однако не подвели, так и не выпустили жену. Она в итоге оказалась сверху.

Когда удалось сфокусировать зрение в одной точке, то я увидел поразительную картину: растрепанная, раскрасневшаяся, с полуобнажившейся грудью, Нелли оседлала меня. Ее промежность приятным давлением упиралась в самое нуждающееся в этом место, ладони расположились на груди. Мои пальцы тут же вцепились в бедра желанной женщины — так утопающий берет в мертвую хватку спасательный круг. Она не сопротивлялась, ее взгляд был прикован к ее левому бедру, а в глазах — потрясение, недоверие.

И что она там такого увидела? Впрочем, плевать. Хочу ее. Сейчас и в такой позе!

Осторожно провел пальцем по спущенной бретельке короткой майки, потом ладонь поспешила вниз, коснулась груди, ощутив отвердевший сосок под материей, опустилась к краю, встретила с гладкой кожей живота.

Не сопротивляйся, Вишенка, будь со мной, молил мысленно.

Нелли поймала мою шаловливую руку, обхватила другую, продолжавшую сжимать ее бедро, и внимательно посмотрела на меня.

Так, надо собрать разбежавшиеся мысли. Сказать, как сильно хочу ее (хотя она

прекрасно это чувствует), как долго ждал... Но она вдруг огорошила странным, нелогичным заявлением:

— Кольцо. Ты не снял его.

— Нет, — помотал головой, нахмурившись.

Да какая сейчас нахрен разница, снял я кольцо или не снял? Дорогая, давай просто перестанем разговаривать, есть более важные вещи.

Освободил руки и обхватил ее груди, показывая, какие именно. Сквозь ткань майки ладони чувствовали возбужденные вершинки. Ох, невероятное ощущение. Которого меня лишила жестокая судьба.

— Нет, не смей, Доронин, — выдохнула Нелли, вцепилась пальцами в мои руки, начавшие изощренную игру, но все же не остановила, не оттолкнула. Дыхание упрямыцы стало частым, глаза потемнели от охватившего возбуждения.

— Хочу. Тебя, — прохрипел я.

Она все же убрала мои ладони со своей восхитительной груди и подалась вперед, к лицу. Настала моя очередь лежать под ней беспомощным, одурманенным, с обездвиженными руками, которые она придавила к матрасу своими, переплетя наши пальцы.

Смотрел в глубины решительных и красивых глаз с бешено стучащим сердцем и фантастической эрекцией, устремлявшейся в ее промежность. Не возражал, дрейфуя на волнах восхищения и возбуждения и, кажется, был готов умолять.

— Тогда у тебя проблемы, дорогой, — прошелестел ее мягкий ироничный голос у самого уха. — Потому что я не хочу тебя.

Умер и воскрес в одно и то же время, ведь мягкие, теплые губы вдруг коснулись моей мочки, чувственно обхватили ее, а потом я ощутил легкий укус.

Мать твою... Застонав, еле сдержался от того, чтобы позорно не кончить себе в штаны, а потом вырвал руки из захвата жены и попытался лихорадочно стянуть с нее шортики. Но мои пальцы предательски затормозили, поглаживая манящую кожу упругой попки. Как же давно не касался ее так...

Неожиданно пальцы потеряли свой упоительный трофей, а волосы Нелли накрыли мое лицо. Глубоко вдохнул их запах: карамель, горьковатый апельсин... Он укрыл меня, точно одеялом, заставляя блаженно улыбаться. Закрыв глаза.

Нелли, мое счастье, ты моя, а я твой...

Но аромат и шелковистая мягкость вдруг исчезли, протестующе замычал и дернулся в попытке ухватить и вернуть на место источник наслаждения. Поймал локон. Мало! Надо открыть глаза и достать эту стервоу. Однако веки упрямылись, не хотели разлепляться. Проклятье...

Легкие, почти невесомые касания защекотали мои губы, ноготки поскребли щетину. Я вышел в открытый космос, без надежды на связь с землей, обессиленный, покорный. И даже это наслаждение было наглым образом у меня отнято.

— Черт, Нелли, прекрати играть со мной, — пробурчал недовольно, когда и локон ее волос выскользнул из пальцев.

В итоге разодрал тяжеленные веки и уставился прямо в белый вращающийся натяжной потолок.

Что происходит? Это сон? Галлюцинация?

Электричество удовольствия пронзило каждую клетку, послав дрожь по всему телу и вновь заставив член дернуться. Я посмотрел вниз, сглотнув. Нелли прокладывала дорожку

тягучих влажных поцелуев от моей груди, скользя ниже и ниже. Зрелище того, как темноволосая растрепанная макушка приближается туда, к месту моего мучения, ощущение того, как желанные губы ласкают мое тело, вызвали громкий стон. Свели с ума.

Громко выругался и, резко поднявшись, оттолкнул Нелли, рванул вниз боксеры, освобождая заждавшийся этого момента член, и, рывком притянул жену к себе. Впился в ее губы напористым поцелуем.

От ее шортиков мы избавились вместе. А потом случилось все так, как я и хотел. Она оседлала меня, впуская сантиметр за сантиметром. Медленно, заставляя умирать от удовольствия, не прекращая целовать, впиваясь ногтями в шею и спину.

Ох! Боже!...

Меня поглотила обжигающая влажность, вынудила задыхаться умопомрачительная теснота. Дрожал от возбуждения, от прикосновений к шелковистой коже, волосам, от вкуса губ Нелли, звуков голоса, шептавшего мое имя. Был разрушен нахлынувшими чувствами, переполнен желанием застыть так навечно, упиваясь, агонизируя. Это все, что мне необходимо. Без нее я ничто. Просто не существую.

Нелли... Так и должно быть. Всегда! Ты видишь теперь? Понимаешь?

Между нами не было нежности. Только желание доказать, что все так же владеем друг другом. Целиком и полностью. Жесткие ласки, резкие движения — намерен был вынудить ее кончить от одних только прикосновений, с моим именем на выдохе. И почти пришел в отчаяние, когда она разорвала объятия и толкнула меня на чертов матрас, лишая возможности касаться, управлять.

Непослушными руками я загребал простынь, сыпал ругательствами, подбадривал, с первых же движений в новой позе был близок к взрыву. И это было наказанием, ведь с каждой фрикцией мое желание, наваждение, чтобы это продолжалось вечно, становилось все больше. Не уступая желанию излиться в нее.

Вот такое дерьмо.

Горячие ладони, упирившиеся в мою грудь, обнаженное тело жены, изгибы, движения, колыхания — все это сжигало любое усилие сдержаться, уносило в нирвану. Нелли ускорила, подходя к пику, и я уже не мог...

Громкий возглас жены прозвучал великолепным диссонансом в гармоничной линейке наших стонов и равного шумного дыхания. Она напряглась, затем в миг расслабилась, выгнувшись, остановившись. Увлекла и меня в пропасть оргазма. Нет, скорее, в рай.

Нелли.

Кажется, шептал это имя как заведенный, крепко обняв, жарко целуя, путаясь пальцами в ее волосах, ощущая, как теплые ладони жены поглаживают плечи, лицо.

Абсолютное и совершенное счастье после сменила блаженная пустота.

***

Аккуратный толчок в область, где должен быть головной мозг, а сейчас полностью заменившая его жуткая боль, — и я проснулся, разодрал веки. Моргнул и, не шевелясь, уставился в белый потолок.

Утро или день? Главное — светло, а с мелочами разберемся. Постельное белье почему-то пахнет лавандой. Странно, до этого дня не замечал запаха.

Перед глазами слегка плыло, во рту — сухость и гадкий привкус помойки. Перебрал вчера знатно. Кажется, мне что-то привиделось, хорошее, счастливое... Но что?

Осторожно вдохнув, начал постепенно возвращать воспоминания.

Итак, вчера была пятница. Очередная рабочая неделя прошла, оставляя меня один на один с нынешним статусом разведенного, холостого и охрененно счастливого. Пятница — страшный день почему-то. Как только стрелка часов приближается к шести вечера, постоянно вспоминается квартирка Пашки и идиот я, пытающийся посмотреть сериал или документалку, приготовить себе какое-то дерьмо на ужин и просто не думать, не анализировать и продолжать двигаться дальше, как робот.

Поэтому неудивительно, что снова сбежал от такого продуктивного времяпрепровождения в диско-бар в двух кварталах от работы. Как обычно, заказал виски, еще что-то, потом снова виски, а после... Вот дальше, собственно, и начинается задница, потому что плохо помню последующие события.

Замычав от боли, помассировал виски, принуждая воспоминания всплыть. Что, черт возьми, я делал, где был? Вроде стоял, опираясь о столб, стукнулся головой, сядясь в такси, приехал домой...

А дальше — чудесный сон. Нелли, я под ней, лихорадочные грубые ласки, жадные поцелуи ну и закономерный оргазм, срывающий крышу. Такие эротические фантазии-сновидения стали уже рутиной. А заодно и напоминанием о том, что подзадержался в этом состоянии добровольного целибата, пора бы уже снять кольцо, найти себе другую. Или других.

Но будь проклято все. Я мазохист! И, когда не пьян, наслаждаюсь своей болью, обидой и ненавистью к бывшей. Временами даже уверен, что именно ради этих чувств и живу. Этаким стимул вставать каждое утро, собираться на работу, возвращаться домой после девяти вечера, есть и дышать.

В общем, проехали. Руки, ноги целы, голова на месте, значит, неприятностей на нетрезвые мозги себе не нажил. Пора встать, принять таблетку и начать новый день.

Пошевелился, пытаюсь приподняться, но не тут-то было. Сила тяжести будто обрушилась сверху, придавив к постели, голова взорвалась адской болью. Ох, мать твою... Теперь все выходные в себя буду приходить. Хотя разве не для этого я, собственно, и надираюсь? Похмелье — отвратительная вещь, отлично изгоняющая мысли о Нелли.

— Доброе утро, Егор Валерьевич, — раздалось ехидное, насмешливое откуда-то справа, с противоположного конца комнаты.

Я вздрогнул. Меньше всего ожидал услышать этот голос, с грудными нотками, тягучий, прохладный и мягкий, как компресс, положенный на мои пульсирующие виски. От удивления забыл о похмелье и буквально подскочил, сев в постели.

Охренеть. Что я здесь делаю? Как тут оказался?

Я осматривал комнату. Спальню в квартире, которую оставил Нелли. Бывшую нашу с ней спальню. Поменялись лишь шторы на окне, ковровое покрытие, лампа на тумбочке да и сама кровать. В широком кресле в правом углу, на спинку которого был брошен банный халат, сидела моя экс-супруга. Полностью одетая, с уложенными волосами, она внимательно, выжидающе, с холодным, нет, даже надменным, любопытством смотрела на меня, полуголого, встрепанного, с опухшей от похмелья рожей.

Потрясающе настолько, что все точные описания нецензурной бранью застряли в глотке.

— Доброе, — проскрипел я и сжал виски, в которых замолотила боль.

Элеонора поморщилась, кашлянула. Вдохнув, произнесла:

— Там на столике две таблетки обезболивающего и вода.

Какая забота, однако. Может, это слабительное на самом деле? Да и ради бога, все равно уже.

— Спасибо. — Повернулся, нашел воду и лекарство рядом взглядом и потянулся дрожащей рукой за стаканом. Потом проглотил таблетки.

Что вообще происходит? Она злится? Или в таком же потрясении от происходящего, что и я? И главный вопрос — как вообще здесь очутился?

Столкнулся с пристальным взглядом зеленых глаз. Рот Нелли на секунду жестко сжался.

— Теперь, когда ты более или менее пришел в себя и способен соображать, расскажи, какими судьбами? — спросила она, сложив руки на груди.

Хм, Элеонора Вишневецкая (когда-то красневшая от того, что в интимные моменты зову ее Вишенка) примерила на себя роль железной леди. Ну я тоже не стану отставать.

— Я напился, — по-деловому отрапортовал хриплым голосом.

— Знаешь, я заметила.

Чертова язва.

Все-таки злится на меня. Почему? Вчера прогнал ее с кровати, заставив спать на диване в большой комнате? Домогался? Напугал?

Нет. Не могу вспомнить. Всплывает лишь очередной эпизод эротического сна: я ласкаю ее груди, пока она двигается вверх и вниз, сжимая меня в своей глубине, вынуждая умирать от наслаждения...

— И давно ты это делаешь?

Что именно делаю? Фантазирую о ней? Да с первой встречи. Или ей интересно, с каких пор назначил ее своим наваждением? С того момента, как она ушла от меня. Не то чтобы это мне радость приносило, но хотя бы примиряло с убогой действительностью.

— Ты о чем? — Мои извилины напряглись, пытаюсь переключиться и не потерять нить разговора. — Что делаю?

— Напиваешься до беспамятства.

— Вчера впервые, — уверенно кивнул я, нахмурившись, уставившись в зеленые осуждающие глаза.

Оставь это, Нелли, не заставляй меня лгать, я теперь ненавижу ложь в любых ее проявлениях.

— И какое тебе дело до этого? — бросил зло.

Кирпич за кирпичом выстраивал в сознании защиту от представления, что она, возможно, заботится обо мне, беспокоится... Чуть! Это не так. Она никогда не беспокоилась обо мне на самом деле, предала, вытерла ноги о мою любовь.

— Никакого, — признала Нелли, отводя взгляд, поправила волосы.

Ее волосы... И еще одна вспышка, осветившая кусочек дна, где покоились пьяные фантазии: шелковистые прохладные локоны накрывают мое лицо, и я блаженствую в аромате карамели, горьковатого апельсина...

Будь я трижды проклят! Лучше бы еще месяц не видел ее. А лучше год. А еще лучше — никогда не встречал бы вообще. Потому что сейчас не способен смириться с мыслью, что она больше не моя.

— Ладно, — Нелли потеряла переносицу, знак высшей сосредоточенности. — Ты напился и? Каким ветром тебя занесло в чужую квартиру?

— У меня есть версия, — я поскреб щетину на щеке. — Видимо, сказал таксисту этот

адрес на автомате. Все-таки три года прожил здесь.

— Да, хорошая версия, — Вишневецкая, опустив голову, сняла соринку с колени. — Думаю, надо ее принять. И поскольку ты впервые вчера напился, я тебя извиняю за это. И выражаю надежду, что такого больше не повторится.

Она на секунду замолкла, бросила на меня странный взгляд и пояснила:

— Имею в виду: не повторится то, что ты снова наведишь меня в пьяном виде.

— А в трезвом можно? — Не удержался от искушения съязвить, спрятал лицо в ладонях.

Милая, я горю таким же желанием не видаться с тобой, каким и ты. Ни мое разбитое сердце, ни покалеченная нервная система тебя не переваривают.

Элеонора мудро промолчала, не отреагировав на мою подначку. Я услышал слабый скрип и поднял голову, чтобы увидеть, чем занята моя бывшая.

Нелли поднялась с места и направилась к окну, чтобы до конца раздвинуть шторы. Ох, как же хочется умереть... Эти длинные ноги, округлые бедра, попка, приглашающе обтянутая светло-голубой тканью юбки...

И очередная фантастическая картинка из сокровищницы моих стимулирующих эрекцию видений. Вишенка удирает от меня, переползая через кровать, короткие шорты почти не прикрывают ягодицы. Я хватаю ее за лодыжки, тяну к себе, переворачиваю на спину, огромные потемневшие глаза смотрят в мои, зовущие губы приоткрыты...

И в тот момент, когда мой член вновь сказал свое утреннее «здравствуй», в голове щелкнули одновременно две мысли. Первое: я сижу в постели жены абсолютно голый. Вторая: мелькнувшая картинка не может быть плодом моего воображения, слишком четкая, похожая на правду.

Застыв, я выпалил:

— Между нами что-то было? Почему я голый в твоей постели?

Нелли замерла, сжимая в руке плотную ткань шторы. Она стояла спиной ко мне, но видел: вопрос заставил бывшую напрячься.

— Нет, — ответила твердо после паузы. Повернулась ко мне, бесстрастно посмотрела в глаза.

Врет. Или нет?

— На кухне тебя ждет кофе. И есть еще бисквит, если ты голоден. — Она зашагала к двери.

— А ты куда?

Язык мой — враг мой. Наплевать, куда она собралась, даже если это свидание с каким-нибудь ублюдком.

Я заскрипел зубами от гнева и бессилия.

— На работу, — последовал ответ.

— Черт, Нелли! Я каждый месяц тебе перечисляю деньги не для того, чтобы ты еще и по субботам вкалывала!

Она установилась у двери, развернувшись ко мне. В глазах разгорался огонек бешенства.

— Мне не нужны твои деньги, и ты это знаешь! Я даже не пользуюсь этой картой больше. Могу прямо сейчас отдать ее тебе. Как раз и понадобится. Думаю, скоро ты не сможешь работать так же успешно, как и раньше, если продолжишь пить. И не смей лезть в мою жизнь! Я хранитель фонда, и должна проверить работу нового реставратора, чтобы в понедельник отчитаться твоей матери, кстати.

— Отлично, — выплюнул гневно я, хлопнув в ладоши. — Ответ принят! Но ты так и не

сказала: почему я голый в твоей кровати?

— Отлично, — передразнила она меня, скопировав тон. — Хочешь знать правду, так получай ее! Ты приперся среди ночи, разделся догола и начал приставать ко мне. Ты был омерзителен. И я бы даже испугалась, если бы ты не был пьян до такой степени, что через минуту потуг овладеть мной не свалился и не вырубился мертвецким сном. Доволен? Есть еще вопросы?

Это дерьмовый поворот. Ссутулившись, запустил пятерню в волосы, сдержал на языке рвущуюся нецензурщину. Выходит, я тот еще урод. Какой бы плохой жены из Нелли ни получилось, она не заслужила быть оскорбленной бывшим мужем таким вот образом.

— Прощай, Егор. Надеюсь, мы с тобой больше не увидимся, — едким тоном закончила она, тихо прикрыла дверь за собой.

«Нет, фигня, я тот еще апологет фантазий, но чтобы до такого дошел», — думал, выползая из постели. Конечно, у нас с ней ничего не могло быть. Она ненавидит меня, свято веря в мифическую измену. Я ненавижу ее за ложь и предательство. Да у меня бы просто не встал на нее. А она бы просто меня не захотела.

Нашел свою одежду. Она была аккуратной стопкой сложена на бельевом комод и, что поразительно, выстирана. Одно как-то не вязалось с другим: ее холодность, бешенство и ... гостеприимство. Вода, таблетки, кофе, бисквит, постиранные вещи и посылающий меня ко всем чертям взгляд.

Тут еще и шестое чувство. Хотя, наверное, седьмое... Впрочем, какая разница? Но это чувство всегда было у меня после великолепного секса. И если сложить два и два, вернее, три и три: постель, мою наготу и странную Элеонору, то напрашивается определенный вывод.

И потом, ее уход, больше похожий на бегство. Ничего бы ей мать не сделала, не получив какой-то там отчет в понедельник. Нелли никогда не приходилось работать по выходным, в эти дни она предпочитала либо на пленэр уходить, либо рисовать в маленькой комнате.

Так в чем, где и сколько раз она мне сегодня солгала? Замечательный вопрос, вне всяких сомнений. Осталось лишь обрести ясную голову, задушить злость, а также желание глупо страдать и ответить на него.

Жаль, нельзя спросить свой член, был ли он этой ночью в бывшей жене. Вот за кем последнее слово должно бы остаться.

Глава 3. Первый, второй и третий взгляды

Три года и одиннадцать месяцев назад

С тех пор как мне исполнилось двадцать два, я не раз убеждался, что чертов везунчик. Ну во-первых, родился, как говорится, с серебряной ложкой во рту. Нет, в число самых богатых наша семья не входила, но и к среднему классу все же мы не принадлежали. Связи, деньги, свой бизнес уже залог успеха в наше нелегкое время и этакий счастливый пинок под зад юноше с амбициями.

Чувство исключительности вообще со всех сторон замечательное. Исключительный заведующий лучшей в городе стоматологической клиники, исключительный мужчина, на которого пусть не гроздьями, но вешаются привлекательные женщины, исключительный сын и брат. Но в двадцать девять я стал уставать от всего этого, почему-то потянуло прочь из семьи, отцовского бизнеса, захотелось определить для себя вершину, своими силами утвердиться на ней и что-то значить не потому, что у меня не пусто на счетах и имеется известная фамилия, а потому, что потом и кровью выгрыз себе место под солнцем.

Отец предсказуемо разозлился, когда узнал, что ухожу и у него есть две недели, чтобы найти на мое место толкового управленца. Данил в роли такового родителя по какой-то причине не устраивал. Вчера в нелегком разговоре намекнул ему, что, если брат младше меня на полтора года, это не означает отсутствие мозгов и таланта. Наоборот, Даня всегда желал помогать, его ранило нахождение на задворках отцовского внимания (совершенно неоправданное, по моему мнению).

И вот сегодня я сидел в гостиной родительской квартиры, ожидая отца, чтобы еще раз поговорить, сгладить ссору. Мать вернулась недавно, обрадовалась мне и поспешила на кухню помочь домработнице с ужином (по ее задумке я должен был на него остаться). Копался в телефоне, раздумывая, куда податься после увольнения и чем мог бы заняться. Посещала идея повариться немного на фармацевтическом рынке, возможности большие...

На ужин мама зря возлагала надежды. Отец бурчал, смотрел на меня исподлобья, игнорировал — одним словом, все что угодно, но не разговаривал. Мать и сестра как могли старались сгладить обстановку (Аля, кстати, всюю травила студенческие анекдоты, что означало: она в шоке от случившегося в семье конфликта), болтали без умолку, будто сороки.

Мама в подробностях рассказывала о своем «открытии», девушке по имени Нелли. Как я понял, провинциальная девчонка, молодая, наивная, талантливая. С ней Евгения Александровна повстречалась на блошином рынке, где часто обыватели продавали антиквариат, не подозревая о реальной стоимости той или иной вещи. Ну и художники там же пытались сбыть свои картины.

Нелли как раз из последних. Мать взглянула на ее работы и, по ее собственным словам, «по уши влюбилась». И вот теперь подробности жизни этого дарования вываливались прямо за семейным столом Дорониных.

Девочку Евгения Александровна немедленно «забрала себе». Устроила в галерею экскурсоводом («для начала» — последовало таинственное уточнение), показывала разным шишкам, чтобы помочь обрасти нужными связями, и практически не расставалась с ней, взяв под полную опеку, будто дочь.

Мне это не нравилось. У матери есть Алептина, чем она ее не устраивает? Тем, что далека от искусства, терпеть не может рисовать и учиться в институте международного бизнеса? А тут столько любви и симпатии — и все на непонятную, чужую девуцу, на которой, возможно, и пробы ставить негде. Представляю, как эта Нелли обрадовалась, получив такую покровительницу.

— Мам, если твоя Нелли так хороша, так, может, познакомишь нас с ней? — язвительным тоном выдал я, нарезая мясо на мелкие кусочки.

— А с ней уже все знакомы, — улыбнулась мать. — В воскресенье ужинали вместе.

— Ага. Замечательная девушка, — Аля светло улыбнулась. Сестра разбиралась в людях, значит, действительно Нелли замечательная.

— Целеустремленности и твердости не хватает, но она очень милая, — поддакнул отец, поразив меня. От Валерия Георгиевича редко кто хорошего слова достаивался.

— Твоему брату и Карине она тоже понравилась, — кивнула мать, хитро на меня посмотрев.

Я отложил прибор. Это что получается? Вся моя семья (включая и жену брата) знакома с этой Нелли, только я остался за кадром.

— Так. — Поджал губы, сосредотачиваясь, буравя мать взглядом. — То есть ты решила представить ее всем, но я почему-то и не в курсе был.

— Нууу... — Евгения Александровна усмехнулась. — Гош, с тобой я бы не хотела ее знакомить.

— С чего вдруг?

Сестра задорно рассмеялась:

— Испортишь девочку, чертов ловелас, — объяснила без всяких экивоков. — Вот почему.

Я поперхнулся.

— Я что, по вашему, черт с рогами? Я нормальный человек. — Возмущению не было предела. За кого собственная семья меня держит?

— Ну с рогами, допустим, твои подружки, — продолжала забоскалить сестрица. — А Нелли очень простая, неискушенная и добрая. Явно не для тебя такой ангел.

— Гош, — мама многозначительно посмотрела на меня, останавливая готовую начаться словесную перепалку с Алей. — Нелли очень чувствительная, а ты тот еще шутник и нахал. Тебя слишком много было бы для нее. Потом, может, вас познакомлю. Подожди, пока она хоть немного к нам всем привыкнет.

Я засопел, не скрывая обиду.

— Не стоит утруждаться. Раз меня для нее было бы много, то обойдусь без знакомства.

Мать явно вздохнула облегченно.

— Ну остановимся тогда на этом.

Етить-колотить, неужели я настолько плох и негоден, что меня с приличной и скромной девушкой не желают знакомить? Думают, оскорблю ее, обижу? Бред. Теоретически, конечно, могу пожелать затащить ее в постель, но то будет только с ее согласия. Да, я не сторонник брака и вообще длительных отношений, но им-то откуда знать: Нелли, возможно, тоже!

В общем, к чертям все. Сам теперь не желаю с ней знакомиться. Покувыркаться с такой «Нелли» могу в любой момент, достаточно отказаться от уже надоевших ночей с Ольгой и выйти на охоту.

... Недели через две факт существования Нелли в жизни моей семьи всплыл снова.

С отцом у нас все совсем разладилось, он не желал идти на разговор, не хотел слушать, воспринимать меня как самостоятельную единицу. Меня это и бесило, и тревожило, и расстраивало. Мама посоветовала не бросать попыток помириться и обещала поспособствовать.

Подходящим она сочла момент открытия новой экспозиции в галерее. На суд публики выставили картины молодых художников, в числе прочих были и полотна протеже Евгении Александровны. Мазня меня не интересовала нисколько, главное в этом событии оказалось то, что на нем пообещал присутствовать мой отец.

Я караулил его у входа в зал, мало обращая внимание на сутолоку вокруг, смех и возгласы моей матери, реализовавшей свою давнюю мечту открыть миру какого-нибудь юное дарование и обхаживавшей его вовсю. Имя Элеоноры Вишневецкой то и дело звучало то тут, то там. Телевидение еще приехало снимать... В общем, шумный хаос и пустая суета. Планировал обратиться подальше отсюда, как только поговорю с отцом.

Он появился тогда, когда уже отчаялся дождаться и посчитал: Валерий Георгиевич как-то узнал, что на выставке буду я и решил избежать неприятной встречи.

— Привет, пап, — поздоровался, когда наши взгляды пересеклись.

— Привет, — услышал сухое в ответ. — С чем пожаловал?

Отец решил не загораживать проход в зал и отступил в сторону, к стене, развернулся лицом к картине, делая вид, что рассматривает ее, хотя я точно знал: о живописи он отзывается уважительно лишь в присутствии матери и совершенно не разбирается ни в шедеврах, ни в художниках. Сюда родитель пришел исключительно для того, чтобы поддержать Нелли. Впрочем, как и мой брат с женой, и сестра...

Я встал рядом с ним, также сделав вид, что поглощен созерцанием, хотя едва ли замечал, что изображено на полотне.

— Мне не по себе, что ты обижен на меня. Причем незаслуженно, — объяснил отцу.

— Так ты и обидел меня. Почти предал, — пожал он плечами. — Как, по-твоему, я должен реагировать?

— Понять. Отпустить. Вот увидишь, Данька отлично справится на моем месте. Все в лучшем.

— Да, кажется, так и есть, — неожиданно выдал отец.

Мы уже стояли возле следующей картины. Повернулись к другу, одновременно усмехнулись, не произнося ни слова, перешли к соседнему полотну.

— Слышал, ты пробиваешься в «Фармстандарт», — изрек родитель задумчивым тоном.

— Да, есть такое.

— Ну молодец, похвально, — кивнул, бросив на меня ироничный взгляд. — Не замараешься, начав почти с низов?

— Именно этого и хочу.

— Ладно, — он хлопнул меня по плечу, одобрительно улыбнувшись. У меня словно гора с плеч свалилась, все-таки столько недель жил под грузом рвущихся крепких с ним связей, это вымотало сильно.

— Ну ты тут наслаждайся, а я пойду Нельку подбодрю да и исчезну из этого балагана. Такое впечатление, будто вся мазня одинаковая, и что они в ней находят? Скукота.

— Ага, увидимся, — улыбнулся я довольно.

Через минуту осмотрел стены зала. Да уж, действительно все полотна какие-то одинаковые. На мой неискушенный и практичный взгляд. Вот если только та картина с девушкой в алом...

К ней и устремился.

Художник запечатлел танцовщицу в свободном платье. Нет, «запечатлел» — неверное слово. Мастер будто поймал мгновение. Мгновение полета, счастья, стремления к бесконечности. Алое одеяние девушки жило, вздымаясь волнами, рассекая искрами пламени серовато-туманный и размытый фон. Темные волосы взметнулись, разлетаясь птицами. Запрокинутые к небу бледное лицо с закрытыми глазами, тонкие руки. Одна стройная нога, обрисованная тонкой тканью, приподнята. Девушка-лепесток, сорванный ветром, увлекаемый им, сопротивляющийся ему. Хаотичная, настоящая, прекрасная и хрупкая, как нимфа, как музыка, как греза.

Хорошая картина, что-то расплавившая в душе. Ее автор, безусловно, прославится, задел и все возможности есть. И кто же он?

Я перевел взгляд на табличку под рамой: «Э. Вишневецкая. Автопортрет». Охренеть...

— Она прекрасна, правда? — услышал рядом восхищенный голос матери. Повернул к ней лицо. Подозреваю, совсем стереть с него изумление не получилось.

— Нелли рисовала? — уточнил севшим вдруг голосом.

— Да. Взгляни, сколько экспрессии, какие краски, композиция. Она разорвала все каноны, но сделала все так органично, так тонко, так мастерски, что просто слов не хватает. Невероятно талантливая девочка.

— Где она? Познакомь нас.

Не понимал, что со мной творится. То ли какой-то зуд внутри, в душе, то ли интрига разрослась в необъяснимую манию, сжигавшую мозги. Мне крайне необходимо было немедленно увидеть Элеонору, заглянуть ей в глаза, сказать, как она поразила меня своей работой... Да просто посмотреть на нее, услышать голос. Сейчас. Сию минуту.

В конце концов, вся моя семейка на правах лучших друзей пришла удачи и успехов пожелать, один я точно неприкаянный. Несправедливо.

— Познакомить? — мать будто засомневалась. — Хотя ладно. Почему нет?

Она стала оглядываться в поисках протезе. Следом за ней толпу рассматривал и я. Взгляд привлекла тонкая фигурка темноволосой девушки в длинном золотистом платье. Видел симпатичное лицо лишь краткий миг, затем она повернулась и выскользнула за двери на противоположной стороне зала следом за съемочной группой, с которой беседовала мгновение назад.

— Ой, она вышла. Видимо, уговорили все-таки на интервью.

Так то была Нелли?

— Я подожду, когда они закончат.

От волнения, кажется, вспотел. И сердце ухало в груди. С чего бы вдруг? Просто девушка, обычное знакомство. Ну подумаешь, она талантлива, хороша собой и замечательно рисует. Меня это взбудоражило? Если так, то глупо.

— Как знаешь. — Мама заторопилась присоединиться к ушедшей с журналистами Элеонорой. Видимо, задалась целью убедиться, что робкую и стеснительную художницу не обидят и она справится с испытанием публичностью и известностью.

И что? Я проторчал в зале чертовых сорок минут, два раза обошел дрянную и скучную экспозицию, нашел еще пять работ Нелли (убедился, что она заметно выбивается из обоймы

одинаковых по стилю коллег какой-то размытостью и живостью изображения), проклял все на свете, в том числе и свое необъяснимое, усиливавшееся с каждой минутой желание немедленно узнать: а какая она, Элеонора Вишневецкая.

Мать вернулась, но одна. Сказала, что девушка так переволновалась, что предпочла отправиться домой.

Облом. Без прикрас.

— И когда тогда я ее увижу? — не стал отступать, взяв мать в оборот.

Она рассмеялась:

— Тебя так зацепила ее картина? Не ожидала. Ты приятно меня удивил.

— Завтра сможешь познакомить?

Что за одержимость? Может, она на этой выставке, как вирус, в воздухе распылена? Я надыхался и теперь целиком заражен навязчивым желанием узнать Нелли.

— Можно. Я позову ее пообедать в «Арт-кафе», это здесь, на углу. В два. Приходи. Представим это как случайность.

— Договорились.

Ночь и утро был взбудоражен, сам не свой, и ничем не мог объяснить такое состояние. Будто околдован. Или проклят. Еле удержался от того, чтобы приехать к кафе в полдень и подождать в машине появления матери и Нелли. Прибыл без пятнадцати два, вышел наружу, поправил рукава, галстук, провел рукой по волосам, судорожно вздохнул.

Да что такое со мной происходит?

Заставив себя расслабиться, я повернулся к входу в кафе, начал переходить улицу. Когда практически был у дверей, из заведения торопливым шагом выпорхнула невысокая девушка, точеную фигуру укутывал светлый кардиган, по плечам и спине разметались длинные темные волосы, лицо не смог увидеть, поскольку оно было опущено (незнакомка с кем-то переписывалась в телефоне), оценил лишь восхитительные ножки в легких сандалиях, шнурки которых красиво перехватывали лодыжки.

Вот, ошеломительная же кошечка. Может, как раз за ней последовать мне и надо? Талантливая художница Элеонора, конечно, меня манит, но и одновременно превращает в дерганого подростка.

Ладно, доведем задуманное до конца — с этой мыслью вошел в кафе. Зал был небольшим, пропахшим дразнящим ароматом кофе, чая и выпечки, отделанным в темных, уютных тонах. Быстро нашел взглядом мать. За столиком она сидела одна, а завидев меня, развела руками, скорчив скорбную гримасу.

Бля, неужели опять облом!

— И где она? — спросил, опустившись на стул напротив. У правой руки обнаружил чашку горячего капучино, из которой начали пить, но почему-то бросили процесс.

— Убежала буквально минуту назад. У нее там ЧП в квартире, соседи сверху заливают. Ты разве не столкнулся с ней у двери?

Проклятие! Столкнулся... Только разум глупо победил либидо, поэтому в итоге за ней не пошел.

Глухо выругавшись, потер лицо ладонями. Мама легко рассмеялась.

— Третий раз — алмаз, Гошка. Через неделю мы втроем, я, Аля и Нелли, собираемся на «Щелкунчика», утром еще были места в ложе. Так что покупай билет и пойдем с нами.

— На балет? — Меня передернуло.

В этом мире есть четыре бессмысленные вещи: носить воду в решете, жалеть о

прошлом, отказываться от секса без обязательств и смотреть на то, идеи чего не можешь уловить. Балет как раз относился к последней.

— А что не так? — мать округлила глаза. — Что может быть лучше балета?

— Футбол.

— Гош, я же не заставляю. Не хочешь — не надо. Просто предложила.

— Я пойду, — процедил сквозь зубы, скривившись.

Еще неделю ведь ждать знакомства, за это время, глядишь, проникнусь такой любовью к балету, что буду дневать и ночевать в театре, ожидая.

... В день икс, по закону подлости, все начало разваливаться еще с утра. Второй день на новой работе сам по себе чистилище, а если еще твой отдел внезапно решили переместить в другие помещения, то это еще и армагеддон.

Я охрененно опаздывал. Плюс встал в пробке, плюс не сразу нашел вход в театр. Когда опустился в кресло с нужным номером, чувствовал себя убогой, заезженной, перенервничавшей клячей. И как знакомиться с девушкой-мечтой в таком виде?

Так, без паники.

Выдохнул, привел себя в порядок, как мог, и начал искать единственного человека, ради которого, собственно, пришел сюда, похерив свободный вечер и гармонию своего мира без балета.

Сначала взгляд отыскивал мать, характерное короткое каре четко выделялось на фоне света, идущего от сцены, рядом с ней сидела Аля, дергая прядку светлых волос, выпущенную из прически у уха. Дальше всех от меня сидела Нелли. Увидел ее и облегченно улыбнулся. Сегодня она от меня не уйдет.

Впился взглядом в профиль девушки, скрытый полумраком: маленький прямой носик, небольшой лоб, улыбающиеся чувственные губы, темные волосы скручены и уложены на затылке. И только тогда понял, почему сам не свой с того момента, как увидел ее картину, ее саму (пусть мельком). Это судьба. Она — моя судьба. Роковое притяжение, результат которого или ад, или рай. Отныне мы с ней две навечно связанные вещи, как, например, «Титаник» и айсберг, Помпеи и Везувий, башни-близнецы в Нью-Йорке и врезающийся в них самолет. Событие, после которого прежней жизни не будет.

От адреналина и возбуждения, забурливших в крови, меня начало потряхивать. Можно ли влюбиться в девушку, которую и не видел толком, не говорил ни разу? Признать ее единственной, навсегда отказавшись от представлений, что вторая половинка есть у таблетки, мозга и задницы, а человек рождается целым?

Только что понял: можно.

На сцене разворачивалось балетное непонятное действие, блестели костюмы, танцоры летали и подпрыгивали, в зале царствовала строгая и волшебная музыка, а я смотрел на Нелли и ждал чертового антракта. Пришел сюда за эстетическим наслаждением, необычными эмоциями? Ну их сполна получал, еще лет цать можно забивать на посещение театра.

Однако все вновь пошло не по плану. Элеонора что-то шепнула Алевтине, неожиданно поднялась с места и, скользнув в проход в противоположной от меня стороне, отправилась на выход.

И куда она? Снова ЧП в квартире? Интервью с журналистами? Или побег с этого праздника танца под предлогом посещения дамской комнаты?

Не на шутку встревожившись, что снова упустил ее, я через минуту вышел следом, подпер стену рядом с дверями в ложу. Минуты ожидания растянулись в вечность, тербил пуговицу на пиджаке, невидящим взглядом уставился в пол и старался обуздать все усиливавшееся волнение.

Что я ей скажу, когда встретимся? Что именно мать рассказывала обо мне, что вообще члены моей семьи ей обо мне сообщили? Как много компромата и пикантностей из моего прошлого Нелли известно? Как она посмотрит на меня? Возможно, в ее глазах моя репутация подорвана навечно... Как тогда начать разговор? Стоит ли его начинать? Может, проще сбежать, покаяться и принять все меры к тому, чтобы стать святым и достойным общения с ней?

Эти и другие вопросы одолевали, инфицируя паникой даже самую циничную и стойкую часть сознания. Усилием воли отмахнулся от них, истерически хохотнул. Боже, до чего я дошел? Кто бы мог еще недели две назад подумать, что Егор Доронин, секс-идол для многих своих подружек, альфа-самец, по мнению приятелей, будет напуган перспективой знакомства с обычной девушкой.

Черт. Не обычной, а единственной на свете. И не совсем девушкой, а будущей ... женой?..

Полностью объять мозгом этот вывод и оценить масштаб катастрофы не успел — послышался стук каблучков, звонким эхом раздававшийся в пустом коридоре.

Это Нелли? Или нет?

Сглотнув, облизав губы, я достал из кармана мобильный. Сделаю вид, что вышел ради срочного звонка, не хочется ведь, чтобы в первый же день знакомства она приняла меня за одержимого сталкера.

Тук-тук-тук, тук-тук-тук. Она все ближе, а мне все страшнее. Наконец, женская фигура показалась из-за угла, секунда мне понадобилась, чтобы вобрать взглядом скромное черное вечернее платье, волнующе облегающее бедра, талию, длинные ножки, обутые в серебристо-серые лодочки на шпильке, грудь, скрытую палантином с узором в тон туфлям, и лицо, отрешенное, задумчивое, очень красивое. Потом я быстро отвернулся, встав напротив дверей, перекрывая проход, поднес к уху телефон и «заговорил» по нему:

— Нет, завтра никак. У меня все время расписано. Давай так определимся: созвонимся завтра в четыре и договоримся, когда и что. Идет?

Покивал в ответ на «реплику от собеседника», чувствуя спиной, что Нелли остановилась рядом, ожидая, когда можно будет пройти.

— Хорошо, конечно. Все, бывай. Мне пора. — Я «отключился», повернулся к девушке.

Наши взгляды встретились, и буквально рухнул в глубину зеленых завораживающих глаз напротив. Пропадая навечно в них, в ней.

Полностью оглушен. Стою, как дурак, не способен и слова вымолвить.

Она очаровательно покраснела, слегка наклонила голову, пряча лицо, разрывая зрительный контакт, отпуская меня.

— Привет, — голос стал сиплым, я прокашлялся.

Так, первое слово произнесено, дальше должно быть легче. Не сдаемся, мобилизуемся. Если хочу ее получить (а я хочу неудержимо), надо взять себя в руки.

— Привет. — Какой чудесный голос... Она, заметно взволнованная, поправила палантин, не решаясь взглянуть на меня. — Кажется...

Перебил ее, выпалив:

— Мы знакомы. Заочно. Я Егор Доронин.

Трижды проклятый этикет и странные моральные нормы, наработанные цивилизацией! Насколько было бы проще не разговаривать, не строить что-то из себя, не создавать дымовую завесу очевидным желанием и вещам, а просто закинуть ее себе на плечо и утащить в логово, чтобы сразу обозначить: теперь мы вместе, дорогая, строим дом, семью и целиком отдаемся инстинкту размножения.

Элеонора робко улыбнулась, осмелившись вновь встретиться со мной взглядом.

— Я знаю. Ваши фото есть дома и в кабинете Евгении Александровны.

Я нервно почесал затылок, похолодел.

— Наверное, мама много обо мне рассказывала... — предположил неуверенно, голос дрогнул от страха.

Она покачала головой.

— Нет, почти ничего. Сказала лишь, что, если представится случай, я сама составлю свое мнение.

Спасибо, господи! Я твой должник.

Почувствовав твердую почву под ногами, задавил волнение и начал набрасывать план осады и последующей атаки. Первое — приглашу ее на ужин (хотелось бы сразу на свидание, но придется подождать, Нелли действительно неискушенная, напор ее отпугнет). Второе — позову в кино (или прогуляться где-нибудь в живописных местах, она художница, оценит). Третье — как бы случайно встречу с работы (вообще начну регулярно встречать). Четвертое — приглашу на свидание, заявив, что без ума от нее. К концу недели мы должны стать парой, иначе за себя не отвечаю.

— Нелли... — Я проглотил фразу «Давай скорее уйдем отсюда, и ты начнешь составлять обо мне только положительное мнение», — как тебе «Щелкунчик»?..

Остолоп! Мне двенадцать лет, чтобы так банально делать первый шаг?

— О, — она замялась, переступила с ноги на ногу. — Красиво. Я впервые смотрю балет. Чувствую, что это слишком для меня. Много эмоций, много образов. Просто перегрузка... А вам как?

— Не надо на «вы», — скривился я. — От этого коробит. Все-таки мы почти родственники...

Родственники? Что я несу?

— Простите. Ой, прости! Привычка, — она еще больше разволновалась.

Приблизилась, собираясь зайти в ложу. Я вдохнул легкий прохладный аромат ее духов, снова пропал в невероятной глубине зеленых глаз, перевел взгляд на зовущие губы, тронутые обычным блеском.

Прекрасна и естественна, практически никакого макияжа. Она удивительная, моя девушка-мечта...

— Давай вернемся, — тихо проговорила, не отрывая взгляда от моего лица. — Наверное, Евгения Александровна уже потеряла нас.

Автоматически кивнул, едва ее слыша. Вздрогнул, когда скрипнула открывающаяся дверь, гул музыки из зала усилился.

Вернемся? То есть не уйдем прочь, не останемся наедине? А как же приглашение на ужин?

Рука дернулась, желая ухватить Элеонору за локоть, не дать ей уйти, но момент был упущен. Девушка нырнула в тьму ложи, я, проклиная свою тупость и медлительность,

последовал за ней.

Едва досидел до антракта, а потом — до конца представления. Нелли явно сторонилась меня, общалась мало или через посредников, мать и сестру (надо отдать им должное: они поняли, в чем дело, и принялись активно знакомить нас), отводила взгляд и не стремилась раскрыться.

Мой план рухнул.

Не беда! За ночь создал другой. Паника и растерянность ушли, их сменила четкая директива: я добьюсь этой девушки, сверну горы, осушу моря, но добьюсь. Она будет моей.

Я максимально увеличил количество наших встреч: ездил к матери на работу, заказал индивидуальную экскурсию по галерее (экскурсоводом, разумеется, выступила Элеонора), напрашивался на обед в кафе с Евгенией Александровной и ее протеже, подвозил девушку до дома. И первые плоды появились. Нелли стала меньше чураться меня, больше говорить, раскрываться. Она начала привыкать к моему обществу и даже несколько раз осмелилась добродушно подтрунивать, смеялась над моими шутками.

На ужин опасался ее звать, как и на прогулку (стопроцентно откажет и поймет, что настроен решительно и серьезно), но пригласил на выставку какого-то авангардиста. Для этого пришлось убить часы на поиск в интернете и поспрашивать коллег и знакомых об известных городских художниках и местах, где они выставляются.

Мы хорошо провели время... Нет, не так. Мы замечательно его провели! Я, сраженный наповал, слушал, как она горячо объясняет мне идею каждой картины, обращает внимание на нюансы, тонул в ее глазах, запахе, легких и невинных касаниях, ощущении ее близости, любовался ею и облизывал взглядом, практически наяву фантазируя о том, как целую, ласкаю, снимая это легкое, воздушное платице.

Конец этого несвидания омрачился тем, что Нелли разболталась с треклятым художником-автором этого ужаса, развешенного на стенах. Они сыпали терминами, смеялись над шутками, понятными только им одним, явно были на одной волне, а мне хотелось убить этого мужика, заорать, чтобы он отошел от девушки и что она — целиком моя.

День проходил за днем, встреча — за встречей, но дело с мертвой точки не сдвигалось. Нелли приняла меня как друга, общалась как с другом, сыном своей начальницы и ничего сверх этого. Я же сходил с ума по ней и пребывал в полнейшей тьме отчаяния, бился лбом о невидимую границу между нами.

Через месяц такой вот френд-зоны сдался, был готов заявиться к ней, признать, что безумно желаю, рухнуть на колени и молить о взаимности. Но гребаный насмешник-боженька сжалился все-таки надо мной: я оказался вознесенным в рай, получив свой первый поцелуй и возможность назвать Нелли своей открыто...

Глава 4. Истина не в вине

Без вариантов, со мной все неладно. Это подтверждалось четкими доказательствами каждый день.

Воскресенье. Я развалился на диване в своем временном пристанище. Канал National Geographic, бутылка минералки, роллы на дом... И моя дебильная улыбка неизвестно чему с верчением обручального кольца на пальце. Мелькали мысли снять его и вышвырнуть в помойку. Ну можно еще отправить экс-супруге заказным письмом, сопроводив проклятиями. Но продолжал крутить ободок золота, а в мыслях — наш разговор в субботу: ее внимательный взгляд, забота, странная реакция на мою ночевку. Чувствовалось, что-то изменилось, персонажи на застывшем полотне волшебным образом сдвинулись...

Чушь! Видимо, в пятницу переоценил свои силы да так перебрал, что до сих пор мозги не на месте. Забыть Нелли и те эпизоды немедленно — вот моя задача. Между нами ничего не было. Точка.

Понедельник. Поймал себя на мысли, что напеваю на работе веселый хит, подцепленный через радио в машине, на душе как-то посветлее. Впервые лучше со времен разрыва. Но чему я радуюсь? Затягиванию сроков подписания контракта? Тупости своего зама? И сам не понимал.

Вторник, 14:47. Я злой, как черт, после изучения макетов, вынес мозг Марго, пригрозил увольнением половине отдела. А через десять минут улыбался от осознания: до вечера пятницы остается три дня или семьдесят пять часов, или четыре тысячи пятьсот тринадцать минут.

Обхватил руками свою спятившую голову.

Среда. День выдался спокойным, вторая его половина — и вовсе свободной. Наверное, поэтому моя шизофрения пустилась во все тяжкие. Я развлекал себя мыслями о том, что тот сон, приснившийся в ночь на субботу, не сон вовсе, а реальность. Сознание заполнили картинки того, как по ошибке прихожу в бывшую квартиру, в хмельном угаре ругаюсь с Нелли, после чего мы приходим к консенсусу стандартным для семейной пары способом.

Наслаждаться образами этого примирения было огромной ошибкой. Огромной, заметной. Заставившей долго оставаться на месте и думать об авиакатастрофах, казнях и прочих неаппетитных вещах.

Вот такой кошмар.

Четверг. Я был окрыленным. Почему? Потому что завтра, твою мать, пятница! И что? Несомненно, так воодушевлен предстоящей встречей с выпивкой и часами в этом диско-баре с тошнотворной музыкой.

Я ненормальный.

И, наконец, пятница. Бросал взгляд на часы едва ли не каждые десять минут, время тянулось очень медленно, что бесило. В пять вечера мои нервы сдали, я наорал на Марго из-за единственной ошибки в документе, которую можно легко исправить за пару минут, и убрался с работы. Так рано давно не уходил...

Но дома покоя тоже не нашел. Расхаживал по комнате, будто зверь в клетке, поглядывал на небо, все не желавшее темнеть, потом все же сел на диван, закинул руки за голову.

Я не мог понять, что со мной. Чего хочу вообще?

Сделал глубокий вдох, заставил себя успокоиться, сосредоточился, разложил все по

полочкам.

Итак, если исключить, что себя потерял еще в день разрыва с Нелли (научился ведь существовать в таком состоянии), то когда земля под ногами зашаталась вновь, а горизонт сместился? В субботу, когда ушел из своей бывшей квартиры, сопровождаемый словами экс-супруги: «Прощай, Егор. Надеюсь, мы с тобой больше не увидимся».

Больно, но правильно. Теоретически могло меня подкосить, выбить из колеи. Ведь по-прежнему люблю ее так же сильно, как и ненавижу, и к подобной нежданной встрече не подготовился морально.

Но проехали.

Второй вопрос — чего я хочу? Он абсолютно философский, поэтому проще перефразировать. Кого я хочу? Да, вот так практичнее и даже поддается решению.

Кого... Стоило ожидать этот момент, услужливо подсунутый памятью: заглядываю в зеленые, искрящиеся желанием глаза, пропускаю сквозь пальцы длинные шелковистые пряди, а другой рукой прижимаю ее бедра к своему паху, заставляя почувствовать, насколько твердо намерен любить ее, как только одежды на нас не останется. Она согласно улыбается, тянется ко мне, обхватывая затылок, наклоня голову к ее лицу, губы приглашающе приоткрываются...

Нелли... Да, запретный плод всегда сладок, но глюкоза наносит такой вред организму, что правильно отказаться от ее употребления. Поэтому нет. Хочу кого угодно, но только не Элеонору отныне Вишневецкую. Она — прочитанная, с громким хлопком закрытая и убранная на самую дальнюю полку книга с таким дурным содержанием, что и прикасаться к ней не следует, не то что перечитывать.

В общем, уже все: ситуация, физиология и окружающий мир — буквально орет: мне надо перезапустить свое либидо, а лучший помощник в этом — секс с другой женщиной. Уверен, пара любых блондинок вполне способны вытряхать из моей головы одну конкретную шатенку.

Приняв решение, я вскочил с дивана и ринулся к письменному столу Пашки. Там в верхнем ящике должна лежать примечательная телефонная книжка «на случай, если станет одиноко». Он сам показал мне ее. Золотой человек!

Имен было не так уж много, рядом с некоторыми стояли цифры (догадывался, что расценки), с другими — любопытные пометки, третьи вовсе никак не были отмечены, наверное, девушки находились в списке «возможностей» друга.

Я оторопел, когда наткнулся на знакомую имя и фамилию — Дина Коваленко. Тезка и однофамилица? Нет, не бывает таких совпадений...

С Диной мы были знакомы еще с подросткового возраста, наши матери учились вместе в институте, после его окончания дружба не оборвалась, общение продолжилось. Лет с девятнадцати родительницы активно сводили нас, а мы и не были против. На тот момент мать Дины не знала: дочь настолько свободна и незакомплексована, что я еле втиснулся в плотный ряд ее любовников, замужество и постоянство были для нее страшным сном. Месяца два мы, к обоюдному удовольствию, спали друг с другом без каких-либо обязательств и обещаний, после разбежались, а потом завели традицию: каждая случайная встреча заканчивалась для нас постелью. И в последний раз таковая была больше четырех лет назад.

Ну сейчас я не против вспомнить такое прошлое, потряхнуть стариной со всеми вытекающими. Тем более, что Дина блондинка. Тем более, что горяча и неутомима. А еще

изобретательна, да. И фигура шикарная.

Дотянувшись до сотового, я набрал написанный номер, дождался ответа.

— Да, — протянул знакомый томный голос. — Кто это?

— Привет, Дин. Не узнаешь? — рассмеялся я.

— Не-а. А должна?

— Егор. Доронин.

— Ёперный театр, котик! — радостно заорала Коваленко. Я поморщился: уже и забыл, какая она громкая. — Сто лет, сто зим. Охренеть как я счастлива, что ты набрал меня.

— А я-то как, — соврал, не моргнув глазом. — Как насчет поужинать вместе?

— С продолжением? — с соблазнительным придыханием поинтересовалась старая знакомая.

— Разумеется, зайка.

— Класс! Чур я место выбираю.

Коваленко со старыми привычками не рассталась. Через полтора часа мы встретились в самом помпезном и дорогом ресторане города, подруга была во всеоружии: крошечное платье на бретелях, мало что отдающее на откуп воображению, красиво уложенные короткие светлые волосы, тонна макияжа, делавшего лицо кукольным и неестественным, длинящий яркий маникюр.

Это тебе не скромная, полная загадок и тайн и какого-то внутреннего достоинства, отчасти даже неземная прекрасная леди, а настоящая хищница, из когтей которой прихрамывая уйдешь. В общем, то, что надо.

Или не надо?

Я заново открыл, какая Дина оглушительная, болтливая, ограниченная и... фальшивая. Заставлял себя смеяться над ее глуповатыми шутками, кивать во время пространных рассказов о себе, своих делах, снабженных тысячью утомительных подробностей, улыбаться одобрительно. И страстно желал одного: поскорее бы уже этот идиотский ужин закончился и мы переместились в гостиницу.

И как, спрашивается, раньше ее выносил? Хотя, помнится, в то время чаще думал и выбирал южным полюсом, не вдаваясь в детали и сантименты.

— Ну а ты как? — спустя, наверное, час после начала устной автобиографии поинтересовалась Коваленко. — Слышала, что развелся.

— Да, — сглотнул я, подавив вспышку бешенства. Совсем не хотелось вспоминать о том, как Нелли предала и отказалась от меня.

— Та малышка, как там ее... Твоя жена, она ничего вроде. Помню, я ржала, когда мать мне эту хохму про нее рассказала.

— Какую хохму? — я напрягся.

Дина рассмеялась, сминая салфетку. Потом, отпив вина из бокала, хитро блеснула темными глазами, наклонилась поближе, будто собираясь поведать мне какой-то секрет.

— Твоя маман вознамерилась тебя женить, кандидатку искала, наверное, года три, но никакая девица ее не устраивала. А потом она нашла твою художницу... Блин, имя ее забыла, но и хрен с ней. Короче, случайно нашла и ввела в семью, начала превращать провинциалочку в Золушку. Но, зная, как ты упрям, очень тонко действовала: сначала прятала ее от тебя, потом заинтриговала, раздрадила, а после устроила вашу встречу. А ты попался как болван. К лучшему, что все развалилось. Терпеть не могу, когда предки лезут в жизнь к детям, ничего хорошего из этого не получается...

Коваленко продолжила трещать, сетуя, как ее «задолбала» собственная мать, но уже ничего не слышал, не улавливал смысл. Уставился в свою тарелку, потрясенный.

Так вот кому обязан своим дерьмовым настоящим и не менее дерьмовым будущим. Вот кто виной тому, что рядом сейчас сидит недалекая отгламуренная блондинка свободных нравов, а не... Кто сделал так, чтобы каждую пятницу обнимался со стаканом, чувствуя себя полным неудачником. Моя мать. Евгения Александровна, пожелавшая чаду блага и причинившая огромное зло. Сознательно «сделавшая» супругу сыну, преподнесшая ее на серебряном блюде. Спасибо, мама! И вот как после таких открытий не примкнуть к стану женоненавистников?

Я с силой сжимал вилку, уже не пытаюсь подавить боль и гнев, кровь стучала в висках, мир катился в ад, а Дина все не закрывала рот, погребая меня в отходах своего скудоумия

— Пошли отсюда, — рявкнул, встав с места. Испепелил взглядом оглянувшегося официанта без слов требуя принести счет.

— Но, котик, какая муха тебя укусила, — заныла Коваленко, — я еще не доела. И десерт...

— К херам десерт! Мы уходим.

Подружка на одну ночь вскинула в удивлении брови, но, видя, насколько зол и решителен, засобиралась. Ехидно намекнула, мол, совсем себя запустил и она полностью готова заняться моим «расслаблением».

С этого момента вечер стал еще дерьмовее. Впрочем, он изначально был дерьмовым, как только пришел домой с работы и путем самокопания обнаружил, что мне надо не в бар, а потрахаться. Я продолжал кипеть всю короткую дорогу до гостиницы, по пути в номер, мысленно костерил свою мать, Нелли, реальность, в которой сейчас вынужден разложить на постели не ту женщину.

Блестящие оранжевые когти Дины вонзились в меня сразу же, как за нами закрылась дверь номера. Она, сминая мою рубашку и царапая затылок, потянулась к губам, но отодвинул блондинку подальше и поторопил:

— Разденься для меня, хочу увидеть твоё тело.

— Как скажешь, котик, — мурлыкнула в ответ, облизала губы, по нотам отыгрывая соблазнение.

— Не называй меня так, — скрипнул зубами. — Чертовски бесит.

— Ну будешь Жориком тогда, — хихикнула подружка и отошла к креслу, а меня передернуло.

Бешенство и чувство гадливости все не унимались. Мысленно отмахнувшись от них, сел на кровать, наблюдая за Диной. Она, пританцовывая, виляя бедрами, с развратной улыбочкой, почему-то рождавшей во мне тошноту, ухватилась за бретельку платья, потянула ее вниз, потом другую. В притворной скромности придержала одеяние на груди, призывно облизала губы, глядя на меня, а после позволила ткани скользнуть вниз по телу, обнажая грудь без белья.

Очень умело, профессионально, Коваленко бы в стриптиз-клубе выступать. Или не потянет задачу возбудить мужиков? Вот он я, например, сижу, смотрю на нее, игриво водящую руками по телу, и чувствую себя точно выключенная лампа — ни проблеска, ни смысла. Черный провал пустоты. Бля, когда уже, наконец, дадут электричество и на мне даже волосы дыбом встанут, молчу уже про член? Почему его так сильно волнует недоступная ныне женщина и совсем не трогает эта блондинистая шлюшка?

Шлюшка...

«Заткнись и убирайся к своим шлюшкам! Удивительно, что ты не трахаешься сейчас, как кролик, а сюда приперся», — вдруг ударила в мозг фраза, произнесенная звенящим от гнева голосом Нелли. Я замер.

Чья-то милосердная рука внезапно отмотала время и вернула меня на неделю назад. И увидел себя, с затуманенной головой пробирающегося к постели Элеоноры, одетой в короткую майку, больше открывавшую, чем скрывавшую. Жена разругалась, темные волны волос взъерошены, большие глаза пылают негодованием, а рука метает в меня подушку за подушкой...

«А ты по себе судишь? Может, сама развелась, чтобы трахаться со всеми подряд?»

Пощечина обжигает щеку. Разозленный, бросаюсь на нее, прижимаю к матрасу, потом целую, целую, спятив от страсти... О боже! Святые небеса... Нелли верхом на мне, мы занимаемся любовью, жадно, жарко, ненасытно...

Это не было сном, не было фантазией. Все случилось на самом деле!

— Жоржик, — пропел мерзкий голос в мое ухо, а рука с острым маникюром накрыла бугор в штанах.

Я очнулся, сфокусировал взгляд на искусственном лице Дины, оставшейся в одних трусиках и туфлях.

— Ты странный какой-то. Чего ты хочешь?

Черт дери, снова этот философский вопрос! Он осточертел, определенно.

Я брезгливо убрал ладонь со своей промежности, провел рукой по волосам, спросил задумчиво:

— Ты не знаешь, тут есть поблизости магазин с выпивкой?

Коваленко хлопнула глазами от удивления, отодвинулась.

— Эмм... Вроде есть. А что случилось, котик?

Эта женщина отвратительна. Но сейчас надо разобраться с еще более отвратительной представительницей слабого пола.

— Мне надо идти, — произнес вместо ответа, поднявшись с кровати, и устремился к двери. — Приятного тебе вечера.

Уже через пятнадцать минут я сжимал в руке бутылку водки, понимая, что именно этого момента и ждал, стремился к нему, торопил наступление и жаждал. Причем всю неделю.

***

Около полуночи. Темно, тихо, спокойно. Я, улыбаясь от уха до уха, неслышно шагал по коридору в бывшей квартире.

Элеонора Романовна Вишневецкая успешно сводила меня с ума в течение всей этой недели. Мозг приказывал забыть, причислив пятничное приключение к сонму фантазий, а член не соглашался, намекая: пьяным меня не ждут, но про трезвое состояние не оговаривалось.

Ведьма. И есть лишь один способ проверить степень ее коварства. Поэтому сейчас, как и неделю назад, я крался в потемках в спальню жены. «Камуфляж» был при мне: прополощенный водкой рот и смоченный ею ворот рубашки-поло (чтобы заметно несло спиртным), нетвердая походка, общий дикий и плачевный вид.

Итак, Нелли, условия для повторения эксперимента соблюдены: я до того пьян, что ты легко меня обманешь, и до того трезв, что имею карт-бланш лично от тебя. Разоблачение

обречено на успех.

За всю свою жизнь Вишенка едва ли много общалась с нетрезвыми. Исключение — я на прошлой неделе. Вряд ли у жены хватит опыта понять, что вожу ее за нос. Безусловно, риск быть раскрытым существовал, но если не умничать, контролировать себя и пореже раскрывать рот, то он практически нулевой.

Осторожно толкнул дверь в спальню, застыл на пороге.

Все по-прежнему тихо, мирно. В смутном свете, проникавшем из окна, видел на постели прикрытое по пояс женское тело, волосы черными змеями разметались по подушке.

Ну с богом, Доронин, не оплошай.

Глухо выругавшись, мешком свалился на пол и приступил к пробе себя в ампула комедийного актера. Ухитрился разуться, расшвырвав обувь по разным углам, снять рубашку оторвав при этом пуговицу. Во время процесса издавал столько шума и изрыгал столько исковерканной брани, что это способно было разбудить и покойника, однако на постели ни единого движения.

Твою же мать, Нелли! Неужели ты настолько жесткосердна, что не можешь проснуться и помочь своему захмелевшему мужу расправиться с одеждой? Ну ладно. Не хочешь по-хорошему, будет очень по-хорошему.

Я поднялся на ноги и нарочитым шатко-валким шагом устремился к объекту моей проверки. Громко выматерившись, бухнулся на колени перед кроватью и заграбастал руками бедра Элеоноры.

О да! Руки сами знают, что погладить. Под тонким пледом угадывался намек на замечательное белье...

Нелли резко повернулась, скинув мои ладони, — зажегся свет. Я зажмурился, на миг ослепнув, а когда распахнул глаза, моя челюсть опустилась, а член, наоборот, поднялся.

Откинувшись на подушке, в ореоле из темных волос лежала прекрасная, как сказка, Элеонора и спокойно смотрела на меня глазами без единого признака сна. Но не это поразило меня и даже не отсутствие хоть толики удивления в выражении ее лица. И уж точно это все не заставило бы меня затвердеть.

Как и в прошлый раз, на жене была маечка. Вот только сейчас совсем прозрачная, мягкого шоколадного оттенка. Плед скрывал лишь ноги, и понятно, что мой взгляд сам собой устремился к открытым пространствам. Надо ведь оценить, насладиться... заманчиво проглядывающими сквозь ткань белыми грудями с соблазнительными конфетками-сосками.

Бля... Если это та одежда, в которой она спит, тогда срочно необходима моя помощь. Под кондиционером недолго и простыть в такой... Мои руки мигом согреют. И согреется жена гораздо быстрее, если и вовсе скинет это просвечивающее безобразие.

— Снова какие-то проблемы, Доронин? — вполголоса, со смешком спросила Элеонора, вернув мой взгляд к своему лицу.

Но только на секунду. Глаза, как магниты, вернулись к маечке. Я сглотнул, облизал губы. Руки дрожали от желания скорее скинуть помеху с этого манящего тела, чтобы беспрепятственно ласкать, прикасаться...

Стоп! Сценарий. Гореть мне в аду, если сейчас не вернусь к нему и запорю все дело.

— Мммм, — закрыл глаза и отчаянно замотал головой, выполняя одновременно две задачи: прогнать прочь дурман либидо и разыграть неуклюжего пьяницу.

Две теплые ладошки прижались к моим щекам. С огромным трудом сдержал стон удовольствия и, побоявшись выдать себя, ссутулился, опустил голову так низко, что

подбородок коснулся груди. Пальцы жены неторопливо прошлись по моим волосам, колдуя, пропуская пряди через себя. Я дернулся.

Нелли... Мое сладостное наваждение, мне так этого не хватало...

— Ты снова напился, — укорила шепотом. Придвинулась ближе к краю, уткнулась носом в мою щеку.

Теперь еще и сердце расшалилось, мало мне южного полюса. Я напрягся так, что, казалось, скоро начнут рваться нервы и сухожилия. Проклятое дерьмо! Какой еще чертов сценарий, когда она так близко, так шепчет, волнуется дыханием, и на ней такая лишняя симпатичная маечка?

И когда уже был готов послать всю эту игру, достойную Золотой пальмовой ветви, к чертям, атаковав Нелли глубоким и жадным поцелуем, на помощь пришла здоровая злость. Она подчистую уничтожила возбуждение и утихомирила эрекцию.

Элеонора Вишневецкая сознательно лгала мне! Жарко отдавшись ночью, наутро она обвинила меня чуть ли не в насилии и сбежала. Не захотела знать, сделала вид, что ничего не было. Заставила чувствовать себя последним козлом — поначалу, а после — сумасшедшим, все больше погружающимся в фантазии. Кем я был для нее? Халявной возможностью сбросить напряжение? Или она посчитала, что задолжал ей исполнение супружеского долга?

Первым порывом было кинуться на эту циничную лгунью, придавить ее своим телом к постели и под пытками (в ход пошли бы руки, губы, язык и зубы) заставить признаться во всем. Но Нелли остановила меня. Будто почувствовав неладное, жена пошевелилась, нежно обвела раковину уха и коснулась моего лба мягким поцелуем.

Нечестный прием!

Ярость ушла. Ее смела очередная обжигающая волна желания. В следующий момент я уже оказался на ногах, схватился за ремень на брюках, прошипел, пытаюсь расстегнуть его. Руки так дрожали, что не было нужды разыгрывать пьяную неловкость.

— Я помогу? — предложила вдруг Нелли.

Я вскинул голову, точно услышал выстрел. Она сидела на коленях в постели, и теперь мог полностью оценить чудесную конструкцию, облепившую тело жены. Высший балл... Пять с плюсом. Нелли во всем этом — как изысканный сахарный деликатес. И даже лучше! С каким же удовольствием и аппетитом попробую кусочек тут, и тут, и тут... Да всю ее.

Пока глотал слюну, ловкие ручки ухватились за пояс и притянули меня ближе к постели. Голени уперлись в дерево. На секунду я поймал горевший возбуждением взгляд, а потом жена сосредоточилась на цели раздеть меня.

Плутовка замирала на каждом этапе, что многократно усиливало мои муки и нетерпение. Сначала тонкие, изящные и длинные пальцы без маникюра, с аккуратными ноготками, медленно расстегнули ремень, потом замерли на пуговице, затем приклеились к замку молнии. К тому моменту как Нелли ухватилась за пояс брюк, большими пальцами проникнув под резинку боксеров, и застыла в таком положении, подняв на меня исполненный любопытством взгляд, я был болезненно тверд.

Она спустила одежду вниз и даже не взглянула на то, в каком восторге я ее встречаю. Ее глаза не отрывались от моих, будто искали что-то в моем взгляде, задавали какой-то неясный вопрос...

Утром, любимая... Мы утром обязательно поговорим. А сейчас... никаких разговоров.

И я налетел на свой лакомый кусочек в прозрачной маечке и крошечных кружевных

трусиках такого же цвета, с пылом приступил к дегустации. Ох, как же долго голодал. Неделю ждал этого момента!

Эти податливые, пухлые губы, возбуждающее, умопомрачительное тело, ставшее еще более желанным в обертке из тонкого прозрачного материала, запах духов, вкус кожи, тяжелый шелк волос. Я хочу ее и только ее. Больше никого в мире нет для меня. И каким дебилом надо быть, чтобы принуждать себя хотеть кого-то другого!

Когда оторвался от своего оазиса удовольствия, результаты моего марш-броска были более чем потрясающими: растрепанные волосы, распухшие яркие губы и маечка, спущенная до талии, обнажающая самые восхитительные груди на свете. Темные ореолы сосков звали меня, и я не мог не подчиниться.

Она и не сопротивлялась. Чувствовал, как ноготочки впились мне в плечи, мучительно наслаждался тихими стонами, которые издавала жена.

— Скажи, что моя, — потребовал шепотом, целуя ее в шею, продолжая игру с затвердевшими вершинками, которая так нравилась нам обоим.

Вновь простонав, Нелли обхватила мое лицо, заставив прервать поцелуи, жадно соединила наши губы. И пусть, сейчас не до разговоров. Но не был намерен отступить и сдаваться. Нежно прикусил мочку, обхватил грудь, зашептал требовательно:

— Скажи.

— Егор... — Выдохнула, снова закрыла мой рот поцелуем.

Да, такая капитуляция всем хороша. И прежде чем приступить к главному действию, мое священное право оставить ей напоминание об этих мгновениях. Чтобы завтра утром не посмела отрицать все, что случилось и случится между нами ночью.

Мы уже откровенно ласкали друг друга, были буквально на грани, а я, полностью поработанный болезненным желанием, нашел то самое сладкое местечко в изгибе ее шеи, у родинки, крепко зажал губами кусочек кожи.

Вот так хорошо. У нее ни малейшего шанса откреститься от сегодняшнего секса со мной.

Почти сразу Нелли раскусила мои намерения, зашипела, рассерженная:

— Даже не смей помечать меня, — и отпихнула.

Удовлетворенный (след все равно останется), я лег на спину, рассмеялся.

— Мерзавец, — выпалила Элеонора и оседлала мои бедра. Прекрасная, полюбленная богиня гнева со сверкающими глазами.

— Будешь мстить?

И не думал давить улыбку самодовольства. Лаская бедра, ягодицы, начал спускать с моей амазонки трусики. Ох, Вишенка, я очень виноват. А еще мне нужно, чтобы ты побыстрее объездила и укротила меня. Полностью и очень твердо готов к наказанию.

— Обязательно! — Угрожающе сузила глаза.

Я впечатлен, любимая.

Нелли избавилась от майки и кружевного треугольничка трусиков, переместилась ко мне на колени, внимательно посмотрела на моего стойкого оловянного солдатика, и я прекратил довольно улыбаться. Неужели..? Это будет жестокая и сладкая пытка. Которую в равной степени хочу и боюсь.

— Нелли, — потянулся к ней, привстав, но она жестко толкнула меня назад, на матрас.

Несколько поцелуев в живот, от которых меня словно током прошило, мягкий, но решительный обхват — и горячие губы сомкнулись на головке моего члена. Я пропал...

Боже! Как же хорошо она знала меня. Знала, когда и где требуется пройтись зубками, с какой силой нужно сжать, в какой момент отпустить, как и где поглаживать... Это был гребанный рай и ад. И все — для меня. Она — для меня...

До нажатия кнопки «Пуск» осталось всего несколько мгновений, и напряжение в паху стало просто нестерпимым. Я зажмурил глаза, ожидая неизбежного, громко требуя наката экстаза. Но вдруг попытка прекратилась, и язычок сменился на...

Я распахнул глаза, не веря. Лицо Вишенки нависло над моим, теплые темные глаза смотрели в мои, пока она неторопливо, явно наслаждаясь каждым движением, впускала меня в себя.

Ладони легли на узкую талию, помогая жене, направляя, контролируя. Глаза в глаза. Дыхание в унисон. Чертово совершенство. Гармония и взрыв вселенной. Как же это все-таки невероятно — быть в ней, владеть, забирать и отдавать...

Первые чуть неловкие, подстраивающиеся движения, а после предел мечтаний — никогда не останавливаться. Никогда.

— Ты моя.

Шепнул, поймал ее губы, заклеил глубоким поцелуем, и оторопел, когда она с негодованием вырвалась, зашипев:

— Если твой член сейчас во мне, Доронин, то это ничего не значит.

Что?

Задохнувшись от ярости, я с такой силой вцепился в ее ягодицы, что она вскрикнула от боли и сделала попытку слезть с меня.

Ничего не значит для нее, а для меня значит все!

Вцепившись в хрупкие плечи, я грубо повалил жену на постель, приподнял бедро и единственным мощным толчком снова полностью оказался в ней. Нелли заглушила вскрик, укусив меня за плечо, дернула за волосы, ногти болезненно провели по спине, но мой стоп-кран уже сорвало. В мозгу плясали и жгли костры черти, за горло схватили отчаяние и страх, а тело всецело заполонило желание овладеть Нелли с таким напором и жесткостью, чтобы запомнила раз и навсегда: она моя — и точка. Я докажу, заставлю признать. Вобью это в нее так же, как моя плоть сейчас вбивается в нее.

Мои жадные поцелуи поглощали ее стоны и вероятные слова протеста, проклятий; вес тела и захват хоронили каждое движение Нелли; я терял сам себя в убийственно вращавшемся вихре похоти, близкого экстаза, эмоций и находил, раз за разом погружаясь в нее. Жена выгибалась подо мной, кусала губы, царапала плечи, но это только еще больше заводило, ускоряло развязку, удовольствие от которой точно сведет с ума.

Вот так. И еще, еще...

Мы кончили одновременно, оба не сдержали громкого стопа-вскрика. Запутавшись друг в друге, стискивая, будто зацементированные, оглушенные сильнейшим оргазмом, влажные, тяжело переводившие дыхание, замерли.

Посткоитальная пустота в голове, вертящиеся перед глазами звезды и сердце, пробивающее себе дорогу наружу сквозь ребра. Мой драгоценный наркотик смирно лежал подо мной в таком же взбаламученном состоянии, лбом я уткнулся в ее лоб, пальцы нежно и рассеянно поглаживали скулы, отводили встрепанные волосы с любимого лица. Коснулся ласковым поцелуем влажного виска, еще одним. Что ж, я урвал дозу своего кайфа. Да еще такую, что едва не умер от передозировки.

А после этой мысли чувство полного удовлетворения и расслабления безжалостно

прихлопнуло другое. Ужас.

Что я только что натворил? Взял свою жену как слетевший с катушек дикарь, как варвар. Причем на трезвую голову. Причем страстно этого желая и получив от процесса небывалый оргазм. Как мне теперь жить с этим, спрашивается? И как... не делать этого каждый день?

Три года счастья в браке, разумеется, предполагали кое-какие эксперименты в постели, игры, но только в качестве прелюдии. Я всегда был нежен с Нелли. Безмерное обожание, восхищение, восторг и эйфория от взаимности моих чувств каждое мгновение присутствовали в сознании, даже когда проворачивался рубильник либидо. Я был ее первым мужчиной, поэтому забота о жене, ее безопасность, удовольствие шли номером один в списке моих правил в сексе. Никогда до этого момента не хотел быть грубым с ней... Как вообще посмел?.. Раскаиваюсь? Конечно. Но что самое жуткое: хочу до сих пор. Хочу полного контроля. Хочу запереться с ней в этой комнате, никуда не выходить, забыть обо всем и заниматься любовью до тех пор, пока оба не умрем от истощения и наслаждения.

Как при таком раскладе извиняться? Да никак. И это дерьмово.

— Гош, я уже дышать не могу, — пискнула Нелли, дернувшись подо мной и вырвав из бездны самобичевания и оценки развернувшейся катастрофы.

Я немедленно откатился, дав ей свободу, лег рядом, переплел наши пальцы и повернул к жене голову. Правда зажмурился, опасаясь заглянуть ей в глаза и увидеть страх, отвращение и шок.

Но, видимо, у меня действительно сильный ангел-хранитель, забивший на то, что его подопечный — полный дурак и неудачник. Элеонора прильнула ко мне, прохладный шелк волос коснулся плеча, нежная ладошка легла на грудь, там, где колотилось сердце, и я ощутил ласковое касание губ в уголок рта, переросшее в осторожный и неторопливый поцелуй. Неужели простила? Поняла?

Не посмел с силой обнять жену, только кончиками пальцев очертил прекрасное лицо, решился наконец открыть глаза. Мы долго смотрели друг на друга. Молчали. Как ни пытался, не мог понять: о чем Нелли думает, что чувствует сейчас? Раньше легко ее читал, теперь мы словно незнакомцы друг для друга. И этот секс, соединив, внезапно разделил нас.

По разные стороны баррикад.

Потянулся к ней за очередным поцелуем, тоже практически целомудренным, мягким, извиняющимся, и она не отпрянула, позволила. Ответила мне. А потом, сев, потянула сбившийся в ногах плед. Укрыв друг друга, мы улеглись плечом к плечу, глядя в потолок.

Я не был уверен, что есть такое понятие, как тревожное умиротворение, но, кажется, именно оно волна за волной накатывало на нас, заставляя прижиматься друг к другу.

***

Мне снился сон из той категории снов, подробности которых потом долго переворачиваешь в памяти и глупо-счастливо улыбаешься. Со мной была Нелли. Это ее, не Дину, позвал в ресторан, где мы долго болтали, смеялись и шутили, на спор заказали самое острое блюдо, которое ни один из нас так и не смог съесть. Потом отправились в гостиничный номер, держались за руки, целовались и тискались в каждом закутке, точно влюбленные подростки, не могли оторваться друг от друга. Когда Элеонора начала раздеваться передо мной, пританцовывая, эрекция сделала меня практически невменяемым.

Не дал ей довести игру до конца.

Мы повалились на постель, сжигая друг друга ласками, избавляясь от остатков одежды. Завершив поцелуй, оторвался от жены, чтобы посмотреть ей в лицо, сказать, как сильно люблю, и увидел под собой ухмыляющуюся, довольную, как сытая кошка, Дину. Я закричал от ужаса и, дернувшись, проснулся.

Дины не было. Нелли не было. Никого не было. Были только я, скомканный в ногах плед, утренний стояк и пустая спальня. Простонав, потер лицо ладонями, сел и огляделся.

Как и в прошлый раз, практически идеальный порядок. Небрежно брошенный на спинку кресла бархатный халат жены, закрытые шторы, мои вещи, сложенные на комод, легкий цветочный аромат духов. И звенящая тишина, которая бывает в пустой квартире.

Нелли ушла. Сбежала, не посчитав нужным ни снова отчитать, ни возмутиться или просто поговорить. В который уже раз устранила меня из своей жизни, перечеркнув все, что было.

Принял душ, оделся и прошел на кухню, где меня на плите, оказывается, ждал кофе в турке, а на столе — свежие вафли.

Позавтракал, отмечая, что я в тихом и рассудительном бешенстве. Управляемый такой гнев. Который говорил: иди, Доронин, и найди ее, растолкуй этой женщине, что она лгунья, трусиха, распутница, соблазняющая бельем бывшего мужа, и поставь перед фактом, что она снова с тобой на твоих условиях.

Однако горячий кофе неожиданно возымел какое-то успокаивающее действие. Я хотел убедиться, найти доказательства, что истина не в вине? Хотел и получил. Нелли намерена поиграть? Желает азарта? Кто я такой, чтобы отказывать? Мама из меня все же джентльмена воспитывала. Так что любой каприз, моя прекрасная леди, но мы поговорим. Ты не отвертись, Вишенка. И это будет обстоятельный, долгий разговор (даже если придется привязать тебя шарфиками к кровати) с железными аргументами.

Кстати о них.

Убрав за собой, ополоснув чашку и турку, я вернулся в ванную, нашел корзину для белья. Как и полагал, наверху лежали те самые кружевные трусики цвета молочного шоколада, что были на Элеоноре вчера. С громадной улыбкой удовлетворения сунул их себе в карман.

Глава от Нелли

Что же я делаю? Почему веду себя так безрассудно, иду на поводу желаний? И ведь понимаю, что в итоге вновь будет так больно, что никогда не восстановлюсь, не соберу себя, но продолжаю...

Крепко спавший Егор подгрел меня к себе, обнял, сладко засопел, уткнувшись в шею. Улыбнувшись, погладила его по волосам, щеке.

Когда в минувшую пятницу это между нами случилось, я искренне полагала: в последний раз, больше не допущу. Жила с этой мыслью всю неделю, а сегодня распаковала новый комплект белья, легла в постель, ожидая... Сна ни в одном глазу.

Ненавидела, корила себя, ругала на чем свет стоит, но не могла встать и накинуть цепочку на дверь. Не посмела напомнить себе, что мы в разводе, что моя любовь — плохая привычка, надо избавляться от нее...

Разумеется, сразу поняла, что он не пьян, просто разыгрывает передо мной сцену. Для меня в этой пьесе тоже была отведена роль, постаралась следовать сценарию. Игра... До чего удобно в ее рамках. Выйти за них нельзя, тут же ломает острая боль от осознания действительности. А вот быть в коконе, в комфортном пространстве желания, страсти, где мы с ним лишь их выражение, вынесенное за скобки действительности, позволить, поддаться, уступить — да, это выход, это экстаз. Этакая поблажка, таблетка от кровоточащей раны в душе. В этой сказке можно разрешить ему грубо овладеть собой, словно наказывая, узнать, что такое вожделение с новой стороны, понять, какие демоны живут внутри него, внутри меня самой, и принять их.

А вопросы, осознание, бессильная злость пришли уже потом. Сменили восторг, потушили тлевшие и согревавшие отголоски бурного удовольствия.

Он предал, изменил, глубоко и смертельно ранил, но я продолжаю хотеть его, ждать его, любить самозабвенно... Почему? За что это мне?

Именно такой сумасшедшей любви, ломающей гордость, целостность, мир, именно такого чувства, похожего на одержимость, зависимость, делающего слабым, вытаскивающего меня из безопасной раковины, отвергающего доводы разума, всегда боялась. Ведь знала: оно погубит меня. Предчувствия не подвели.

Егора полюбила еще до того, как увидела воочию...

Многие художники влюбляются в образ, а я тем более была в зоне риска, потому что вдохновлялась образами и творила ими. Евгения Александровна, мой добрый друг, крестная-фея, пригласила как-то отдохнуть в их коттедже за городом, с гордостью показала дом, заочно познакомила с мужем и детьми, продемонстрировав фотоальбом. В тот день я и влюбилась. В фотографию.

Егору на ней было всего двадцать, на два года младше меня тогдашней, снимок сделали на море. Парень сидел на берегу, сумрачно вглядывался вдаль. Обнаженный по пояс темный блондин с гривой волос ниже шеи, фактурные плечи, спина. Взглянув на него, мгновенно провела ассоциацию: Демон Врубеля. Те же замкнутость, закрытость, жесткость, бескомпромиссность при одиночестве, незащитности, мечущейся душе.

Ловушка захлопнулась. Романтичная натура во мне получила пищу и объект для восхищения, обожания и мечтаний. Мне и не надо было видеть Егора, лично знакомиться с ним. Идеал тем и хорош, что питает сам себя и живет сам собой.

Если бы знала, что Евгения Александровна вздумала почему-то свести нас... Унеслась бы обратно в Нижний без оглядки. Впрочем, о том, что стала жертвой обдуманного сватовства, узнала только год назад, простила свою благодетельницу сразу же, потому что любила и ее, и ее сына, была счастлива.

День знакомства... Евгения Александровна нарочно предупредила меня о том, что к нашей женской компании примкнет мужчина, ее старший сын, уже непосредственно в холле театра. Она прекрасно знала, как сильно это заставит меня волноваться, будто подозревала, что из Егора Доронина я давно сделала нечто вроде идола. К моему облегчению, он то ли передумал, то ли просто дела задержали. Во всяком случае, не появился, пока мы бродили по коридору возле входа в ложу, беседуя и разглядывая черно-белые снимки на стенах.

К тому моменту как опустилась в кресло рядом с Алей, практически успокоилась, настроилась на то, что сейчас вживую увижу балет, стану сопричастна действию. Впервые. О Егоре на время позабыла. Происходящее на сцене увлекло, покорило, музыка волновала до слез, рвалась даже изнутри, но вдруг что-то изменилось. На землю с волшебных небес вернуло острое ощущение чьего-то взгляда, тревожившее кожу странной щекоткой, оно не проходило, как ни старалась вернуть внимание танцорам и их движениям. А когда действие на сцене и это ощущение достигли своего апогея, не выдержала, шепнула Алевтине, что выйду на минуту, и встала.

Он сидел позади, мужчина в костюме, с небрежно уложенными волосами. Егор Доронин. Узнала его даже в полутьме за короткий миг, что позволила себе посмотреть, и поторопилась к выходу из ложи.

Итак, он все же пришел... Это меня пугает? Нет, скорее тревожит. Об этом чувстве и своих дальнейших действиях размышляла, пока шла до туалета, мыла руки прохладной водой, рассеянно вглядывалась в зеркало, отражавшее взволнованную девушку с румянцем, тлевшим на щеках, тяжелыми темными волосами, аккуратно уложенными на затылке. За прошедшие после переезда месяцы я сильно изменилась: другой стиль, другая одежда, — все под мягким, но ощутимым влиянием Евгении Александровны. Моя попечительница не уставала знакомить меня с нюансами общения с различными людьми, правилами этикета, выбора одежды. Казалось, она задалась целью полностью преобразить меня, но не внутренне, а только внешне. И, вглядываясь в свое лицо в отражении, я думала: ей это удалось, мне осталось лишь привыкнуть к новой себе. А встреча с Егором Дорониным — новое потрясение, к нему не готова, но кто же меня спрашивал?..

Пока шла обратно к ложе, твердо решила: тревожиться не стоит. Егор — такой же член семьи, как Аля, Данил и его жена Карина, как Валерий Георгиевич. С ними всеми я в той или иной мере общалась, не особо смущаясь или комплексуя. Поэтому, если вообразить, что Егор ничего для меня не значит, будет так же просто взаимодействовать...

Если вообразить... Когда увидела его, стоявшего у входа в ложу, разговаривавшего с кем-то по телефону, сразу осознала: вообразить не получится, не стоило быть такой наивной дурочкой. Этот мужчина — магнит для меня, ловушка для души, сознания и тела. Оценила широкую спину и плечи, обтянутые серым со стальным отливом пиджаком, взлохмаченные русые с пепельным отливом волосы, сжимавшие телефон красивые пальцы, застыла, затаив дыхание, созерцая и слушая прохладно-хриловатый баритон. И пропустила момент, когда он попрощался с собеседником и сбросил вызов. Очнулась, когда Егор повернулся ко мне, а я утонула в серо-синей глубине глаз.

Он был еще более привлекателен, чем в моих фантазиях, еще более совершенен и

неуловим, чем образы на моих картинах. И еще больше пугал и завораживал, потому что был реален, здесь, рядом. Могла прикоснуться к нему...

Кажется, я вспыхнула до корней волос, поспешила спрятаться от пронзительного, поглощавшего взгляда мужчины напротив.

— Привет, — тихо произнес он.

Так сильно хотелось сбежать, желательно домой, или хотя бы развернуться и поскорее уйти. Однако взяла себя в руки (с трудом), собралась, сказав себе: все в порядке, Егор Доронин не опасен, не съест же он меня в самом деле, утащив в пещеру, будто людоед или дикарь.

— Привет, — ответила я, замявшись. Неловкая какая-то ситуация, вроде мы с ним знакомы, а вроде и нет, необходимо указать на это. — Кажется...

Он перебил меня, запальчиво сверкнув взглядом:

— Мы знакомы заочно. Я Егор Доронин.

Этикет требовал улыбнуться, посмотрев мужчине в глаза, что и сделала. Смущение и волнение не уходило, заставляя краснеть и слегка дрожать. Я пряталась за какими-то общими фразами, старалась максимально отстраниться от происходящего и торопилась вернуться в зал. Егор Доронин совершенно выбивал из колеи, его пристальный взгляд, легкая улыбка мешали мысли, от них густела и нагревалась кровь, сохло во рту и сводило горло.

Попросил перейти на «ты», сказал, что мы почти родственники, и смутил этим до мурашек, шокировал. Возможность такой близости с ним обожгла нервы адреналином, взбудоражила.

Нет. Определенно, следует держаться от него подальше. Грезы и идеалы хороши только тогда, когда никоим образом не соприкасаются с бытом и реальностью.

Этого решения твердо придерживалась несколько недель. День за днем оно таяло, потому что Егор Доронин, на удивление, втискивался в мои жизненные рамки и ежедневные задачи постоянно. Частота наших встреч была тем поразительна, что раньше, до визита в театр, была нулевой. Напрашивался вывод: он почему-то обратил на меня внимание, решил ухаживать... Об этом же говорила Алевтина, намекнув, что брат, конечно, не отличается постоянством, но хороший человек, заслуживающий шанса. Я и не спорила, ведь как друга легко его приняла. Да и как не принять? Он завораживал жгучим обаянием, порывистостью, какой-то светлой легкостью, вполне сочетавшейся с жесткостью и непримиримостью, упрямством и мужским цинизмом. Приятели из нас получились отличные, только ощущала: на роль только моего друга Егор не согласен, а я... Я играть какую-то иную роль отказываюсь. Мы просто не подходим друг другу, слишком разные по воспитанию, опорам в жизни, внутренней сути. Как ни старайся, ты никогда не объединишь землю и воздух, если только на очень и очень короткий срок.

А потом случился тот июльский день, когда принятое решение перестало иметь смысл, мечта мне на горе и радость воплотилась...

Помню, у меня был выходной. Старенький, на ладан дышавший ноутбук совсем забарахлил, сильно тормозил и требовал рук и глаз специалиста. Нашла такого через мобильный интернет. Мужчина средних лет, грубоватой наружности и в неопрятной одежде возился около двух часов, за это время успела приготовить нехитрый ужин из котлет и картофельного пюре и даже испечь любимое песочное печенье. Когда перекладывала золотистые сердечки с противня в специальную корзинку, вздрогнула от звука голоса.

— Хозяйка, вот сумма за работу. — Мастер стоял на пороге кухни, глядя на меня

немигающим и каким-то угрожающим взглядом, протягивал желтоватый бланк квитанции.

Напрягшись, взяла тонкий лист и обомлела от указанных в нем цифр: вся моя зарплата, даже чуть больше. Таких денег в накоплениях у меня никогда не водилось. Похолодела от потрясения и страха.

— Не понимаю... — ошеломленно прошептала.

— Ну как же, — мужчина перегородил мне выход из кухни. — Я вам почистил, переустановил жесткий диск, программное обеспечение...

Он перечислял все то, что было указано в квитанции, а я безмолвно отслеживала строчки глазами и лихорадочно искала выход. Пахло обманом, а мастер меня откровенно пугал. Я одна в квартире, она, конечно, съемная, брать тут нечего, ценностей у меня никаких нет...

— У меня нет таких денег, — пояснила дрогнувшим голосом.

— Ну займи. Могу сделать скидку в двадцать процентов, если будешь мила и ласкова, — ухмыльнулся, окидывая меня масляным взглядом.

Меня передернуло. Пролепетав про то, что нужно позвонить знакомым, которые смогут дать в долг, я отошла к окну, набрала Евгению Александровну. Если кто и поможет, то только она.

Уже точно не вспомню, что конкретно ей говорила. Что-то сбивчиво объясняла про тормозящий ноутбук, мастера, который хочет за работу небывалую для меня сумму, в конце упомянула, что стою на кухне, не могу выйти. Фраза, кажется, и вовсе отдавала паникой.

— Так, Неличка, не волнуйся, я все улажу, Скажи ему, что сейчас привезу все до копейки, — успокоила меня благодетельница. Я выдохнула, уселась на стул, бросив визитеру, что деньги скоро будут, получилось занять.

Мужчина ушел в комнату, пояснив, что еще раз все проверит. Мне стало легче, хотя руки и колени все еще подрагивали. Звонок в дверь раздался минут через тридцать, пригладив волосы и поправив одежду, пошла открывать.

Евгения Александровна не приехала. Она сделала лучше — прислала мне на подмогу своего старшего сына. Увидев Егора, я оторопела.

— Привет, — он ослепительно улыбнулся, окончательно прогнав страх и стресс, — вступишь меня решить твою проблему?

— Ах... да. Привет, — кивнула в замешательстве, отступила в сторону, внезапно устыдилась своей простой одежды: домашних легинсов и ношеной рубашки в клетку, у которой на днях художественно обрезаю рукава.

Он разулся и, обхватив мою кисть теплой большой ладонью, заставил шагнуть ближе к нему, шепнул на ухо, пустив мурашки и жар по коже:

— Закройся на кухне и не выходи, пока я не скажу. Не вмешивайся, ладно?

— Ладно.

Разговор мужчин, громкий и в основном нецензурный, был бурным и коротким. Всерьез опасалась, что дело закончится дракой и погромом, но все обошлось. В итоге с силой хлопнула входная дверь, в квартире установилась боязливая тишина.

— Нелли, — позвал Егор, коротко стукнув в дверь кухни, а затем вошел.

— Все в порядке? — вскинула на него взгляд, поднялась со стула. Волнение вновь охватило меня, но уже не из-за очевидной опасной ситуации, а от того, что мужчина так близко, позаботился обо мне и смотрит так, словно хочет поглотить взглядом.

— Разумеется. Решил не пугать тебя, а так бы дело не обошлось без мордобития.

Расскажешь все в подробностях?

Я кивнула.

Потом вовремя вспомнила, что все-таки должна сыграть роль гостеприимной хозяйки и предложила Егору вместе поесть. Он не отказался...

Пока накрывала на стол, нарезала салат из свежих овощей (гость, кстати, не захотел сидеть и активно участвовал во всем), пока мы ели, получилось избавиться от напряжения и тревог. Так легко было с ним, приятны дружеское внимание и участие, успокаивала уравновешенность, рассудительность и практичность. Как он и пожелал, рассказала ему все в подробностях и немедленно расстроилась, видя, что он разозлился.

— Скотина! Все-таки надо было дать ему в морду, — стиснул Доронин кулаки, бросив приборы. — Скидка в двадцать процентов! Черт... Хоть за ним беги...

— Не надо, — я ухватила его за запястье. Гуляющие на скулах желваки и свирепый взгляд немного пугали. — Ничего плохого он мне не сделал.

— Нелли, — Егор испытующе посмотрел на меня, перехватив кисть. — Не делай так больше. Если у тебя какие-то проблемы, ты всегда можешь обратиться ко мне. В любое время суток.

— Я не беспомощная... — Освободила ладонь из его захвата.

— Я знаю. Но твой ноутбук заберу и покажу айтишнику на работе. Ты же не против? Мало ли что эта сволочь с ним сделала.

— Хорошо.

На этом неприятные моменты вечера закончились. Вместе мы занялись грязной посудой, потом пили чай. Разговаривали обо всем, смеялись... У Егора получилось подобрать ко мне ключ. Обычно замкнутая и молчаливая, стеснительная, с ним без устали говорила об искусстве и истории, художниках, их полотнах, моем детстве и учебе. И жадно слушала его в ответ: его мнение, замечания, шутки, признания...

Даже уговорил меня показать мастерскую, что поразительно. Туда обычно никого не пускала... Но сейчас почему-то очень хотелось увидеть реакцию гостя.

Под мастерскую отвела небольшую комнату. Освещение идеальное, а еще плюсом — наличие стеллажей, куда можно сложить много полезных и нужных в работе вещей.

— Класс! Я потрясен, — заключил Доронин, когда огляделся и изучил доступные наброски. Улыбнулся, восторженно посмотрев на меня. — Я попал в святая святых моей любимой художницы, чего еще желать в этой жизни? Это как увидеть Париж и умереть.

— Я равнодушна к лести, — рассмеялась в ответ.

Воспользовавшись моментом, решила навести порядок в кистях, но, что вполне ожидаемо, мужчина быстро отвлек меня. Егор сел на единственный в мастерской стул, откинулся на спинку, сложил руки на груди, подчеркнув рельеф мускулов, и воззрился на меня с притягательным и озорным блеском в глазах.

— Что? — спросила, на миг отвлекаясь от работы.

— Ты знаешь... Я тут подумал, что ты должна написать мой портрет.

Я улыбнулась.

— В последнее время меня тянет на пейзажи, к людям на время потеряла интерес.

— Это зря. Некоторые люди очень даже интересны.

— Ты например?

— Я. Не например, а абсолютно точно. Обрати на меня внимание, я весьма и весьма достойный объект. Для живописи.

— Поражена размером вашей скромности, господин Доронин, — легко рассмеялась.

Раньше никогда не находила мужчин забавными, да и Егор не производил такого впечатления. Однако поди ж ты, с каждой секундой мне все больше нравилось наше странное препирательство. Щеки алели, а сердце колотилось будто сумасшедшее.

— О! Это не единственное во мне, чем можно поразиться, — он так обворожительно ухмылялся, что я словно впала в ступор, любуясь им, выронила кисть.

— Ну так что? Приступим? — Егор взъерошил волосы, нарочито нахмурился. — Как тебе такой образ? Или... — он расслабил лицо, лукаво улыбнулся одним уголком рта, глаза засияли, — лучше вот так?

Все же он потрясающий. Во всех отношениях. Мужчина-греза... Необычный, красивый, сильный, волнующий, воспаляющий, опасный и... желанный. Сама не заметила, как подошла ближе, оставив кисти, вгляделась в глубину серо-синих глаз и на миг пропала в ней.

Может, ему и не кажется, что сегодня он много сделал для меня, но я искренне так считаю. Защитил и позаботился, хотя об этом не просила, хотя и не должен был. Остался рядом, разделил обед, украсил день, кардинально изменив его палитру. Написать портрет, запечатлев эти мгновения на годы? Почему и нет? Кажется, я тоже хочу этого.

Моргнула, приходя в себя. Окинула Егора профессиональным взглядом, поморщилась.

— Что-то не так? — Он пытливо, с ожиданием смотрел на меня.

— Цветовой хаос смущает. — Я указала на его бордовую футболку с серо-черным принтом гоночной машины.

— Пфф, это решается на раз-два, — усмехнулся и стремительным движением снял футболку, оставшись с обнаженным торсом. — Так хорошо?

Молча кивнула, сглотнув.

Обнаженная натура, анатомия — без этого не обходится обучение в художественном колледже. Много раз рисовала мужчин, женщин, восхищаясь гармонией линий, безупречностью форм, но сегодня и сейчас все иначе. При виде Егора перехватывало дыхание, охватывала дрожь непонятого смятения.

Он слишком хорош, что завораживает.

Получилось взять себя в руки и вернуться в профессиональное русло. Еще раз сосредоточенно оглядев мужчину, почувствовав, что вновь безмятежна, решила, что света слишком много. Нужны тайны, полутона, едва намечаемые и хрупкие линии на контрасте с жесткостью, четкостью, выпуклостью. Поэтому, шагнув к окну, задернула одну полупрозрачную занавеску, подтянула другую, плотную, а после вернулась к мужчине.

Егор неотрывно следил за мной, и в другой момент такое пристальное и жадное наблюдение обязательно бы смутило, но я вся была во власти того чувства, которое называла прозрением, будто видела внутренним зрением готовый образ, оставалось лишь подтянуть к нему реальность... Этим и занялась.

— Прости, мне нужно тебя почувствовать, — пробормотала рассеянно, приблизившись к Доронину.

Рассматривая обнаженные мускулистые плечи, грудь, ямочки над ключицами, шею, легко водила по ним кончиками пальцев. Не всегда мне нужно было так осязать, но в некоторых случаях действительно приходилось вот так «ощупывать» фрукты, цветы, предметы, деревья, людей и даже здания. Так я словно принимала то, что хочу нарисовать, внутрь, каплю за каплей: тепло, гладкость или шероховатость, изгибы, пустоты, свет и темноту...

В конце концов, легко обхватила ладонями лицо своего натурщика, провела большими пальцами по скулам, крыльям носа, повернула чуть к свету, находя идеальный ракурс, а затем сделала ошибку — посмотрела Егору в глаза.

Он хотел меня. Желал с таким безумием, что выжигался весь разум и все становилось неважным. Восхищался мной, буквально был болен. Все это прочла в его взгляде и все это испытывала сама. Отклик на эти его чувства пронзил электричеством, ошеломил и превратил в прах всю осторожность и зарюки.

Мужчина-греза... Иногда ведь можно воплотить его в земной реальности, почувствовать себя его женщиной... Так заманчиво... И не колеблясь, не сомневаясь, не раздумывая о последствиях, просто как-то инстинктивно, я наклонилась к Егору и легко коснулась его губ своими. Он вздрогнул, опалил горячим выдохом, и ответил с таким напором, что подкосились колени. Всего миг, но какой! Словно огненный ураган пронесся по нервам.

Не успела отстраниться, как ощутила жесткую хватку на талии. Он резко усадил меня к себе на колени, положил ладонь на затылок, зарываясь пальцами в заколотые волосы, и снова соединил наши губы. Целовал так, словно пил: жадно, жарко и взахлеб. То благоговейно и нежно, а то откровенно страстно, давая возможность узнать силу его желания, впитать тепло кожи, запечатлеться ощущениями.

Никогда меня так не целовали... Да и никогда так не желали.

Тот день все изменил. Я поняла, что больше не принадлежу себе, что любовь, до этого витавшая где-то в высях нереальности, бывшая прекрасным духом, обрела плоть, скрутила вполне физическим желанием, породила земные и достижимые цели. Конечно, осознавала, что этот мужчина слишком хорош для меня, что он — дар, который однажды придется вернуть вселенной, что он судьба, конец которой горек, как яд. Я не подхожу ему ни по единственному параметру, а он не подходит мне, но, боже, как же нам хорошо и идеально вдвоем.

Через три с небольшим года, исполненных медовых и ярких оттенков счастья, все развалилось примерно так, как и ожидала. Грезам не место в реальности, они должны жить в небесных высях, а тем, кто затащил их на землю, придется расплачиваться.

Глава 5. Тайны маленькие и большие

Стабилизационный центр. Все, наверное, слышали эту психотерапевтическую хрень про него. Говорят, помогает, когда душевное равновесие в нокауте. Когда творится всякая дичь, которую ты не можешь контролировать, просто расслабься и сосредоточься на каком-нибудь образе, представь себя в заранее созданном воображении безопасном месте, ну и тогда ты вроде как сможешь решать текущие задачи и не спянуть.

Таким стабилизационным центром стали для меня трусики Нелли, вытащенные из корзины для белья. Те самые, в которых она встречала меня той ночью... В воскресенье утром, поглаживая в кармане мягкие кружева на них, я смотрел на ключи от машины и квартиры, брошенные в прихожей, полностью одетый, готовый ехать к ней и думал: а оно мне надо? Во-первых, с кем я собираюсь говорить и выяснять, что вообще происходит? С женщиной, предавшей и отказавшейся от меня, не доверявшей и не пожелавшей слушать. А во-вторых, зачем мне с ней говорить? Она использует меня, тонко манипулирует, взяла за член в прямом и переносном смысле слова. Ладно, я позволил это раз и другой, раскрыл обман, теперь надо поставить точку. А в-третьих... В-третьих, просто хочу ее увидеть и быть рядом...

Выматерившись, фантастически злой на себя, жизнь и треклятые выверты судьбы, я остервенело разулся, побросав обувь по разным углам. Вернулся в комнату, плюхнулся на диван.

Раздирающие меня противоречивые решения, желания и чувства не утомонились и в понедельник, словно у них был чемпионат по рукопашной борьбе, вот они и схватились не на жизнь, а на смерть. Меня, точно беременную истеричку, кидало из одной крайности в другую: от бешеной ненависти к надежде найти компромисс и выход, от желания часами доказывать Вишневецкой свои чувства и словами, и действиями к полному безразличию, похожему на амнезию, от отчаяния к смеху над собой. Рот всему этому затыкали трусики Нелли. Будто талисман, они теперь всегда были со мной, и как только ощущал, что дело дрянь, сжимал мягкий шелк в своей руке — и отпускало. Эта легкомысленная вещица из женского гардероба будто говорила: успокойся, Доронин, просто затаись и жди пятницы и тогда получишь все, а может, даже больше.

Да, ждать пятницы — хорошая идея. И планы уже есть: загляну в свой любимый дерьмовый бар, но на сей раз постараюсь ограничиться парой порций спиртного (надо бросать спиваться из-за какой-то предательницы), потом отправлюсь пешком в свое временное пристанище, а после... Пока не придумал, но и неважно. Импровизация тоже хорошая вещь. Главное — никакой Элеоноры Вишневецкой ни в мыслях, ни в реальности. Точка. Это точка, Доронин, понял?

Но (внезапно!) чудеса импровизации продемонстрировала моя мать. На девяносто процентов состоящая из постоянства и сохранения стабильности, привычек, она иногда выкидывала такой фортель, что вся семья неделями отходила. Кстати, знакомство и шефство над Нелли из числа таких поступков.

Мама позвонила в среду. Сама. И заговорила так, будто и не была обижена за развод, за то, что не могу наладить контакт с экс-супругой, и совершенно забыла, что я сын — паршивая овца в стаде Дорониных. Услышав ее беззаботный и веселый голос в трубке, я на некоторое время оказался дезориентированным и не мог сообразить: мне радоваться такой

чудесной перемене или насторожиться.

— Гош, я понимаю, ты занят, поэтому сразу перейду к делу. Жду тебя вечером в пятницу на семейный ужин.

Пятница прямо какой-то день икс. Дел у меня много запланировано...

— Лучше не жди, я буду занят.

— И чем же таким?

Вот же дотошная женщина.

— У меня деловая встреча.

— Что? Допоздна?

— Возможно.

Мама решительно выдохнула в трубку.

— Егор, прекрати расстраивать меня. Повод для семейного ужина весомый: Аля представит нам своего молодого человека, они уже два месяца встречаются, и все у них серьезно. Предупреждаю, что Нелли я тоже позвала. Во-первых, они с Алей хорошие подруги, а во-вторых, она была и останется частью семьи. Ты понял меня?

— Понял, — буркнул сердито.

Нелли придет... Бывшая вряд ли откажется, ведь они с сестрой действительно дружат давно и надежно. Интересно, как она будет себя вести? Ведь это первая наша встреча на людях после развода... Интригует и то, что нас соединяет большая такая тайна: мы до сих пор спим вместе.

Спали! К черту Вишневецкую. Обязательно появлюсь на этом ужине и покажу, что совершенно остыл и интересуюсь ею не больше, чем предметом мебели.

— Во сколько и где? — прервал вопросом мать, начавшую перечислять, почему обязан явиться на очередное семейное сборище.

— В семь. Соберемся на даче.

Дачей мама называла коттедж за чертой города, в М***. Живописное местечко в глухой дыре, Евгения Александровна обожала его, проводила там весь свой отпуск и собиралась окончательно обосноваться в том доме, когда выйдет на пенсию. «Будете внуков мне привозить, замечательное место для них», — повторяла она. Большая часть семейных ужинов проходила именно там. На веранде накрывался огромный стол, в обязательном порядке подавались запеченная утка и любимое вино родителей, на свет вытаскивались все события и планы, которые требовалось обсудить на семейном совете. Более того, на таких сборищах объявлялись судьбоносные решения, к примеру, именно там Данил заявил, что женится на Карине, я — что Нелли приняла мое предложение и грядет очередная свадьба... Помню, она смушалась тогда так сильно, что почти весь ужин просидела очаровательно зардевшаяся и постоянно смахивала мою руку, желавшую обосноваться на ее коленке.

Время до вечера пятницы пролетело как Porsche Cayenne по пустой скоростной трассе. Истерика и ощущение, что схожу с ума, практически выдохлись — вот что значит правильный талисман в кармане и четко поставленная цель. На дачу прибыл ровно в шесть, поцеловал в щеку мать, пожал руку и обнял отца, удачно отшутился от вопросов, как дела, успехи и самочувствие, и стал ждать. Очень не терпелось увидеть, в кого же влюбилась Алька, девушка она у нас специфическая, долгое время казалось, что парня с таким же размахом интеллекта вряд ли найдет.

Парочка приехала ближе к семи, следом за Данилом и Кариной. Парень сестры, Андрей, разумеется, немедленно завладел вниманием всей мужской части семейства. Что ж,

насчет интеллекта опасаться не следовало, скорее ужасаться. Сестра выбрала жениха с максимальной прокачкой в этом вопросе — физик, стипендиат какого-то там немецкого вуза (название в голове не зацепилось), через год-другой собирался закрепиться в какой-то лаборатории за рубежом.

Он как раз рассказывал, как они познакомились, когда я отвлекся... Нет, будем откровенны, совершенно выпал из реальности. Приехала Нелли. Напрочь позабыв о том, что надо с серьезно-угрожающим видом, не мигая, смотреть в лицо Андрея, я наблюдал через французские окна гостиной, как она идет по дорожке к дому. Чудесное видение... Завораживающее... Темное платье без декольте, лишь глубокий узкий разрез спереди, интригующий, заставляющий думать, что грудь бельем, кажется, не прикрыта. Короткий подол, который свободно трепал ветер, еще больше оголяя и без того впечатляющие стройные и соблазнительные ноги. Она распустила волосы, выделила макияжем глаза, а на губах рдела красная помада.

Твою мать! Надо официально запретить появляться ей на людях в таком виде! Откуда она? Со свидания? Или, наоборот, грандиозные планы на вечер после этого семейного сборища? Или решила показать, что я потерял? Или...

Ведьма! Притягательная, ненавистная. И ее личная жизнь больше не мое дело. Да, не мое.

Ну уж нет, мое! В таком виде она сегодня никуда и ни к кому не отправится. Если только напрямиком в постель. Со мной.

Элеонора со всеми поздоровалась (кроме меня, даже взглядом не скользнула, чертова зараза), обнялась с матерью и сестрой, перебросилась парой вежливых фраз с Андреем и вместе со всей женской половиной упорхнула из гостиной. Я механически поплелся следом, без сомнения, одурманенный тонким шлейфом любимых духов Вишневецкой, но, вовремя очнувшись, остановил себя, замерев на пороге.

— По-моему, вы на полпути к тому, чтобы снова сойтись, — хмыкнул брат, положив руку мне на плечо.

— Разве? — я угрожающе взглянул на Данила. — Мы уже достигли точки полного забвения друг друга.

Тот улыбнулся с видом всезнайки.

— Не думаю, что Нелли так старалась, чтобы очаровать сегодня Андрея, меня или нашего отца. А ты буквально пожирал ее глазами потому, что вспомнить пытался?

Рассмеявшись, брат вышел, а я скрипнул зубами и вернулся к беседовавшим отцу и жениху сестры.

Ужин прошел ужасно. Мать усадила меня практически напротив Элеоноры. Экс-супруга продолжала притворяться, будто я пустое место, и почему-то дико хотелось сделать так, чтобы она как минимум посмотрела на меня, а как максимум осознала: черта с два я пустое место, весьма реален, зол, раздражен и храню нашу с ней тайну исключительно потому, что не считаю ее чем-то значительным (как например, не будешь же всех и каждого оповещать, что съел на завтрак и захватил ли зонт). В голове проносились сотни идей, как это сделать. Проносились и растворялись, потому что постоянно отвлекался на то, как Нелли аккуратно держит вилку, снимает губами кусочки с нее, как поправляет волосы, поглаживает стакан с водой, едва заметно улыбается или качает головой. И нырял взглядом в этот узкий разрез, гадая, правда ли она без белья.

Как итог — в беседе я почти не участвовал, занятый борьбой с собственными

бешенством и эрекцией. Как долго мне еще мучиться? Какого хрена вообще согласился явиться на этот ужин? И какого хрена Нелли выглядит как фея разврата, раскручивая мое либидо запрещенными методами?

Когда наконец этот кошмар закончился, я едва не первым покинул свое место за столом и поспешил на свежий воздух. Ветер, наполненный тяжелой прохладой дождя, остудил разгоряченное тело, вернул кровь обратно в мозг, а пятиминутная прогулка по дорожке среди клумб помогла принять решение. Она не замечает меня? Чудесно! Именно этого и стоило ждать от женщины, предавшей доверие, вероломной. Свои обязательства перед сестрой и семьей выполнил, так что пора отчаливать.

Вернувшись в дом через заднюю дверь, услышал Алькин шепот, видимо, с кем-то секретничает в погруженной в сумрак малой гостевой комнате.

— Ты им понравился, я в этом уверена. Ну сам посуди, кому ты можешь не понравиться? Ты само обаяние, интеллект...

Тихий мужской смех. Ясно, наша парочка решила уединиться и обменяться впечатлениями. Я ухмыльнулся, прислушиваясь

— Все, перестань, Аль. Так еще хуже, мне кажется, ты издеваешься.

— Боже, ты такой олух, но милый.

Пауза. И весьма долгая.

— Люблю тебя. Знаешь, даже если я им не понравился, мне плевать. Главное — мы вместе.

— Вот. Правильные мысли, Вересов. За них можно и еще раз поцеловать.

Улыбнувшись, я неслышно вышел за дверь — зайду через главный вход, не буду их смущать. Этот Андрей оказался классным парнем, вполне вероятно, что он сделает Альку счастливой и у них все сложится замечательно. Только надо будет как-нибудь отловить его и посоветовать проверять карманы перед встречей с супругой. Как выяснилось, это жизненно важная привычка. Даже Данил ею обзавелся, усвоив мой урок.

Для традиционного кофе с корицей стол накрыли на веранде. Я явился первым, но не сел, а замер, глядя сквозь застекленную стену. В саду на лавочке у клумбы, радовавшей пестроцветьем, устроилась Нелли, рядом стояла Карина, о чем-то оживленно рассказывая. Бывшая таинственно улыбалась, так, как умеет только она, завораживая, заставляя сердце замирать. А потом жена брата отошла, оглянувшись, кажется, ее мать позвала в оранжерею, а Вишневецкая осталась сидеть. Откинулась на спинку, запрокинула голову, глядя в темнеющее небо. Налетевший порыв ветра растрепал темные пряди волос и, забравшись под подол легкого платья, сдул его, открывая...

Я застыл, сглотнул, загипнотизированный. Смотрел на оголившиеся бедра и понял: у меня неприятности. Радовало одно — у Вишневецкой неприятности еще больше, она сегодня просто не уснет.

А чего она ждала, надевая черные чулки под короткое платье? Позволив фривольному ветру продемонстрировать: тайна-то невероятно возбуждающая, ведь в пару к чулкам идет красный пояс к ним, его резинки ярким контрастом выделяются на бледной нежной коже и черном кружевном верхе.

Твою же мать! Сейчас веранда заполнится любопытными родственниками, мне как им на глаза показаться с выпирающей шириной?

Требовалось отвернуться, а еще лучше — уйти в дом, в идеале — уединиться. Вместе с Нелли. Которая неторопливо оглянулась по сторонам. Заметила меня и, опустив взгляд

(готов поклясться, в нем мелькнуло озорство), вернула подол на место, а затем посмотрела в мое лицо так пронзительно, что в штанах немедленно стало еще более некомфортно.

Я отвернулся и, морщась, поторопился сесть за стол. Вовремя. На веранду зашли отец с кофейником, Алевтина с пирогом в руках и ее парень с коробкой шоколада.

— Гошка, ты что такой мрачный? — хохотнула сестра. Отец недоуменно поднял брови, тоже оценив выражение моего лица.

Я еще крепче стиснул челюсти и глянул на родственников волком.

— Все в норме, — буркнул. — Сегодня адски тяжелый день был, так что после кофе отправлюсь домой.

— Ну и Нелечку подбросишь, — заявила мама, шагнув на веранду с ярким букетом. Видимо, цветы только что срезала в теплице.

От предложения я вспотел и похолодел одновременно. Подвезти Нелли? И да, и нет, черт возьми! Где вообще гарантия, что мы доберемся до города? Я заглушу мотор сразу же, как мы покинем коттеджный поселок, и разберусь с женой. Досконально узнаю все: почему такой вид, макияж и прическа, что за полный игнор и что все-таки скрывается под подолом...

— А Нелли же хотела остаться здесь на ночь, — удивилась вошедшая на веранду Карина. Данил, следовавший за ней, нес пузатую вазу, в которую немедленно поместили букет.

— Да? — Евгения Александровна делала вид, что поглощена художественным раскладыванием салфеток. — Ну если захочет, то останется. Но Егор вполне может довести. Правильно, Гош?

Появившаяся Элеонора застыла на пороге, недоуменно глядя в затылок суетившейся матери.

— Кхм, Евгения Александровна, — бывшая жена убрала за ухо растрепавшуюся прядь волос. Конечно, мне следовало перестать есть ее глазами, но они предательски оглядывали фигуру женщины, задерживались на бедрах. Как можно знать, что это платье скрывает такую восхитительную конструкцию из пояса для чулок и крошечных (уверен) трусиков, и не смотреть на Элеонору Вишневецкую? Правильно, никак.

— Я уже заказала такси, так что благополучно доберусь, никого не стесняя.

— Нелли! Что ты такое говоришь! Ну кого ты стесняешь, а? Гош, а ты что молчишь?

Сглотнув, я перевел осовелый взгляд на Евгению Александровну, а потом невольно посмотрел в лицо Нелли. Наши взгляды встретились.

Молния, разумеется, не сверкнула, но показалось, что нас вместе с ней выбросило из окружающего мира. Дежа вю. словно первая встреча второй раз, здесь и сейчас. В больших ярких глазах жены я видел вызов и решительность. О! Боевой настрой у нас, значит. Довольно ухмыльнулся, без слов обещая поддержать игру, ощущая, как снова начал возбуждаться.

— Думаю, Элеонора вполне самостоятельна и сама решит, — ответил, довольно прищурившись, не сводя с Нелли взгляда. Та отвернулась, напряженная. Да, Вишенка, ты сама решишь, как лучше мне уступить, и мы оба останемся довольны, клянусь.

— А я думаю, что вам следует поговорить, — Евгения Александровна оставила наконец роль радушной и аккуратной хозяйки, приступив к тому, что, видимо, давно замышляла. — У всех пар бывает взаимонепонимание, но они справляются. И я вижу, что развод точку не поставил. Не отрицайте!

Мы с Нелли одновременно впились в мать грозными взглядами, предостерегая от продолжения. Воцарилось молчание, которое, как выстрел, нарушило деликатное покашливание отца.

— Жень, ты перегибаешь. Уж во второй раз они сами способны сойтись. Оставь их, — попросил он с улыбкой.

Евгения Александровна, смешавшись, села за стол, помассировала виски, поставив локти на столешницу, а потом обвела всех присутствовавших суровым взглядом.

— Ну и чего стоите? Кофе стынет, а пирог сам себя не съест.

Алька, хихикнув, послушалась, заняла место подле матери, утянув за собой Андрея. Уселись и брат с женой, а Нелли осталась стоять на пороге.

— Евгения Александровна, — окликнула мать Вишневецкая. — Мне пора. Спасибо огромное за ужин, и за приглашение. Очень рада была познакомиться с вами, Андрей.

Сбегает? Так скоро? Все же свидание с каким-то уродом? Ха! Будто я это допущу.

Я неотрывно наблюдал за бывшей, ее растерянной улыбкой и явной просьбой в глазах отпустить ее с этого семейного мероприятия. Думал: какую фору ей дать — полчаса, час? Нет, слишком долго, я не настолько терпелив. Десять минут, не больше. Кошмар наяву — упустить ее из виду.

— Неллечка, но еще так рано, — возразила мать.

— Просто у меня завтра пленэр, выезд в семь утра.

Прикусила губу. Врет? Нет, волнуется. И меня волнует, очень ощутимо причем.

— О! И куда едешь?

— В Деметьевку. Нас несколько человек...

Природа — это чудесно, но проснешься ли ты к семи, Нелли? У меня, например, есть некоторые сомнения...

— И Сева будет?

— Да, он тоже. Собственно, он меня и позвал.

Что за Сева? Кто он такой, мать его так? Новый знакомый? Приятель с далеко идущими планами? Нет уж, никакого пленэра с ним, только через мой труп.

Я скрипел зубами и прожигал Вишневецкую взглядом, но она и не собиралась смотреть на меня, быстро попрощалась и ушла, сославшись на то, что машина ждет. Встал из-за стола почти сразу, как только силуэт жены мелькнул на дорожке к калитке, и был немедленно остановлен.

— А ты куда собрался? — вздернув брови, спросила строго мать.

— Домой. Отдыхать.

Каким образом буду отдыхать и в каком именно доме — вообще отдельная история, никого из сидящих за столом она не касается. Это дело мое, Элеоноры и той тайны, что она скрывает под платьем.

— Сиди. Мы давно не говорили. Вот хочу тебя теперь услышать, раз ты весь вечер молчал. Как у тебя дела?

Ох, Евгения Александровна, и какой черт тебя дернул именно сейчас исполнить свой материнский долг? Или это очередная подлянка от вселенной?

— Нормально дела. Сегодня с восьми утра работы столько привалило, что еще и завтра разгрести придется, — соврал, бурча, точно старик.

А зачем мне скрывать недовольство? Главный объект внимания, раздражения, возбуждения, фривольно вырядившийся и ведущий себя соответственно, покинул дом,

возможно, отправившись на свидание с этим Севой (как же хочется зарядить кулаком в его наверняка смазливую рожу). Не то чтобы мне стало скучно, но энергию деть определенно некуда, поэтому никаких задержек.

— Исчерпывающе, — рассмеялся братец, когда все поняли, что продолжения саги о перипетиях моего бытия не будет.

— Слушайте, я реально устал, так что...

— Без кофе и пирога не отпущу, — уперлась мать.

Пришлось остаться. К моему везению, разговор за столом к моей персоне не вернулся, я продолжал молчать, краем уха слушал, как Данил и отец расспрашивают Андрея, периодически натыкаясь на изучающий взгляд Евгении Александровны. Его значение удалось понять, когда сел в машину и получил СМС от нее. Всего пара слов: «Помиришься с Нелли».

Согласно хмыкнул.

Помирюсь, а как же! Несколько раз.

***

В квартире, на первый взгляд, было тихо и пусто. Темно. Горели только бра в коридоре и у ванной. Я замер на пороге, прислушался, беззвучно разулся и наткнулся взглядом на туфли, которые сегодня были на Нелли.

Она здесь, а не с этим Севой. Ухмыльнулся, довольный, от уха до уха. А потом услышал слабый звук со стороны кухни.

Там тоже не было освещения. Темноту позднего вечера рассеивал сизо-желтоватый свет города. Элеонора стояла ко мне вполборота, одной рукой опираясь на столешницу, на которой высилась открытая бутылка вина, рассеянно цедила напиток, глядя в окно. А я, абсолютно счастливый, вздохнул, улыбнулся: страхи не оправдались, она не успела снять это восхитительно развратное платье. И чулки. И пояс... И...

— А ты не торопился, — прозвучал ее тихий, но язвительный голос.

Я поперхнулся воздухом от возмущения. Не торопился? Да я гнал как сумасшедший, плевал на знаки, два раза даже на красный проехал, прекрасно понимал, что влетел на штрафы, и все потому, что опасался: ее либо не будет дома, либо она ляжет в постель до того, как приеду.

— Ну извини, дорогая, — ехидно протянул я, решив принять вызов. — Пару раз пришлось остановиться, чтобы потрахаться.

— Ну а чего еще от тебя ждать, — с нарочитой усталостью выдохнула Вишневецкая, так и не обернувшись ко мне, и подлила вина в бокал.

А мое терпение лопнуло, держаться подальше от этой язвы и не покарать ее — преступление.

Приблизившись, я отобрал у Элеоноры бокал и в несколько глотков осушил его, пристально глядя в глаза жены, в этом свете темные, с дьявольским, соблазнительным блеском в их глубине.

— Вот хам, — прищурилась она.

— Ведьма, — констатировал я и, поставив бокал на столешницу, рывком притянул эту невозможную женщину к себе, впился в ее губы жестким и жадным поцелуем, зарываясь пальцами в распущенные волосы, придерживая за затылок, дыша ею и упиваясь.

Люблю ее так остро, что умираю от боли, так, что выворачивает душу. И это...

неодолимо.

— Лучше убирайся от меня подальше, Доронин, — заявила эта стервоза, прикусив мою губу, царапнув ноготками затылок.

Я застонал.

— Обязательно. Это моя главная жизненная задача.

От агрессивного поцелуя и грубоватых ласк шумело в голове и дрожали ноги. Подхватив Нелли под бедра, усадил ее на столешницу, поймал выдох-стон, снова завладел влажными губами.

— Не хочу тебя, — стянув пиджак с моих плеч, она принялась расстегивать рубашку. Целовала шею, прикусывая. Я был буквально на грани.

— А я — тебя.

Ее восхитительная грудь и правда была не прикрыта бельем. Я ласкал ее через платье, дразнил и сам наслаждался, хмелея от сильнейшего возбуждения, своего и ее. Упивался запахом кожи, волос, уткнувшись носом в висок. Слои ткани между нашими телами в сотни раз обостряли ощущения, скользили, гладили, царапали... И почему мы раньше не практиковали такую прелюдию через одежду?..

Обнаженные бедра и ягодицы Нелли добились моей выдержку окончательно. Резко сдвинул ткань тонких трусиков и коснулся самого сокровенного, нетерпеливо ожидающего меня. Да, это тот самый чертов верх эротизма, отпускающего на волю все мужские инстинкты. Жена застонала в мой рот, попыталась разорвать поцелуй, но не отпустил ее, продолжал крепко держать, распаяя, потирая, проникая, пока не почувствовал, что и сам больше не могу.

Кухню мы еще таким образом не оскверняли. Ее стены, если бы могли, содрогнулись бы, наблюдая, что вытворяют владельцы, не потрудившиеся раздеться и приступившие к сексу, жадному, бурному и, будь оно все проклято, закончившемуся слишком быстро.

Вся жуть этого мира в том, что мгновение не останавливается. Это супердерьмово...

Элеонора тяжело дышала, уткнувшись мне в шею, то цепляясь руками за плечи, то рассеянно проводя по волосам. От каждого прикосновения жены по телу пробегала восхитительная посторгазменная дрожь. Я млел и едва стоял на ногах. Голова была совершенно пустой, а вот тело снова постепенно тяжелело от желания, пока нежно гладил хрупкую спину, талию, вдыхал запах духов любимой и ее разгоряченного от секса тела.

Лизнул шею, обхватил губами крошечную мочку уха, почувствовал, как жена содрогнулась от удовольствия.

Хочу ее, кажется, еще больше, чем когда перешагнул этот порог. Только на этот раз все произойдет классическим образом: в кровати, без одежды. Но раздевать буду медленно, очень и очень медленно, целуя каждый сантиметр обнажающейся кожи.

Твою мать, Доронин, ты все-таки счастливый сукин сын.

— О господи, — прошептала Нелли, выпрямившись и отцепившись от меня. Убрала с лица встрепанные пряди волос, одернула задранный подол. — Мы сошли с ума...

— И правильно сделали. — Я вернул ее в свои объятия и поцеловал неторопливо, осторожно лаская припухшие яркие губы, нежно обводя большим пальцем скулу.

— Не надо... — Она отвернула лицо.

— Надо. Пойдем в постель, — шепнул я, поцеловал Нелли в макушку.

Нехотя отпустил ее, чтобы натянуть белье и брюки, помог спуститься со стола, встать на ноги.

— Осторожно, — предупредил, обнаружив осколки разбитого бокала рядом с брошенным на пол пиджаком. Видимо, смахнули посуду в порыве страсти и даже не услышали звон.

Хорошая примета. Мы точно обречены на неземное счастье. На вечное — если разобьем тот жуткий, подаренный тетей Тамарой на свадьбу сервиз.

Элеонора отшатнулась, заметив ЧП, она еще нетвердо держалась на ногах, поэтому, подхватив ее на руки, отправился в спальню, усадил на кровать. Я стянул расстегнутую рубашку и быстро избавился от оставшейся одежды. Нелли завороченно наблюдала за мной и не стала отталкивать, когда я начал снимать с нее платье, целуя шею и плечи. Завладел губами...

И все получилось так, как и загадывал. Я смаковал и наслаждался каждым сантиметром ее сладкой кожи, ласкал тело, облаченное в возбуждающие красные треугольнички-трусики и черные чулки. Кстати, их и пояс было снимать особенно приятно. Так, что задыхался, но сдерживался, чтобы снова не ворваться в жену.

Решено, этот сценарий как-нибудь повторим, только без ужина с родней и их благословений.

Мы двигались размеренно-неторопливо, точно в танце. Синхронно, глядя в глаза друг другу, поглощая, отдавая. А ритмом, музыкой были наши стоны, дыхание, шорох простыни, матраса. Я стремился продлить эти мгновения, оставаться в ней, с ней как можно дольше, замирал, снова медленно проникал и чувствовал ее всю так полно, что хмелела голова, шумела кровь и абсолютно все теряло значение. Только Нелли, только толчки моего члена, только ее глаза, бездонные, как вселенная, только ее руки на моих плечах, шее, в волосах, только ее ноги, обвившие бедра, только ее приоткрытые губы со вкусом меда и винограда, только ее шелковистая нежная кожа и отвердевшие соски, о которые терлась моя грудь.

Когда мы бурно кончили и замерли, вцепившись друг в друга, вспотевшие, дезориентированные, для меня все открылось с неожиданной ясностью. Открылось и потрясло. Всему виной не развод. Развод — логическое завершение того, что мы стали бездной друг для друга, обнулилось все, что мы до того апрельского вечера знали друг о друге. Она посчитала предателем и подлецом меня, я посчитал предательницей и обманщицей ее. Итог — бездна. В нас и между нами. Но сможем ли перекинуть мост через нее, вновь найти путь друг к другу? Достаточно ли крышесносного секса и сумасшедшего чувства в качестве строительного материала для этого моста? Большой вопрос.

Элеонора зашевелилась подо мной, и я лег на бок, освобождая жену. Осторожно убрал спутанные прядки с раскрасневшегося лица, встретился с внимательным взглядом любимых глаз. Вздохнув, она протянула руку и дотронулась до моих губ, мягко улыбнулась. И я понял: мост будет. Но для этого потребуется избирательная память, вырезание десятка досадных эпизодов жизни и запрет на возврат к ним и в мыслях, и в разговорах. Нужно перевернуть тот лист, где мы оба напортачили, и начать писать на девственно чистом обороте. С новой строки.

В принципе, я готов. Осталось убедить в этом Нелли. Ей повезло, что мастер в этом и охрененно упертый.

Черт, надо запатентовать пояс для чулок в качестве связующей нити для поссорившихся пар. Как он все изменил между нами за несколько часов, однако!

Улыбнувшись в ответ, я наклонился к Нелли и соединил наши губы, переплел пальцы.

Глава 6. Новая строка

На третий круг дело не зашло, а жаль. Я вполне был готов, но как только ладонь обхватила ее грудь, а пальцы подразнили сосок, Элеонора разорвала поцелуй, отстранилась, легко оттолкнув меня, села в подушках и замоталась в плед. Мой сладкий и законный десерт исчез под слоем треклятой ворсистой синтетики, заставив нахмуриться и скрипнуть зубами.

Вишневецкая, включив прикроватную лампу, с вызовом подняла брови, глядя в мое помрачневшее лицо: мол, я в своем праве, это у тебя проблемы, дорогой.

Я улыбнулся.

— Твоя мама поразила меня сегодня, конечно, — невыразительным хрипловатым голосом произнесла жена, поправляя волосы, пытаюсь укротить особенно всклокоченные локоны. — Когда я с ней говорила об этом ужине, она пообещала, что не станет пытаться помирить нас.

Я хохотнул:

— Нашла кому верить.

Нелли, похоже, настроилась на то, чтобы поговорить, и как умный мужчина я должен был этим воспользоваться. Например, обсудить сводничество Евгении Александровны три года назад, этот ужин, платье, секс, Севу, в конце концов (хотя нет, про Севу лучше не спрашивать, а воспользоваться собственными источниками). Но вместо этого речевой центр в моих мозгах с какой-то стати отключился, взгляд блуждал по лицу жены, все еще с восхитительным румянцем на скулах, по хрупким плечам и ключицам, застревал на укутанных пледом бедрах и коленках. Хрипловатый, теплый голос волновал, заставляя кровь приливать к паху. Чертово либидо не желало соглашаться на перерыв и передавать бразды правления рассудку.

— У нее день рождения скоро. Ты уже придумал, что будешь дарить?

Взгляд прилип к припухшим губам жены, вопрос не сразу был обработан головным мозгом.

— Дарить... — Произнес, скрябая щетину на подбородке. — Предлагаю сделать совместный подарок.

Глаза Элеоноры округлились.

— Нет. Исключено.

— Да. Я даже знаю какой. Ее в восторг приведет твой тест на беременность с двумя полосками.

Все ясно со мной: член и яйца на время победили голову. Более того, вполне согласны прямо сейчас заняться этими двумя полосками. Остановило лишь выражение лица Нелли, застывшее, с расширившимися в шок глазами.

— Я пошутил.

— Убирайся, Доронин! — выпалили мы одновременно.

Разгневанная Нелли, сверкая похолодевшим взглядом, обвиняюще смотрела на меня, недвусмысленно предлагая встать и удалиться, даже головой дернула в сторону выхода. Только с какой, пардон, стати? Я в своей квартире, со своей женой, а неудачная шутка не повод указывать мне на дверь. И почему это она неудачная? Разберемся.

Я расслабленно разлегся, положив руки за голову, с буддийским спокойствием встречая злой взгляд любимой женщины.

— Егор, уходи немедленно, — процедила Элеонора. — Я серьезно.

— С чего бы? И кстати, почему такая бурная реакция, Вишенка, м? Ты не предохраняешься? — с усмешкой протянул я.

— Предохраняюсь! — выпалила она и тут же отвернулась.

Но я успел увидеть ее глаза, и удовлетворенно хмыкнул. Это чудо неземное явно давно забила на противозачаточные, поэтому... Вывод на миг заставил похолодеть. Каков шанс, что она уже беременна? Я готов стать отцом, а она — матерью? Как скажется все это на наших отношениях, в которых только-только тронулся лед? Краткое землетрясение сомнений, а после меня затопила радость, заставив широко улыбаться, как идиота.

Ребенок, без сомнения, свяжет нас еще крепче и упростит все максимально. И если он еще не сделан, то непременно поработаю над этим вопросом. С огромным таким удовольствием.

— Я в третий раз повторять не буду, — не унималась Элеонора, не желая поворачивать ко мне лицо.

— И не нужно, моя драгоценная. Я остаюсь. Я чертовски устал, вымотался, нахожусь на своем законном месте, собираюсь еще раз заняться с тобой любовью, а потом крепко проспать до утра.

Провокация действие возымела, как и планировал. Разъяренная Нелли повернулась ко мне, прожигая взглядом.

— Ты... Ты просто невыносим, Доронин! Сволочь и наглец! — задыхалась она. — И раз так... Если ты не желаешь уходить, то... Уйду я!

Отбросив плед, Нелли порывисто встала. Минуту облизывал взглядом обнаженные спину, ягодицы, бедра, лодыжки, ощущая значительный подъем (спокойно, Доронин, пока продолжения не будет) и довольно улыбался.

Вишневецкая, закутавшись в халат, прописавшийся на спинке кресла, села, подобрала под себя ноги и сердито уставилась на меня. Будто в норку забилась.

Поздно, дорогая, я тебя уже приручил.

— Мы в разводе, — напомнила она.

Я скептически усмехнулся.

— Разве? Мы недавно чихать хотели на юридические бумажки. Сначала на кухне, потом здесь.

Элеонора гневно поджала губы и зашла с другой стороны:

— Это моя спальня и моя квартира.

— Хорошо. Считаю, я у тебя в гостях, — потянулся, укрылся пледом, устраиваясь удобней.

Черта с два она меня выгонит, ничто не заставит меня нарушить недавно установившуюся традицию: сегодня пятница, мы спим вместе.

— С тобой невозможно разговаривать! — закатила она глаза.

— Ну и брось тогда это дело, Вишенка. Иди ко мне, будем спать.

— Нет. — Сложила руки на груди, сверля меня взглядом.

— Ну как хочешь.

Потянулся и выключил прикроватную лампу. Спальня погрузилась в соблазнительный полумрак, фигурка жены превратилась в невнятную тень. Я вглядывался в нее, прикрыв глаза, размеренно дыша, ожидая...

Нелли, поставив локоть на подлокотник, подпирала рукой подбородок и, кажется, тоже

не сводила с меня взгляда. О чем, интересно, думала? Лично я — о ней. Думал: по хорошему, мне бы исполнить ее желание, удалиться прочь, предоставив ее самой себе, мы и правда в разводе, юридически не имеем друг на друга никаких прав, но... Нелли, Вишневецкая ли, Доронина ли, — моя. Была и будет. Моя ведьма, моя предательница, моя вредина, моя соблазнительница, моя волшебница, моя ненаглядная. Моя, и точка. А я — ее. Меня может бесить эта мысль, а может приводить в экстаз. Сейчас, например, последнее.

И я ей нужен, дорог ей, как бы она ни отрицала это, ни сидела упрямо в кресле в углу, надувшись, шантажируя мыслью, что выгнал ее из комфортной постели.

И, точно в детстве, загадал: если она придет ко мне, то все получится. Без понятия насчет второй свадьбы и второго штампа в паспорте, вообще не в них дело. Мы просто будем вместе.

Когда уже засыпал, почувствовал, как шевельнулся матрас. Цветочный запах духов коснулся обоняния. Повернувшись, придвинулся ближе к жене, она дернулась, но позволила себя обнять, прижалась лбом к груди, вздохнула, скользнув ладошкой по моему плечу. Поцеловал ее в макушку и тут же отключился.

... Проснулся от негромкого щелчка и ворвавшегося следом в комнату уличного шума. Было чуть душновато, видимо, Нелли по привычке выключила кондиционер часа в три ночи.

Нелли...

Распахнув глаза, увидел ее перед собой. Жена, одетая в мягкие домашние штаны, короткую футболку, с заколотыми чуть влажными волосами, разглядывала меня, словно бы погруженная в собственные мысли. Словно задавала себе вопрос: что вообще происходит и что мне с этим делать? Заметил крошечную вертикальную морщинку между ее бровей.

Судя по тому, как интенсивно светило солнце, голубело небо и кричали дети во дворе, время далеко перевалило за восемь.

— С добрым утром, — просиял я. Утро действительно хорошее, если пробуждение столь приятное. — Вижу, пленэр проходит по плану.

— Мне в любом случае сегодня лучше дома поработать, — отстраненно ответила Элеонора и направилась к комоду. Вскоре в меня полетело полотенце.

— Я приготовила кофе и сделала тосты. Джем к ним в холодильнике. Когда будешь уходить, не забудь закрыть дверь за собой.

Даже не повернулась ко мне. Переложила пару вещей в комод, а потом покинула спальню.

— А поговорить? — крикнул ей в спину.

Ответом была тихо прикрытая дверь в маленькую комнату, служившую ей мастерской.

Ясно, разговаривать мы все еще не желаем. Дерьмово. Но есть плюс: она не с этим непонятым Севой, а пока все еще со мной. Теоретически могу оставаться здесь хоть до вечера, время моего ухода Вишневецкая не обозначила, позаботиться, например, об обеде... Да просто глаза ей помозолить. Но нет, не стану. Ей нужно время и личное пространство. Что ж, она их получит.

Хитро улыбаясь, я сел, потянулся до хруста в костях и отправился в душ.

***

— Кто такой Сева? — первым делом спросил я Алевтину, когда мы присели за столик в пул-баре, утонув в этих чертовых мягких диванах.

Если кто и обладает информацией о жизни Элеоноры, то только сестра. Конечно, и она не знала все: жена отличалась скрытностью, неохотно вываливала на других свои проблемы и не пыталась искать ответы, смакуя подробности чужой личной жизни. Но про Севу Алька точно должна была знать.

Чтобы выудить нужные мне ответы, я пригласил ее и Андрея отдохнуть за игрой в «Восьмерку». Вечер воскресенья, конечно, означал, что в пул-баре будет аншлаг, но я раскошелился на вип-зал, забронировав там место.

Пока парень сестры озадачивался выпивкой, изучая меню, я сразу перешел к делу, ради которого вечер, собственно, и затевался. А Алевтина будто и ждала этого вопроса, улыбнулась этак ехидно, в глазах зажегся азартный огонек любопытства. И немедленно понял: допрос будет двусторонним, живым не уйду.

— Всеволод Горин, — ответила сестра, пристально наблюдая за моим лицом. — Ты его знаешь.

— Знаю? — озадаченно потер шею.

— Его богемная половина города знает, Гош, — язвительно улыбнулась сестра, — стыд тебе и позор. Это художник-авангардист, вы с Нелли ходили на пару его выставок.

— Черт.

В памяти всплыло небритое лицо сложенного как бодибилдер темноволосого мужика с воловьими черными глазами. Смазливая вполне рожа, из тех, что нравятся женщинам. Мы действительно были на его выставке в ту пору, когда только встречались, и где-то года полтора назад. Нелли удивительно легко нашла с этим Севой общий язык, что очень раздражало. Помню, в первый раз я сходил с ума от ревности, а во второй уже более спокойно воспринял их болтовню. Потому что все время стоял с женой рядом, обнимая ее за талию. Обозначал территорию.

Теперь же территория не обозначена. Охренеть как плохо.

— И? — надавил я, буравя Альку мрачным взглядом.

— Что и? — разыгрывала недоумение та.

— Как часто они видятся? У них что-то намечается?

Алевтина радостно рассмеялась.

— Боже мой, Гош, никогда не думала, что доживу до момента, когда ты станешь невменяемым от ревности.

— Чертова язва, — буркнул. — Я вполне вменяем, мне просто нужна информация.

Сестрица прекратила веселиться и, вскинув нежный взгляд на подоспевшего с бутылками пива и пачками чипсов Андрея, наставительным тоном произнесла:

— Эти сведения конфиденциальные. Права разглашать их не имею. Но могу обменять.

— На что? — нахмурился.

— Ты мне расскажешь, что между вами происходит.

Ага, только этого не хватало. Если бы сам знал, что между нами происходит, то, возможно бы, и удовлетворил любопытство сестры. И почему это она решила засунуть нос в наши с Нелли отношения? Пусть своими занимается.

— А что происходит? В пятницу вечером оказались за одним столом на ужине у родителей. — Я с нарочито равнодушным выражением лица забрал пиво у Андрея, поблагодарив его кивком.

— Да ну! — фыркнула эта коза, родившаяся моей сестрой. — Меня не обманешь. Между вами так искрит, что впору вызывать электрика. Так что происходит?

Искрит... Ну не только искрит, а еще и взрывается. Так, что и до кухонного стола дело дошло. А в целом... Ничего не происходит. Просто каждую пятницу мы с Нелли оказываемся в одной постели. И не столько спим, сколько активно занимаемся любовью. К обоюдному шоку и удовольствию. Утром же разбегаемся как незнакомцы. И в чем тут интрига? Вообще обычная рутина, никаких оснований для сенсации.

— Аль, — Андрей, прижимающий к своему боку сестрицу, чмокнул ее в висок. — Может, пусть они сами разберутся, что происходит? Как будут готовы, все расскажут остальным.

Мудрый парень! Стопроцентно, этот будущий родственник никогда не разочарует.

Алевтина мгновенно притихла, задумчиво всматриваясь в мое лицо, потом тяжело вздохнула, махнула рукой:

— Черт с тобой, Гошка. Если не к тебе, то к Нелли пристану. А тебе вот новое условие: разобьешь меня в «Восьмерку» расскажу все, что знаю про Горина.

Я с улыбкой потер ладони.

— Договорились!

... Услышанное мне не понравилось. Задница не обманула, подсказывая, что от этого мужика стоит ждать неприятностей. Ублюдок подгадал момент и едва не прямым текстом заявил Нелли, что готов занять вакантное место. Мое место, между прочим! Правда пока, по словам Вишневецкой, которые мне передала сестра, они просто друзья.

Но Горин точно не отступил. Подсуетился, видимо, подмазал кого надо, и заколдовал им с Элеонорой совместный заказ. Вот уже месяца два они работают над панно в новом концертном зале, который должен скоро открыться. Уж не знаю, насколько продуктивен их творческий гений, но в том, что этот мудака всю пользуется случаем и моментом, абсолютно уверен. Потому что сам бы так делал!

Настроение, разумеется, испортилось и, оставив парочку, азартно загоняющую шары в лузы и ставящую на кон поцелуи, я вышел на воздух. Душный вечер на излете августа требовал ливня, из припаркованной на углу у торгового центра «Лады» громыхали басы современной однотонной музыки, от которых, казалось, дрожала вся улица, хохотала и кричала раздухарившаяся молодежь.

Мне же хотелось или расколотить что-то, или начать орать матом. Но вместо этого, забив на потребности, я вызвал такси и нервно расхаживал взад-вперед, ожидая. Пиво, видимо, было не того сорта, поэтому изнутри разъедала горечь, заставляя скрежетать зубами.

В машине я не успокоился, уговоры, аутотренинг и прочая хня не помогали, сердце не торопилось возвращаться на место, а мозг — остывать.

— Слушай, шеф, я передумал. Давай на улицу Калинина, — заявил водителю.

Чувак в восторг не пришел, но маршрут изменил.

Я просто посмотрю... Просто удостоверюсь, что она дома. Одна. И рядом никакого Севы Горина.

Я хренов маньяк и одержимый, да.

Свет горел только в большой комнате. Вероятно, Нелли сейчас читает или, забравшись с ногами на диван, слушая музыку, делает какие-то наброски в том здоровенном блокноте. Показалось, что в окне мелькнул ее силуэт, маня, тревожа неудовлетворенность... И меня озарило: я напишу ей.

Но что? «Привет», «Я тут под твоими окнами, бдю», «Спокойной ночи», «Повторим в

следующую пятницу»? Полная херня! Всё это не то!

Усмехнувшись, пришел к выводу: слова иногда не нужны, достаточно просто отправить цифру. Со смыслом цифру. Интересно, как скоро она его разгадает?

В окошечке СМС я поставил 4. И отправил. Через долгих три минуты в ответ пришел знак вопроса. Эх, Элеонора Романовна, да вы недогадливы, но ничего, так даже интересней. Тихо рассмеявшись, я развернулся и зашагал к остановке. Вызову такси оттуда.

***

Смысл моих СМС до Нелли дошел в понедельник. Около десяти вечера я отправил ей глубокомысленные закорючки цифры 3 и долго ждал ответа. Усмешка таяла, я раздраженно тер переносицу, бросил взгляд в окно, подумав: если не ответит, поеду к ней, к черту все зарюки.

«Очень впечатляет. А если я сменю замки?» — пришел ответ. Я рвано выдохнул, а потом ликующе улыбнулся.

Конечно, ты можешь сменить замки, малышка, но они разве нас остановят?

Во вторник к Вишневецкой полетела цифра 2. Ответ гласил: «О да! Уже начала подбирать наряд. Чулочки, корсетик. С надписями: «Мы в разводе! Забыл?»

Обожаю, люблю до перманентной эрекции и несварения эту занозу.

В среду отправил ей единицу. Элеонора написала: «Не старайся. Я буду занята в эту пятницу». Ночь не спал, весь четверг ходил адски злым и мрачным, Марго даже заявила, что половина отдела готовы уволиться, ибо им осточертели мои истерики. Бешеная ревность улеглась только около девяти, когда Нелли, не дожидаясь СМС со словом «Завтра» от меня, прислала ссылку на какую-то тусовку в своей галерее.

В пятницу намечалось открытие выставки репродукций Пикассо, что означало: соберутся телевидение, всякие шишки, спонсоры и меценаты ну и подсевшие на опиум искусства простые горожане. Согласно анонсу, перед всей этой расфуфыренной публикой выступит театральная студия. Актеры, видимо, как смогут кратко передадут зрителям идеи безумных полотен вернисажа.

Присланную ссылку я воспринял как приглашение. Будет ли на мероприятии моя мать? Даже если и будет, все равно. Намерен пойти, потому что внезапно обнаружил в себе бездну любви к Пикассо и театральным студиям.

В пятницу, в семь вечера, одетый в светлую классическую тройку, я с кислой миной разглядывал толпу, ломившуюся в залы на втором этаже. Надеялся, что в этом хаусе удастся не просто найти Нелли, но и сделать так, чтобы она меня заметила. В противном случае я очень разочаруюсь, возможно, до такой степени, что сотворю что-нибудь провокационное. К примеру, заявлю во всеуслышание, что Элеонора Вишневецкая развелась с собственным мужем, чтобы потом свободно спать с этим же мужем.

Но я мог не беспокоиться — она меня заметила. Брови красноречиво поползли вверх, губы на миг дрогнули в улыбке, а потом Нелли отвлекли.

Быстро догадался, что матери здесь нет, а вся организация этого Пикассовского балагана легла на плечи жены. Она не стояла на месте, то появляясь, то исчезая, что-то говорила на камеру, с кем-то позировала для фото, здоровалась за руку, улыбалась. А я скрежетал зубами, поедая взглядом хрупкую фигурку. Нелли сегодня превзошла саму себя, решив раздражить максимально деловым нарядом: подчеркивающие стройные ноги черные

брюки с завышенной талией, светло-фиолетовая блузка под горло, с длинными рукавами. Этакая невинная недотрога, которую оттолкнет малейший похотливый взгляд.

Что ж, Вишенка, если ты хотела раздражить мое воображение да и меня всего, то это у тебя блестяще вышло.

Наконец гости уселись, кое-кто разместился у стен, погасли лампы, холодным люминесцентным светом оказалась залита лишь площадка в центре зала, застеленная белым квадратным полотном. Посредине стоял черный стул.

Присутствующие прекратили переговариваться и перешептываться, когда на полотно шагнули три укутанные в золотистые плащи фигуры. Вскоре актеры их сбросили и начался то ли танец, то ли пантомима, то ли еще какая вакханалия. Слов у действующих лиц не было, лишь движения, яркий монохромный грим и манипулирование предметами всех цветов радуги. Интерес к происходящему я потерял уже минуты через три, выцепил взглядом Нелли, которая закончила давать указания полноватой высокой девушке в черном, наверное, подчиненной, и осталась стоять у бюста какого-то художника у выхода из зала. Рядом никого не было.

Меня точно магнитом притянуло к ней. Я неторопливо шел к своей цели, стараясь не тревожить захваченных представлением зрителей, стоявших у стен. Видел только лицо Элеоноры, тоже наблюдавшей за актерами: таинственные в полумраке глаза, губы в мягкой полуулыбке. К ней я стремился, будто стрелка компаса — к северу, и даже вопроса не возникало зачем. Затем, что держаться вдали от Вишневецкой совершенно невозможно и противоречит моей природе.

— Приятно, что ты в кои-то веки решил посетить мир искусства, — с ехидцей прошептала Нелли, когда оказался рядом.

Ко мне жена головы не повернула, делая вид, что целиком занята представлением.

— И тебе доброго вечера, Вишенка, — прошептал в ответ я, наклонившись к ее ушку, намеренно обласкал дыханием щеку, шею. Она вздрогнула.

Как же я по ней соскучился! Извелся буквально.

— Знаешь, что мне сейчас больше всего хочется? — продолжил провоцировать любимую, мягко коснулся ее кисти, обхватил тонкие пальчики, едва не зарылся носом в волосы, которые она сегодня заколола на затылке, но несколько локонов уже выбились из прически.

— Оставить меня в покое и дать поработать? — предположила Элеонора, не пытаясь, впрочем, отстраниться или забрать свою руку из моей ладони.

— Не угадала, — улыбнулся я, провел губами по ее щеке, ощутив свою дрожь и ее.

О да, Нелли тоже будоражили эти наши подростково-невинные касания в полумраке, пока взрослые с умным видом занимаются своими скучными делами. А как они нравились мне... Хорошо, что пиджак застегнут, поэтому даже зоркий глаз ничего не заметит.

— Егор, — она повернула ко мне лицо, заглянула в глаза, укоризненно, испытующе. — Это плохая идея...

И вот что эти губы произносят? Безобразие! Все, больше никаких подколов и комментариев.

Нежно обхватив подбородок, я поцеловал ее, неторопливо, лелея, не напирая, дыша ею, впитывая ее вкус и тепло. Услышал ее тихий стон, почувствовал, как она прильнула ко мне, положила руку на грудь, туда, где бешено колотилось мое сердце. Пальцы дрогнули в моей ладони...

Мы успели отстраниться друг от друга за секунду до того, как зажегся свет, а потом Элеонора заспешила прочь от меня, к микрофону и ждущей рядом девушке в черном с папкой в руках.

Следующие четверть часа я, едва сдерживая нетерпение, ждал, когда она прокомментирует демонстрируемые слайды с полотнами, потом поблагодарит гостей, спонсоров, руководство — всех до кучи, а после, наконец-то, объявит начало экскурсии по новой экспозиции.

К спешащим приобщиться к шизофреническому гению великого художника я не присоединился. Понаблюдал, как Нелли направилась куда-то в сторону служебных помещений и сделал логический вывод, что ее работа на сегодня завершена.

Вышел на улицу и стал ждать у бокового выхода, которым, как прекрасно знал, обычно пользовалась жена. Прошедшие дожди принесли в город прохладу, свежий ветер немного проветрил голову, теплый осенний вечер настраивал на философско-романтический лад.

Планов я не строил. Смысл? Жизнь все равно подвесит за яйца, поэтому нужно просто вовремя избегать опасные крючки. Конечно, с Нелли у нас все еще ничего не прояснилось, мы оба будто плывем по течению, то притягиваясь, то отталкиваясь... Сейчас чаще притягиваясь все-таки. Что дальше? Постепенно, аккуратно разрушать барьеры, слово за словом выстраивать наш с ней мир заново. Это трудно, бесспорно, но уже дало кое-какие результаты. Во-первых, я перестал чувствовать себя несчастным спивающимся неудачником с биполяркой (и вести себя соответственно тоже), во-вторых, Элеонора, пока еще колючая на словах, прекратила меня отталкивать, не признавать.

Короче, можно заявить, что жизнь налаживалась, но... Зная, какая судьба сволочь и сука, как она любит преподносить сюрпризы, не стал бы этого делать. Главное сейчас — дождаться Нелли, поехать с ней домой, не спеша раздеть эту соблазнительницу и, уложив в постель, потерять себя в ней. Окончательно. Желательно навечно.

Встрепенулся, услышав тихий скрип двери и стук каблучков на ступеньках. Элеонора, с клатчем под мышкой, обхватила себя руками, пытаюсь согреться, взглянула на небо и вздрогнула, услышав мое ворчливое:

— Ты так простудишься. Хорошо, что я рядом.

— Боже, ты меня напугал, — выдохнула она, прижав руку к груди.

Через мгновение я уже накидывал ей на плечи свой пиджак, укутывая и утепляя, словно ребенка. Коснулся лбом ее лба.

— Поехали домой, — удерживал Нелли за плечи. Сейчас почему-то страшило только одно: она оттолкнет меня. Только поэтому притиснул жену к себе, обняв за талию.

— Гош... — Она покачала головой. Точно собиралась отказать. Кто бы позволил!

— Ты не поняла. Это было не предложение.

Вишневецкая взглянула на меня сузившимися глазами, настороженная, опять выпустившая колючки.

— Тебе не с кем скоротать вечер? — предупреждающим тоном поинтересовалась она, мягко высвобождаясь из моих объятий. Я позволил ей это. Если будем стоять на месте, Нелли может замерзнуть.

— Есть и с кем, и за чем. Над этим как раз и работаю, — задорно хохотнул, покосившись на нее.

Мы спускались вниз к воротам. Недалеко от них как раз оставил свою машину, как чувствовал, что не нужно сегодня пользоваться парковкой. Элеонора, сама о том не

подозревая, шла прямо к расставленной ловушке.

— Тогда без меня работай. Я в этом не участвую, — решительно кивнула эта любимая вредина.

И будь оно все трижды проклято, ее упертость и дерзость меня сильно возбуждали.

— Чем чаще ты говоришь мне нет, тем все отчетливее слышу да.

— Да похоже, ты глухой, Доронин, — Нелли метнула в меня насмешливый взгляд.

— А ты, наверное, слепая. Ты не видишь, что я тебя хочу.

Мы одновременно скользнули в узкую калитку, застыв там на мгновение. Устроили поединок взглядами.

— Это исключительно твое желание, — тихо произнесла Элеонора. Хотела, чтобы звучало жестко и веско, но замысел испортил взгляд, опустившийся на мой рот.

— Которое не оставляет тебя равнодушной, — ответил я, наклонившись ближе к ней, дразня.

— Все. Я не хочу с тобой разговаривать! Ни слова больше. — Она резко отвернулась и зашагала дальше, но была аккуратно поймана за локоть (начавший сползать пиджак пришлось придержать) и направлена к ждущему нас BMW.

— Идет! Играем в молчанку, — согласился, открыв переднюю дверь и усаживая Нелли на пассажирское кресло, взглядом и хваткой давая понять: свою добычу не намерен отпускать ни сегодня, ни вообще когда-либо. Так что пусть и не думает сопротивляться.

— Какой же ты гад, Егор Валерьевич, — вздохнула устало Вишневецкая, когда мы тронулись.

— Отборнейший, — признал я.

Путь до дома прошел в благословенном молчании. Вполне себе идиллия, если не брать в расчет что-то, разраставшееся между нами, быстро заполнявшее салон. Это что-то пощипывало кожу, ускоряло пульс и ток крови к паху, дурманило голову и заставляло оглядывать Нелли: ее лицо, губы, выбившиеся непокорные пряди волос, шею, придерживающие пиджак пальцы...

Как там Алька назвала это? Электричество... Да, это точно оно. Специалист не поможет, мы безнадежны.

В молчании, уже явно наполненном взрывоопасным сексуальным притяжением, не глядя друг на друга (в противном случае, подозреваю, просто сорвались бы), мы вышли из машины, шагнули в подъезд, поднялись в лифте на этаж. Нелли, кусая губы, попыталась открыть дверь и выронила ключи. Подняв их, отпер замок и, ухватив жену за талию, втянул в темную прихожую.

А вот там уже и случился фейерверк. Почти случился... Я немедленно впился в ее приоткрывшиеся губы жадным поцелуем, поймав судорожный выдох, запустив руки в копну шелковистых волос, вжимаясь в нее бедрами. Меня будто встряхнуло от колоссальной силы разряда, но Нелли тут же отпрянула, накрыла мой рот рукой.

Мы оба тяжело дышали, неотрывно глядя в полыхающие страстью глаза друг друга. Темнота и тишина квартиры до краев наполняли момент остро наточенной особенностью, еще больше распалили либидо. Хотел Нелли безумно, ни о чем ином думать не мог, не понимал, какого хрена она меня останавливает...

Дернул галстук, пуговицы рубашки. Элеонора удержала мою руку, приподнялась на цыпочки и с нежной твердостью прошептала в ухо, задевая мочку теплыми губами:

— Сегодня я тебя раздену, дорогой. И даже не смей дергаться.

— Как скажешь, Вишенка.

Если не тронусь умом от счастья, эта ночь определенно войдет в копилку лучших.

***

Справа послышалось сдавленное «ой, черт» от Элеоноры и, приоткрыв глаза, увидел, как она быстро села, отбросила плед и, на ходу скручивая волосы, помчалась в ванную. Обнаженная, грациозная, как лань.

И куда мы так торопимся с утра? Опять работа? Пленэр? Еще хрень какая-нибудь?

Я раздраженно выдохнул, тоже сел. Остатки сна испарились, будто туман с трассы под жаркими лучами южного солнца.

Ночь удалась. Очень и очень. Те два раза добавим в антологию «Зе бест». Но, бля, уже утро, и душа, и тело требуют приятного пробуждения, а не вот этого побега.

Через пару минут, проанализировав убогое и темное будущее, которое ожидает, я нагло воспользовался тем, что Нелли никогда не запирает дверь, когда моется, и обнял ее, стоящую под струями душа, влажную, пахнувшую сладкой малиной. Скользнул руками по груди, прикрытой пеной от геля, приласкал чудесные холмики с мгновенно отозвавшимися сосками.

— Гош, я опаздываю...

Крайне слабое нет. Потому что Нелли, застонав, приглашающе откинулась мне на грудь, голова легла на плечо. Изгиб шеи очень нуждался в моих поцелуях, этим и занялся.

— И опаздывай на здоровье, — прикусил кожу у ключицы, услышал еще один стон удовольствия. — Как подумаю, что еще неделю не увижу тебя...

Пальцы скользнули между бедер жены, проникли во влажную, теплую глубину, начали ласкать, дразнить, пока я долго, самозабвенно целовал ее шею, за ушком...

Скамеечка для душа очень выручила. И открыла новые грани занятий любовью в позе сидя. Как же упоительно было чувствовать тело Вишенки, разнеженное теплыми струями воды, взрывающее мозг запахом малины, ласкать упругие влажные бедра, ягодички, направляя, насаживая ее на себя. Мы целовались, как одержимые, обжигали друг друга грубоватыми ласками, откровенными прикосновениями, распалая до тех пор, пока оба не содрогнулись от яркого оргазма. И потом еще некоторое время не решались отлепиться друг от друга, рассеянно скользя по коже пальцами, очерчивая плечи, спину, словно приземлялись после длительного полета в треклятом космосе.

После, по очереди ополоснувшись, покинули ванную. Нелли вдруг притихла после секса, не реагировала на мои поддразнивания и подколки. Вот, Доронин, твоя традиционная ложка дегтя в субботнее утро после пятничной феерии.

— И куда ты опаздываешь? — поинтересовался нарочито спокойно. Ответ был очень важным, от него зависело, покинет ли Вишневецкая сегодня квартиру вообще.

Я неторопливо одевался, наблюдая за Элеонорой, сидевшей за туалетным столиком и досушивающей феном непокорные темные волны волос. В утреннем свете они поблескивали тусклым золотом, ложились ей на плечи завитками. Жена уже надела платье до колен в приятный блеклый цветочек, оставлявшее открытым спину, завязывавшееся на шее симпатичным бантом. Вот бы потянуть за его концы, спустить вниз, обнажая грудь, чтобы беспрепятственно целовать, ласкать ртом...

Выругавшись про себя, еле прогнал возбуждение. Вишневецкая просто с ума меня сводит, не женщина, а наваждение...

— Договорились встретиться с Алей, — услышал ответ, произнесенный ровным тоном. — Пройдемся с ней по магазинам, выберем что-нибудь в подарок для твоей матери.

Значит, Алька добралась до Нелли.

Я усмехнулся, покосился с сочувствием на жену, не подозревавшую, что ее ждет не только шопинг, но и допрос с применением тактики клеща.

Телефон Нелли, лежавший на туалетном столике, громко завибрировал.

— А вот и она, — протянула любимая, поморщившись, ответила на вызов:

— Да, привет, Аль... Прости, я проспала... Хорошо. Думаю, минут через тридцать буду там... Нет, я против... — Нелли вдруг вскинула на меня пристальный взгляд. Почему это? Речь обо мне зашла? — Боже, Аля, ну что за вопрос. Мы в разводе с твоим братом... Что? С чего ты так решила?... Нет, мы не помирились. Слушай, мне надо закончить сборы и выходить. Все, пока.

Я многозначительно хмыкнул, давая смех. Алевтина превзошла саму себя! Не утерпела, по телефону Вишневецкую начала пытаться. И Нелли, судя по этой вертикальной морщинке на лбу, вроде осознала: сегодняшней поход по магазинам не будет таким безоблачным, как казалось раньше. А отказаться уже никак.

Элеонора недовольно, с укором посмотрела на меня, уже полностью одетого, стоявшего у комода в ожидании ее. Прикусила губу, нахмурилась. Как ни старался прятать наползающую на лицо улыбку и жестко скручивать веселье, жена определенно раскусила меня.

— Надеюсь, это не твоих рук дело? — буркнула, вернувшись к сушилке.

— Что именно? — я поднял брови в недоумении.

— Алевтина. И ее уверенность, что мы снова... встречаемся.

Заминка понравилась и не понравилась. По сути, да, мы встречаемся... Но, черт возьми, это гораздо больше, чем пятничное разделение постели. Или должно стать бОльшим в ближайшее время, достаточно с нас ада расставания.

— Я тут ни при чем, — развел руками, глядел на нее большими невинными глазами. — Честное пионерское. Ты мне скажи, куда тебя подвезти?

Нелли не торопилась отвечать. Выключила фен, сложила его провод, убрала в ящик, мазнула тушью по ресницам, блеском — по губам, затем встала, поправила пышный подол платья, подчеркивающий стройные красивые лодыжки и тонкую талию, и только после посмотрела на меня. В зеленых колдовских глазах — холодность и непреклонность.

Я сглотнул. Дерьмо. Сейчас огребу.

— Не надо меня подвозить. И, Гош... То, что ты сказал в душе... Про не увидимся неделю... — Она нервно заправила за уши волосы, потерла лоб, пряча глаза. — Ты ведь сам понимаешь: то, что происходит, абсурдно, ненормально... Опасная игра, пытка...

— Так. Стоп, — я выставил вперед ладони, буравя жену взглядом, ощущая зарождавшиеся бешенство и желание немедленно бросить ее на постель и в очередной раз доказать, как сильно люблю. — Не разбрасывайся пока словами. Я согласен, что нам надо это обсудить. Хочешь сегодня или завтра?

Тяжело выдохнув, Нелли повернулась и направилась в прихожую.

— Я пока не знаю, не определилась со временем. Но нам и правда нужно поговорить обо всем этом. Чем быстрее, тем лучше.

— Так не должно оставаться, — произнесла очень тихо, я едва расслышал.

Мы обулись и замерли друг напротив друга. Качнулся вперед, наклонившись, собираясь

поцеловать ее, но Нелли отстранилась, предупреждаяще уперлась ладонью в мою грудь, отвернула голову. По щеке скользнуло ее дыхание.

— Иди первым, — кивнула на дверь.

— Я словно твой любовник, — зло усмехнулся, вновь вскипая. — Нас не должны видеть вместе и бла-бла-бла.

— Так просто будет лучше, — отрезала Элеонора, отпирая замок.

Глава 7. Апперкот и нокдаун

Юбилей. Есть что-то в этом событии от армагеддона. Сама организация праздника уже достойна стать сюжетом какого-нибудь ситкома. А если это еще и юбилей твоей матери, не последнего человека в городе, то тянет увешаться амулетами от всего на свете и укрыться в какой-нибудь пещере.

Нет, я люблю публику, обожаю внимание, но только если оно исходит не от родни и знакомых. Девяносто процентов пожелают удостовериться, что дела у тебя идут хреново (или хреновей, чем у них), выколупывая подробности, сочувственно цокая языком, качая головой.

Поэтому в это элитное загородное стойло, именуемое «Ресторан «Лесной», где Евгения Александровна вознамерилась отпраздновать свой день рождения, явился как на ринг, собираясь валить противников ослепительными улыбками, ловкими уходами от ответов, сарказмом и завуалированными подколками.

Вот вроде бы среда, середина недели, но мать не побоялась позвать весь цвет города (кажется, даже наш бессменный мэр мелькнул где-то), родных, знакомых отца и своих. И погода еще баловала. Несмотря на начало сентября было так же комфортно, как на курорте в бархатный сезон: ненавязчиво тепло и безветренно.

Веранда ресторана, где пока собирались гости, гудела, точно взбесившийся трансформатор, разодетые дамы и господа мельтешили, здоровались-обнимались, хохотали и переговаривались, я же стоял в стороне, наблюдая за действием с постной миной.

Нет, конечно, мать я не проигнорировал. Как только приехал, сразу же нашел ее, поцеловал в щеку, поздравил и поинтересовался, как там поживает мой подарок — чертов редкий сорт орхидей, который через третьи руки где-то добыла Марго. Название этих цветочков благополучно вылетело из головы сразу же, как секретарша его озвучила.

— Ой, Гошик, они такие чудесные! Спасибо огромное. Я их уже устроила, но теперь практически живу на даче, надо ведь наблюдать, чтобы все в порядке было. Твой отец недоволен, само собой, — рассмеялась мать.

— А Нелличка, представляешь, тоже мне орхидеи подарила, — подмигнула Евгения Александровна, ухватив меня за локоть. Пораженный, я застыл на месте. — Свою картину с ними. Я повесила ее у нас в квартире. Вы с ней точно сговорились! Вместе думали, что мне подарить? Может, даже работали вместе?

Мать улыбалась довольно, со знающим и гордым видом: мол, все понятно с вами обоими, но прямого ответа пока не потребую.

— Ну ты преувеличиваешь, — ответил я, приятно удивленный такому совпадению. Прямо знак свыше!

И да, мы с Нелли работаем вместе, но немного над другим. К искусству это отношения не имеет, а к подгузникам и распашонкам — очень даже.

Потом Евгения Александровна отвлеклась на других гостей, а я начал поиск жены. И с каждой минутой тревога и гнев нарастали: этой занозы нигде не было.

Я понял, что в шатком равновесии наших отношений-неотнoшений произошел сдвиг, еще в воскресенье, когда отправил ей СМС со смайликом и предложением поужинать если не вместе, то, к примеру, в одном ресторане за соседними столиками. Никакого ответа не последовало. Это было дерьмово, это задело, но списал все на типично женскую смену

настроения. В понедельник сообщил ей, что заказал подарок для матери, и поинтересовался, как дела с презентом у нее. Вновь молчание. Во вторник уже так бесился, что послал ей больше десятка СМС с одним вопросом: «Какого черта ты меня игнорируешь?» Разумеется, ответа не дождался. И тогда отправил контрольное: «Завтра в шесть заеду за тобой, поедем на юбилей». И вуаля! Аллилуйя! «Не смей!» Замечательный, емкий ответ, доказавший, что Элеонора Вишневецкая жива-здорова и даже не заперлась от мира в мастерской, просто не желает общаться.

Все изменилось, без сомнения. Но, бля, в какую, мать его, сторону?

Гости постепенно рассаживались, где-то через четверть часа уже должна была стартовать развлекательная программа, я же, старательно избегая попадаться на глаза родителям, брату или сестре, приговорил в баре две порции виски с тоником и остался стоять в тени одного из деревьев у веранды. Отбрехался от парочки знакомых, назойливо лезших с вопросами о моей жизни, изящно послал лесом какого-то дальнего родственника, решившего постоять рядом, «ибо вечер хорош».

Я ждал и злился. Следовало бы обдумать план дальнейших действий, но определился: к чертям любые планы! Нелли сама поставила вопрос ребром, и сегодня намерен решить его окончательно.

Как там говорят? Тяжело ждать и догонять. Так вот, процесс вообще становится невыносимым, если при этом ты еще и чертовски взбешен.

И как только эта мысль сформировалась в моей голове, я получил первый удар на этом дерьмовом ринге-вечеринке.

Элеонора все-таки прибыла. И на миг вышибла из меня дыхание и разум...

У женщин это вечный фетиш — маленькое черное платье. Этакое тайное оружие, от которого немедленно надо их избавить, раздев. Особенно дрянь дело, если длина вот такая невинно-развратная — чуть выше колен, а Нелли выглядит в нем как хрупкая, неземная и грешная греза. Моя греза...

Засияв улыбкой, послав подальше все дурные предчувствия, я, наконец, отмер и решил покинуть свой медвежий темный угол. Пока приближался к жене, направлявшейся ко входу в ресторан и не заметившей меня, ласкал взглядом изгиб шеи, который сегодня не закрывали волосы, собранные в элегантную высокую прическу, изящные линии груди, талии, волнующие — бедер. Понятно, что поглощенный созерцанием, я пропустил второй удар.

О да! Не я один спешил к Элеоноре, подбирая по дороге слюни. Меня опередил какой-то козел, который до этого стоял на веранде, перетирая с кем-то. Плечистый мужик, темноволосый и лохматый, с намеренной легкой небритостью. Одет так, что хочется послать: голубые подвернутые джинсы, серый блейзер на белую майку-алкоголичку, мокасины на голые ноги — стиль «шик головного мозга». Мы вроде были одного возраста, но внезапно почувствовал себя отставшим от жизни старпёром в своей классической двойке и синей сорочке.

И когда рука этого мудака легла на талию моей жены, мгновенно его узнал — Всеволод, мать его, Горин! Хотя нет, это не его имя. Его — Всеволод-Не-Жилец-На-Этом-Свете! И завершающий штрих к картине ядерного взрыва моей ярости — этот сукин сын наклонился и поцеловал Нелли в щеку, а та мило и застенчиво улыбнулась ему. Не оттолкнула (как меня в тот раз!), не отвернулась (как со мной в тот раз!), не кивнула головой, мол, убирайся отсюда (как мне в тот раз!), а чуть зарделась от смущения или же удовольствия... Позволила...

И в ту секунду для меня весь остальной мир, вспыхнув адовым пламенем, рассыпался в

пепел. Осталась только одна точка, яркая, выпуклая, точно нарыв, — Нелли и этот смертник рядом с ней. Прикасающийся к ней так, будто имеет на это право. Ноги несли меня к ним, а голова... В голове звучало только одно: уничтожить, размазать эту сволочь так, чтобы и мокрого места не осталось! Сейчас же, немедленно!

Не имел понятия, как это случилось. Вот находился метрах в двадцати от них, а сердце колотилось набатом, кровь шумела в ушах, а через секунду — уже схватил за грудки этого козла, отшвырнул его от себя, заорав:

— Не смей к ней прикасаться, ублюдок!

Горин еле удержался на ногах, смотрел на меня с перекошенным от шока лицом. А я уничтожал его взглядом, дернулся было к нему, но почувствовал, как кто-то удерживает меня за плечо. Вроде бы собирался народ, слышались голоса, меня звали по имени, но мне было плевать на все. Четкая цель уничтожить эту мразь не позволяла распалить внимание на ненужные внешние раздражители, правила и нормы этикета, уважение к приличиям.

— Какого хрена ты творишь?! — возопил мудак.

Высвободившись из чьего-то довольно слабого захвата, подскочил к нему, замахнулся, но Горин вовремя убрался с траектории движения моего кулака, не удалось подпортить его небритую рожу. Паскуда!

— Я убью тебя!

— Ты идиот, Доронин! Ты кто ей вообще? Уже и не муж, так что...

Перебил его, выплюнув:

— Ты покойник, козлина! И я ей муж. Чтоб ты знал, мы уже месяц спим вместе!

Он скривился так, словно получил удар под дых, впился вопросительным взглядом куда-то за мою спину:

— Нелли?

— Это... — Послышался дрогнувший, слабый голос жены позади. Я прервал ее.

— О да! Она подтвердит. И ничего тебе не светит! Убирайся отсюда. Убирайся из ее жизни!

Горин гадко усмехнулся.

— Кретин, тебе тоже ничего не светит. И никуда я не собираюсь убираться, уберешься как раз ты. — Он демонстративно поправил свой паршивый блейзер, повел плечами расслабленно.

— Ах ты тварь!

Устремился к нему разжатой пружиной, но неожиданно кто-то сзади схватил меня, скрутил руки.

— Всё! Успокойся, брат! Прекрати. Хватит уже, ни к чему хорошему это не приведет.

Озлобленный, я оглянулся, уставился в напряженное лицо Данила.

— Ты думаешь, я это так оставлю? Пусти меня!

Набить морду этому Севе-куску-дерьма хотелось нестерпимо, бульон ярости, вскипевший до критической отметки, чувствовался очень остро, желчью оседая в горле, казалось, еще мгновение и я натурально воспламенюсь, но... Некстати стала возвращаться реальность. Не знаю, была ли тому причиной мертвая хватка Даньки и каменное выражение его лица, затаившийся страх (за меня!) в глазах, или, может, это бледные изумленные гости матери, обступившие наше живописное трио. Безмолвные, тарацились так, как будто стали свидетелями предосудительной пикантной сцены... Хотя ведь в каком-то роде так и есть. Нашел среди друзей и родни ошеломленную застывшую мать, отец приобнимал ее за плечо.

Оцепеневшая Алевина прижималась к Андрею, переводила взгляд с меня на Горина, а потом куда-то за мою спину, видимо, там стояла Нелли. Прикрывала рот кулачком, растерянная и тоже испуганная.

— Какой скандал, — ахнул кто-то из задних рядов зрителей, и будто зеленый зажегся: все вполголоса загалдели, зашевелились, отмерли, переваривая услышанное и увиденное.

Бля, чудесная серия апперкотов на этом долбанном ринге-вечеринке. Завершившаяся моим нокаутом.

— Успокоился? — спросил брат, чуть ослабляя хватку.

— Да, все под контролем, — процедил я, дернулся, освобождаясь.

Повернувшись, я взглянул в лицо Элеоноры. Расширившиеся глаза смотрели на меня так пристально, с такой болью и злостью, что на миг задушила паника. На скулах тлел гневный румянец. Поджав задрожавшие губы, Нелли резко развернулась и зашагала куда-то в сторону темных крытых площадок, находившихся напротив здания ресторана.

— Егор, как вообще это понимать? Что ты устроил?

Мама. Пробылась ко мне через спешивших рассосаться с места спарринга гостей. Крайне недовольная.

Подождет. Разберусь с ней позже. Принесу тысячу извинений за шок-юбилей. Сейчас главное — Нелли.

Оттолкнув вставшего на пути Данила, я устремился вслед за перешедшей на бег женой. Нагнал ее у автодрома, сейчас темного, запертого на все замки, сквозь деревянные переплеты решетки в полумраке были едва различимы разноцветные бока электрических машинок.

Резко развернувшись ко мне, Нелли выставила руки. Оценил выражение лица, блестящих слезами глаз — феерическая ярость.

— Ни слова, Доронин! — выпалила она. — Я не желаю ни видеть тебя, ни слышать!

В бешенстве стиснул челюсти, а в сердце будто впрыснули инъекцию жгучего перца.

— Ты не желаешь? Это после того, что ты тут вытворяла? — Подскочил к ней, тяжело дыша, практически притиснул к решетке.

Глаза жены округлились, полыхнули злостью:

— Ты очумел? Я вытворяла?

— Он лапал тебя! Поцеловал! А ты разрешала! И это на виду у всех.

Элеонора нарочито закатила глаза, рот скривился в язвительной усмешке.

— О боже! И это мне заявляет человек, расхаживающий с трусами любовницы в кармане.

Разжав кулаки, обхватил тонкие плечи, скрытые мягким кружевом, прижал эту невозможную женщину к решетке.

— Я уже задолбался повторять одно и то же! Как чертов попугай! Я. Не. Изменял. Тебе! — процедил, наклонившись к ее лицу.

— У меня другое мнение! — Ее взгляд заледенел. Она умолкла, будто в каком-то бессилии прикрыла глаза, прикусила задрожавшую нижнюю губу.

— Просто уйди. Уходи и не возвращайся... — Произнесла тихо.

— А хрена с два... — взвился было я, но остановился, глядя в болезненно исказившееся красивое лицо.

— Господи, как подумаю, что скажет твоя мать... Что скажут все эти люди... Будь ты проклят, Доронин! Напасть на Севу... Заявить такое... — Она, всхлипнув, закрыла лицо

руками.

У меня все помертвело внутри. Порывисто обняв, я крепко притиснул Нелли к себе, пробормотал в макушку и растерянно, и шутя:

— Поверь, все будут в восторге от праздника. Не на каждом юбилее, знаешь, драки начинаются, собственно, еще до культурной программы и возлияния.

— И ты еще можешь шутить в такой момент... — пробурчала она куда-то в мое плечо.

Я осторожно поглаживал ее затылок, спину, успокаивая и сам успокаиваясь. Накат гнева схлынул, но какое-то задорное раздражение не уходило. Мне хотелось уволочь Элеонору отсюда подальше, привязать где-нибудь к кровати и наказать, и утешить, и объяснить, и оставить ее совершенно неменяемой от страсти. Ко мне. И чтобы никто никогда нам не мешал: ни юбилей, ни остолопы-гости, ни тем более этот сволочной Сева!

Проклятое дерьмо! И зачем я его вспомнил? Тут же внутренности скрутила бешеная потребность стереть со своей женщины его прикосновения, доказать и ей, и всему миру, что она — моя...

Ну я не из тех, кто способен долго сопротивляться сильнейшему соблазну. Поэтому наклонился и осторожно, не торопясь, проверяя, пробуя, коснулся губами мягкой щеки, вдохнул тонкий манящий запах духов, поцеловал еще раз — ближе к приоткрывшимся губам.

Нелли не оттолкнула. Замерла, едва дыша, с готовностью встретила мой жадный рот, откликнулась, на краткий миг задрожав. Ее руки скользнули по груди, обняли за шею — почувствовал пальчики в своих волосах.

Толкнул ее ближе к решетке, чтобы нас совсем скрыла тень от любопытных глаз, и с энтузиазмом принялся с нуля создавать этот вечер. К чертям все, что было вначале, главное — сейчас мы целуемся нежно-нетерпеливо, вжимаясь друг в друга, теряясь друг в друге, ловим губами выдохи, тихие стоны.

Платье на ней красивое: тонкие мягкие кружева, ласкающий тело шелк... Но как же оно раздражает сейчас! Я целовал ее шею, едва справляясь с головокружением от умопомрачительного запаха и тепла ее кожи, от быстроты ее пульса, оглаживал бедра, все выше задирая подол, мечтая, как займемся любовью прямо здесь, и плевать на всё и всех...

— Гош... — Простонав, Нелли попыталась оттолкнуть мою руку, забирающуюся под подол. — Прекрати...

Прекратил. Ни в чем не могу отказать любимой. Теперь моя ладонь, огладив талию, живот, обхватила грудь, большой палец ласково подразнил упругую плоть. Я ощутил, как через тонкое белье (наверняка кружевное!) затвердел сосок.

Боже, как же сильно хочу ее...

— Егор...

Протест утонул в горячем поцелуе. Но этот прелестный ротик удалось занять ненадолго, увы. Через минуту Элеонора увернулась, отпрянула, попыталась оттолкнуть меня руками.

— Не надо!

С растрепанной прической и вишневыми припухшими губами, тяжело дышавшая, Элеонора Вишневецкая была чистейшим афродизиаксом. До осознания с трудом дошли это «Не надо», ситуация в целом, а также то, что весьма болезненное «хочу» придется отложить.

Хотя решетка-то удобная... Нелли могла бы опираться спиной на нее, пока я, стянув с нее трусики (интересно, что ждет меня под ее платьем сегодня?), придерживая под бедра, неспешно, наслаждаясь каждым миготом, входил бы в нее, поглощая поцелуем стоны...

— ... просто не следует, — закончила фразу жена, нахмурившись, глядела в мое лицо.

— Ты меня не слушаешь, — вздохнула она через секунду.

Ладонки упирались в мою грудь, по-прежнему пытаюсь оттолкнуть. Нехотя выпустил Вишенку из своих объятий, тут же почувствовав прохладу вечера и какую-то внутреннюю пустоту, рождавшую злость.

— Почему? Слушаю. Хочешь поговорить? Давай поговорим. Тем более, что разговор давно назрел.

— Да. Ты прав.

Я кивнул. Конечно, прав. Случаи, когда не прав, можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Первое, что ты должна знать, что я люблю тебя. С ума схожу по тебе...

— Боже, Егор... — Нелли устало закрыла лицо руками.

— Не перебивай, — я предупреждающе прищурился. — И даже не думай тыкать мне в лицо этим своим стандартным, мол, ты мне изменил, бла-бла-бла, все мужчины козлы и всегда разделяют секс и любовь. Я наслушался, любимая, этого бреда. Так что дай мне высказаться.

Потер лоб, собираясь. Как в несколько предложений уложить то, что осмысливал месяцами, если не годами? А иногда и не осмысливал, это просто всегда было в душе, как херово божественное знание.

— Я разделяю, Нелли, конечно, секс не равно любовь. Но ты — вне конкурса и вне всяких систем исчислений! Всегда так было, ты знаешь. С того дня, как увидел тебя. Ты — моя жизнь. Нет тебя, и я в аду. И быть с другой... — усмехнулся, вспомнив Дину, — даже физически невозможно. Про психологически вообще не заикаюсь.

Вишенка поморщилась. Ясно — не верит.

— Пусть так, но я своими глазами...

— Что ты видела своими глазами, Нелли? — Взбеленился, стиснул кулаки. — Жуткого цвета стринги? Так они могли попасть в мой карман любым путем!

— Было и еще кое-что, помимо белья! — выдала она.

— И что же?

— Сообщение от твоей... любовницы.

Бля. Очень и очень неожиданно. Хорошая улика. Можно ведь установить, кто меня подставил и превратил мою жизнь в треклятое адище.

— Какой интересный поворот. Неожиданно выясняющийся спустя месяцы после развода. И что же она писала? С какого номера? Ты сохранила его? — уцепился я.

— Я удалила. И не хочу пересказывать. Тошно просто. Скажу так: оснований не поверить своим глазам у меня не было.

Паршиво. Но я все равно докопаюсь, кто этот ублюдок. Или сучка?

— Глаза здесь ни при чем! Надо верить мужу!

— Знаешь что...

— Что?

Мы одновременно умолкли. Бесконечную минуту испепеляли друг друга непримиримыми пристальными взглядами. Элеонора вдруг успокоилась, горько усмехнулась.

— Давай оставим этот эпизод в прошлом. Какая теперь разница, что произошло в тот вечер, — тихо проговорила она, убирая с лица выпавшие из прически волосы. — Развод все

изменил...

Меня затопило облегчение, а после в голову ударил хмель радости. Оставить эту дичь в прошлом! Никогда к ней не возвращаться! То, что невероятно сильно хотелось в последние дни, даже во сне виделось, о чем среди бела дня мечталось. И что сам хотел Нелли предложить.

Шагнув к ней, снова обхватил талию. Вишенка уперлась руками в мою грудь, выгнулась, увеличивая расстояние между нашими лицами.

— Егор...

— Не отталкивай, не надо, — прошептал заполошно, шалея от того, что она снова близко, в моих руках. — Я тоже хочу этого. Хочу забыть о том, что случилось в апреле, обо всех этих проклятых месяцах. Давай начнем с нуля, с чистого листа, перечеркнем прошлое. Я не представляю жизни без тебя. И ведь ты тоже. Ты тоже нуждаешься во мне, любишь меня, я чувствую.

Нелли сникла. Освободившись из объятий, она шагнула к решетке, плечи опустились.

— Люблю, — выдохнула, обхватила себя руками, будто защищаясь, отгораживаясь. Взгляд больной, рассеянный, устремлен куда-то в темноту за моим плечом. — До сих пор. Не смотря ни на что. И, видимо, еще долго буду любить. Это такое мое проклятие: любить и грезить о том, что мне недоступно и что мне не принадлежит. Такой вечный источник боли и вдохновения.

Охрененное признание. Словно смертная казнь. Или чьи-то похороны. Я сглотнул, ощутив холодок, пробежавший по позвоночнику.

— Нелли, что за ....

— Нет, теперь ты меня выслушай. — Жена выставила вперед ладонь, заставляя меня замолчать. — Я верю тебе. Верю, что по-своему ты любишь меня, дорожишь и ценишь. Но ты всегда ведь был практичным, разумным. Настоящий мужчина. Так загляни вглубь себя, оцени чувства правильно. На что они похожи, Гош? Только честно ответь.

— На любовь и похожи.

— Боже, ты каждую пятницу таскался ко мне. И теперь сотня человек об этом знает, включая и твою семью. Почему? Только из-за любви?

— Я таскался, потому что ты мне нужна!

— В этом деле сойдет любая женщина. Все дело в привычке. Я приучилась и привыкла любить тебя. Оторвать от сердца это — смерти подобно. А ты привык любить меня. Это как наркомания, как алкоголизм, понимаешь? Вредное пристрастие. Оно убивает человека, но тот не в силах отказаться, эмоции слишком сильные, физиология уже выстроена вокруг этой привычки. Убери ее — и все рушится, наступает похмелье, ломка, жизнь трещит по швам.

Я хватал ртом воздух, глаза лезли на лоб, слова тихо сдохли от шока. Что за ахиною она несет? Наша любовь как вредная привычка? Она вообще в себе?

— Нам обоим надо признаться перед друг другом и самим себе: на самом деле ничего нет. Мы всегда были разные, не подходили и не подходим друг другу. Нас соединила страсть, но вот беда — она быстро остывает. И остыла. Осталась привычка. От вредных привычек надо избавляться, Егор.

— Что?

Кажется, меня уже трясло. Или, может, на улице резко похолодало. Где-нибудь до отметок, привычных для Северного полюса. Сердце заныло, а потом заколотилось, разгоняя ставшую колкой кровь.

— Это точка. Конец. Давай разойдемся и вернем себе разум и контроль над жизнью. Так будет лучше.

Ее глаза... Никогда не видел такого выражения в них. Глубокие и пустые. Несчастные и абсолютно безжалостные. И сухие. Она долго готовилась, чтобы осыпать меня вот этими самыми словами, как пощечинами.

— Нелли! Ты что несешь? — Мой голос не громче шепота.

Глухой удар. Еще удар. Еще. Ощущение, что я валяюсь разбитым на канвасе, а гребаный боженька в небесах как долбанутый рефери ведет отчет секунд. Одна, вторая, третья...

— Ты слышал меня. Это конец. Прими это. И отпусти уже и меня, и самого себя. Пожалуйста. — Показалось, что у нее на миг перехватило горло. Но Нелли быстро совладала с собой. — Ты же видишь, что мы превращаем жизнь друг друга в муку. Счастье возможно, если нас больше ничто не будет связывать.

Я упрямо покачал головой. Мог сопротивляться, материться, но мир уже плыл, деформировался и выцветал.

Шагнув ко мне, примороженному к месту, Элеонора Вишневецкая запечатлела на щеке быстрый поцелуй, провела по лбу, убирая пряди волос. Едва чувствовал ее прикосновения, словно умер.

— Прощай, Егор, — прошептала она и ушла. Оставила меня одного.

...Семь, восемь, девять, десять. Нокдаун.

Сколько я там проторчал, опираясь на решетку, согнувшись, пытаюсь не то отдышаться, не то обрести опору под ногами, но то охватить разумом все то, что только что случилось? Фразы, действия, эмоции кружили в голове оголтелыми чайками, орущими так, что звенело в ушах. Они никак не укладывались в какой-то порядок и не желали усваиваться.

Эта гребная реальность — не моя реальность. Я не желаю быть там, где любимая женщина называет вашу любовь вредной привычкой и как заправский нарколог советует полную чистку организма и долгий курс реабилитации.

В какой-то миг свято уверовал: я мертв. Я умер, это печально, но как же хорошо это будет для всех: для Нелли (которая просила отпустить ее), для родителей (ах, сын — сплошное разочарования, ни внуков от него, ни помощи в семейном бизнесе), для друзей (Доронин, это всего лишь развод, прекрати париться) да и для меня самого.

Эта мысль встряхнула. Я выпрямился, поправил одежду, пригладил волосы. Оглянулся — все тихо и мертво, и только где-то справа, в глубине рощицы, сияет огнями ресторан, оттуда доносится бодрый голос диджея.

Праздник начался, шоу маст го он и все такое. Присоединиться к веселью не намерен. У мертвецов свое веселье.

Минут через пять уже был в зале. Кивая, как болванчик, знакомым, сияя улыбкой, стянул с одного из столов две бутылки, сопровождаемый округлившимися от изумления глазами, и отправился восвояси.

Все рухнуло, но мне нет никакого дела, я ведь мертв. За это непременно стоит выпить!

А дальше завертелось каруселью, и временами центробежная сила была так велика, что сознание отключалось и наступала милосердная тьма. Кажется, я добрался до центра на такси, где-то еще пил, куражился, как будто кому-то все-таки набил морду (судя по сбитым костяшкам, которые после обнаружил), просыпался с раскалывающейся головой у Пашки, приходил в себя, стоя под ледяным душем, потом куда-то шел, что-то снова пил, на кого-то самозабвенно орал.

Я находил себя то в такси, то на какой-то загородной дороге, то возле дома Нелли, то страдающего похмельем в квартире Пашки, то в дорогих барах, то в каких-то вонючих забегаловках. На сотовый постоянно звонили и писали, заставляя меня материться и вскипать, и в итоге я где-то успешно потерял его.

Сколько дней прошло? А может, часов? Легче не становилось ни капли. Но я же мертв. Поскольку такое состояние перманентно, то ждать облегчения абсурдно.

В какой-то момент в промежутке между ощущениями «будь проклято похмелье» и «в забытии после выпитого» до меня дозвонилась Марго. Вызов был неожиданным еще и потому, что мобильный внезапно нашелся: вибрация ужалила зад, значит, телефон хитро прятался в заднем кармане.

— Эээ... Хм. Марго, чего надо? — ответил и поморщился. Горло саднило, а голос точно у каркающей вороны. Поздравляю, Доронин, ты в клубе «Золотые сорок», куда принимают алкашей со стажем.

— Шеф? Слава богу! Ты ответил! Мы тут все на нервах из-за тебя!

— Да лесом бы лучше послали, — усмехнулся. — Прости, Зверунова, забыл и тебя, и нашего генерального уведомить, что послал всех нахер и увольняюсь.

— О боже... — выдохнула в трубку секретарша. Впрочем, от удивления она быстро оправилась и заговорила тем самым жестким, не терпящим возражения тоном, за который, собственно, и нанял ее в свое время.

— Ты охренел в конец, Егор Валерьевич? Увольняется он! Ты вообще в курсе, какой сегодня день? Сегодня, твою мать, суббота! Четырнадцать сорок восемь. Тебя не было на работе два дня. И все это время я прикрывала твою задницу! И если ты уволишься, то, гад такой, подставишь меня! Поэтому не смей!

— Не хаами, Марго, — я потер пульсирующий лоб и виски, невольно осмотрелся.

Достопамятный диско-бар. Днем он выглядел совсем иначе, превращаясь в обычное кафе с претензией на ностальгические семидесятые-восемидесятые. Музыка звучала тише, поверхности блестели глуше, посетители вели себя прилично и скучно, забегая на чай, чашку кофе и сэндвичи, а танцпол был погружен в унылую темноту.

— Что вообще стряслось? Тебя, кстати, искали еще и родители. Оборвали все провода, бедняги в панике.

— Все прекрасно, — я опрокинул в себя стопку, взялся за сэндвич. — Родители, говоришь, искали?

— Да. А еще сестра. Она даже заходила ко мне. И сказала, что вы с женой окончательно порвали. — Маргарита аккуратно расставляла слова, тщательно подбирала их. Невольно насторожился. Что за интриги плетутся? — И после ее рассказа мне стала понятна причина твоих прогулов. Я прикрывала тебя потому, что собиралась все исправить.

— Ты меня запутала, — я бросил сэндвич на тарелку. Во-первых, он был каким-то мерзким на вкус, во-вторых, понятия не имел, за каким чертом его заказал, есть совсем не хотелось. — Выкладывай все по порядку.

— Ты вообще где сейчас? — спросила по-деловому Марго.

— А тебе какая разница? — ошетинился я.

— Информация за информацию, — отрубил нахалка.

— В диско-баре на Пушкина, — выплюнул зло. — Довольна? Выкладывай теперь.

— Всего квартал до работы, заглянешь, может? — хохотнула собеседница.

— Не планировал. Что там? Я жду.

— Какое-то время назад я думала, что у вас с Нелли все налаживается, ты был каким-то успокоившимся, счастливым. У меня были кое-какие сведения, касающиеся причины вашего развода. И я решила оставить их при себе, раз все нормально и вы сумели разобраться сами. Но в четверг утром, когда ты не явился и твоя испуганная мать позвонила, поняла: все плохо, хранить такие вещи в секрете больше нельзя.

— И что за сведения? Что за туман ты тут напустила?

Злясь, я взъерошил встрепанные волосы, расстегнул две верхних пуговицы рубашки, обнаружил, что она отвратительно грязная, и скривился.

— Эти сведения тебе передадут. Просто оставайся на месте, ладно?

— Черт, Марго, — зашипел я. — Мы что, в шпионском триллере, по-твоему? Скажи по телефону!

— Оставайся на месте и жди. И все сам узнаешь.

Я ухмыльнулся:

— Знаешь, мне похрен! Развод был верным решением, а эти чертовы пятницы — ошибкой. Что случилось, то случилось, и это не в силах изменить никакие твои джеймсбондовские игры. Пока!

Сбросив вызов, я выключил телефон, откинулся на спинку диванчика, удовлетворенный. Выдохнул.

Надо еще выпить.

Минут через пять пара доз спиртного выдула этот разговор из моей головы, я снова медитировал, погружаясь в свое обычное состояние смертельной апатии и небытия, выключался из реальности.

Мне не было ни хорошо, ни плохо. Мне было никак — и это то, ради чего пришел сюда и заплатил за бутылку. Поставив локти на стол, я спрятал лицо в ладонях и как будто задремал. Дернулся, когда кто-то чувствительно толкнул меня в плечо.

— Егор? Егор, слышишь меня?

Осколки реальности задребезжали звуками знакомого голоса и вдруг сложились в целостную картину: темная полировка столика, усыпанного крошками от сэндвича, засыхающего на тарелке, залитый ярким светом дискобар, и кто-то сидящий на диванчике рядом. Кто-то, кто пользуется тонкими и изысканными духами и говорит, как ангел.

Вскинув голову, я увидел устроившуюся напротив меня Элеонору.

Глава 8. У моря женского коварства

— Вот так сюрприз, — просипел я, криво ухмыльнувшись. — Желаеть присоединиться? — кивнул на бутылку.

Нелли, нервно покосившись на спиртное, прикусила губу, заправила за ухо мешающийся локон, резко качнула головой в отрицании. Посмотрела на меня с болью и укором так, что, будь у меня совесть, она тут же подвесила бы меня за яйца. Но совести у меня нет — экзекуция отменяется.

Я оглядывал простую одежду экс-супруги (серую толстовку, голубые джинсы), чуть неряшливую прическу, лицо без макияжа, бледное и осунувшееся, и ждал, когда же ненависть рухнет на меня многотонной плитой и погребет под собой основательно или же спалит огонь бешенства, или, на худой конец, обида скрутит сердце. Но нет. Ничего не чувствовал.

Думал ли, что когда-нибудь взгляну на Вишенку и внутри ничего не отзовется? Абсолютно точно — нет.

Эта женщина буквально убила меня своими поступками и словами, и я теперь свободен и восхитительно мертв. По идее, Элеоноре Вишневецкой светит уголовная статья, но затрахаюсь ведь доказывать, насколько она хладнокровная убийца.

— Ну раз нет, дверь там, — равнодушно отвернулся от нее и потянулся к бутылке. Ее внезапно перехватила рука Нелли.

— Ты должен остановиться, — сказала, нет, приказала Вишневецкая.

Я оторопел. Едва успел поймать решительный и холодный взгляд глубоких зеленых глаз, как она встала и направилась к бару. Бутылка направилась вместе с ней...

Проклятье на мою голову! Каким ветром жену вообще сюда принесло? Все складывалось идеально, пока... Пока не позвонила Марго. Что она там сказала? «Тебе передадут сведения, оставайся на месте». Неужели ушлая секретарша и Вишневецкая вступили в сговор? Это трижды хреново.

Нелли вернулась с чашкой кофе, над которой поднимались струйки пара. Осторожно поставила ее передо мной, даже придвинула поближе.

— Пей. Как только чуть придешь в себя, мы поговорим.

Я рассмеялся.

— Дорогая, а нам есть о чем беседовать? Не побожусь, но темы для разговоров давно иссякли. Так что верни мою бутылку и убирайся.

Губы Элеоноры задрожали и на миг мне показалось, что она вот-вот расплчется. Вздохнув, она прикрыла глаза, а через секунду с мукой хрипло выдавила:

— Это сделала Надя Проклова. Это она написала мне, сообщила, в каком кармане искать...

До меня не сразу дошло. Но когда дошло, брови в изумлении взлетели на лоб, а сердце дернулось и стукнулось о ребра, заставляя почувствовать, что все-таки не мертв, какие-то эмоции пока остались.

Глухо выматерившись, я откинулся на спинку диванчика и уставился на Нелли.

— И? Как ты это узнала? Для чего она вообще это сделала? Выгоды никакой она не получила.

Жена упрямо покачала головой и твердо произнесла:

— Пей кофе, приходи в себя, и только тогда мы поговорим.

Я нахмурился. Ультиматум мне ни с какой из сторон не нравился, но, бля, если я стал жертвой женских интриг, то верх тупости продолжать спиваться из-за этого. Не лучше ли протрезветь, прийти в согласие с самим собой и своей дерьмовой жизнью и покарать всех, кто сломал ее? Ну на ближайшие недели определенно лучше.

Пока цедил обжигающий кофе, мы молчали и не смотрели друг на друга. Я вдруг разозлился и на себя, и на бывшую, и на Марго: последнее дело — предстать перед Вишневецкой вот таким опустившимся, бомжеватым и психованным. Проклятое дерьмо, как же гадостно чувство унижения. Я должен цвести и пахнуть, источая довольство жизнью и полный пофигизм, Элеоноре и всем недоброжелателям назло.

Дальнейшее тоже не способствовало возвращению собственного достоинства. Когда кофе был допит, Нелли встала:

— Поедем к тебе. — И это тоже не прозвучало как предложение, скорее, как четкая инструкция. — Там и поговорим.

Я скривился. Разумно, конечно, общаться не здесь, но... Понятия не имел, в каком состоянии оставил квартиру Пашки, возможно, Авгиевы конюшни нервно курят в сторонке. И потом, после кофе голова загудела сильнее, буду ли способен стоять на ногах? Опытным путем проверять это не хотелось.

— Хорошо, — буркнул, поднимаясь.

Долгую минуту мир качался и вертелся, но потом нашел все-таки устойчивое положение, закрепился в нем. Вишневецкая придержала было меня за плечо, но оттолкнул ее руку. Не хватало только показаться пьяным слабаком при ней. Не нужны мне ни ее помощь, ни сочувствие!

Да и как только она расскажет про эту профурсетку и ее выходку, мы тут же распрощаемся. Навсегда в этот раз. С меня достаточно женщин на ближайшее десятилетие! Включая и собственную мать, и сестру.

На улице Нелли указала на такси, ждущее на парковке справа от здания, и взяла все-таки за руку, направляя к машине. В салоне у меня даже получилось назвать Пашкин адрес незаплетающимся языком, хотя в целом мне было паршиво. Но я держался. Я гребанный герой, да.

Когда приехали, едва успел потянуться к бумажнику, как Вишневецкая подала купюру водителю, поблагодарила с улыбкой, пожелала хорошего дня и, открыв дверь, вышла наружу, вытягивая меня за собой.

Ну ладно. Джентльмен не в кондиции, дама платит. Проглотим пока и это.

В подъезде бывшая уверенно нажала кнопку этажа. Я, прислонившись к стене кабины, взирал на нее круглыми глазами.

— Итак, ты знаешь, где я живу. Записывать тебя в сталкерши?

Элеонора покачала головой, сохраняя серьезность.

— Воздержись от этого.

Дальше, как говорится, больше. Нелли отказалась разговаривать в прихожей, выгнала меня в душ, а сама принялась хозяйничать на несколько запущенной кухне. Скрипя зубами, мысленно генерируя проклятия, я вынужден был послушаться.

Контрастный душ, чистые домашние брюки и футболка да и здоровое бешенство прояснили голову. Почувствовал себя лучше, даже вполне человеком, а не дерьмом под собственным ботинком. На кухне Вишневецкая навела порядок, поставила завариваться чай,

а передо мной возник стакан с какой-то бурдой.

— Спасибо, мамочка, но пить я это не стану, — перекосило меня.

— Доронин, убери свой яд и включи мозги, — с каким-то усталым недовольством проговорила Элеонора. — Это абсорбент, и ближайшие сутки тебе придется провести на нем, иначе будет еще хуже.

— Ясно. Ты не отстанешь. Ну хор-р-рошо, — смирился я.

Для разговора мы перебрались в гостиную. Надо сказать, что выглядела она весьма прилично. Усаживаясь в угол дивана, злобно покосился на Вишневецкую: не ее ли рук дело практически идеальный порядок в комнате? Ее, скорее всего.

Нелли устроилась в другом углу дивана, сжавшись, ссутулившись, заметно волнуясь. Не смотрела на меня.

— Знаешь, твоя семья, кажется, теперь ненавидит меня, — усмехнулась нервно, комкая в пальцах край толстовки и тут же разглаживая его, наблюдая за своими действиями. — С Алей поссорилась в тот вечер... Ох, как она орала на меня, — снова смешок, — но заслуженно. Так что я не в обиде. А твоя мать... Она тоже много чего наговорила, а потом отправила меня в отпуск. Да, представь, в отпуск послала. Сказала: Нелли, тебе надо пересмотреть свою жизнь и себя саму, так что отдохни. Я думаю, она просто хотела убрать меня подальше со своих глаз. От тебя тогда сутки ничего не было слышно, она с ума сходила. Уверена, ей хотелось прибить меня. Тем более что тогда я не признавала своей вины...

Я внимательно смотрел на жену — блестящие глаза, порозовевшие щеки, горькая улыбка. Похоже, мое исчезновение с горизонта родни каким-то образом спровоцировало целую лавину. Старые альянсы рушились, связи рвались. Чудные дела! И с одной стороны удовлетворение от этого хаоса, а с другой — толку от этих ссор никакого. Нужен этакий слащавый хэппи энд, где все рыдают, обнимая друг друга, и признают, что были идиотами.

В этом хэппи энде места мне точно не найдется, идиотом мне себя признать не суждено, ибо куда же больше. Стоило, наверное, себе самому посочувствовать, но в голову с треском начала ломиться боль, раздражение улетучивалось и захотелось просто сдохнуть, распластавшись на полу. В одиночестве. Так что поторопил Вишневецкую.

— Это все бесконечно грустно, я удручен и все такое, но давай ближе к делу, — съязвил сухо.

Нелли вздохнула, на миг прикрыла ладонью глаза. Пальцы подрагивали.

— Да, конечно.

Напряженное молчание.

— Мне... крайне трудно говорить об этом и... не молить о прощении, — ее голос сорвался, а глаза наполнились слезами.

Я в ожидании замер, а Нелли, когда справилась с собой, продолжила дрожащим голосом.

— Вчера я встречалась с Маргаритой, твоим секретарем. Она сама позвонила мне, попросила о встрече... Эта история, что она мне рассказала... В общем, она началась еще зимой. Эта девушка, Надя Проклова, всерьез полагала, что у нее получится... привлечь твоё внимание. Но вызывала у тебя только раздражение. К ее великому сожалению и досаде. Поэтому решила так отомстить. Подстроила какую-то поломку машины, а потом воспользовалась тем, что ты отвлекся. Засунула в карман твоей куртки... То, что я нашла потом. А мой номер телефона ей помогла достать подруга... Все это где-то недели две назад узнала Маргарита. Она случайно подслушала разговор в дамской комнате...

Ссутулившись, сжавшись почти в комочек, Вишневецкая закрыла лицо руками.

— Ты был совершенно прав. Во всем прав! Я должна была верить тебе, а не какой-то злой анонимной эсэмэске. Должна была отбросить прочь всю неуверенность, ложные представления, сомнения. Но не сделала этого. И теперь расплачиваюсь.

Я уложил трещавшую голову на спинку дивана, наблюдая, как подрагивают плечи жены, слыша ее приглушенные рыдания. Переваривал услышанное.

Если отбросить всякие там «слезами горю не поможешь» да «все мы задним умом крепки», то Прокловой определено конец. Ради того, чтобы с треском ее вышвырнуть из компании, я протрезвею, воскресну и вернусь на работу. Что касается Нелли... Видеть ее любой тяжело: и жестокой, и сломленной, и любимой женой. Не хочу ее видеть... И не в обиде дело. Или как раз в обиде?

Внутри вызревала тошнотворная пустота, усталость и тотальное равнодушие, я сглатывал горечь и подумывал, что сейчас самое время послать все нахрен и наконец отпустить себя, сделать что-то... например, разгромить квартиру, а потом лечь спать. Или рассмеяться прямо в лицо посыпающей голову пеплом Элеоноре Романовне и заявить, что она виновна в двойном убийстве: и своего, и моего счастья.

Но мой пофигизм, похоже, окончательно завалил волю. Молча я оторвал больную голову от спинки дивана, медленно поднялся и отправился в спальню.

— Егор, — окликнула меня слабым голосом Нелли. — Ты так ничего и не скажешь?

— Скажу. Спокойной ночи. Дверь захлопни за собой, будь любезна.

Язык еле ворочался. И я даже не обернулся.

Следующие сутки мне было паршиво. Мягко выражаясь. Организм извращенно мстил за попустительство и требовал немедленно дать священную клятву про «больше ни капли». Спорить с ним не стал. Как только разгребусь и оклемаюсь, необходимость топить печали в компании бутылок исчезнет. В конце концов, свою жизнь можно просрать и по-другому, не похохатывая над каламбуром про посадить дерево и печень.

А Вишневецкая не ушла. Никогда не замечал прежде, насколько эта женщина может быть твердой, жесткой... Просто гребаная доминатрикс. Ей бы кожаные корсетик, трусики и плеточку — и образ был бы завершен. Повернись, переоденься, сядь, поешь, сходи в душ, выпей это, прими то, возьми себя в руки и больше никогда не смей пропадать и даже думать забудь об алкоголе... Не ошибусь, если скажу: торопился встать на ноги еще и потому, чтобы уже с полным правом вытолкать ее из квартиры Пашки.

Она терпеливо поила меня бульоном и минералкой, поддерживала, когда вставал, чтобы добрести до туалета, заботливо подтыкала плед, убиралась и стирала. Можно было бы восхищаться таким милосердием к поверженному, но хотелось, чтобы Элеонора Вишневецкая просто исчезла. Ведь нельзя же долго забивать гвозди в гроб отношений, а потом, узнав, что они, оказывается, живы-здоровы, рвануть вверх крышку и орать: «Вставай! Я тебя люблю!»

Поздно. Все уже скончалось в муках от асфиксии.

В шесть утра в понедельник я проснулся свежим как огурчик. На десять минут раньше будильника. Чувствовал себя бодрым и... живым, что самое главное. Сегодня предстоит великий день!

Натянув домашние брюки, первым делом проверил, тут ли еще Нелли. Оказалось, тут. Спала на диване в гостиной. Темные волосы разметались по жесткой диванной подушке, одна из ладоней так по-детски трогательно подложена под щеку, но Элеонора хмурилась во

сне, что говорило: снится ей что-то совсем не детски-радужное. Возможно, я.

Внимательно рассматривал жену, цепко и пристально. Что же я нашел в ней?.. И что теперь делать с женщиной, разодравшей в клочья наши с ней жизни из-за какой-то дрянной шлюшки?

Тьфу! Ненавижу философские вопросы. Я нашел в ней ее. Всю. И закончилось все тем, чем закончилось. Если что-то не нравится, давай вперед — засуди бытие.

Внезапно и непрошено вспомнилась наша первая с ней ночь... Ее робкие, осторожные ласки, волнение и любовь в огромных глазах, смотревших на меня так, что хотелось сорвать с неба все звезды и положить к ее ногам, фееричная и долгая прелюдия, закончившаяся сексом, окончательно доказавшим мне: мы созданы друг для друга, мне не нужно ничего и никого другого...

Стиснув челюсти, я зажмурился, а потом отвернулся, вышел из комнаты.

Пусть она спит. Я тихо соберусь и уйду.

В ванной после душа с ухмылкой рассмотрел свое заросшее лицо, сбледнувшее не слегка, взялся за бритву. Потребность пофилософствовать не отставала, прицепившись к заднице как репей. Мысленно охватил три последних года своей жизни... Что ж, иронично, захватывающе, страшно, интригующе, запутано. Бля, да по моей биографии можно трагикомедию снимать! В духе Вуди Аллена. «У моря женского коварства» — хорошее было бы название. Замешаны все особы женского пола: мать, жена, сестра, собственная секретарша и эта сучка Надя Проклова, которой сегодня плотно займусь.

То ли долго возился, занятый размышлениями, то ли наделал слишком много шума, но Вишневецкая проснулась и, одетая в майку и хлопковые домашние клетчатые шорты готовила завтрак.

— Доброе утро, — кивнула она, оценив мой внешний вид: причесанные волосы, гладко выбритые щеки, светло-серую рубашку, черные брюки, темно-серый галстук в полоску, мимолетно улыбнулась. — Выглядишь замечательно, я рада.

Сама она, растрепанная, выглядела уставшей и словно потухшей.

— Спасибо, — мрачно произнес я и, косясь на жену, сел за стол. Передо мной возникли чашка с кофе и тост на тарелке.

Я поморщился. Как бы ни хотелось этого признавать, но Нелли в эти дни сделала многое, чтобы поставить меня на ноги, отвесить психологических оплеух в нужных пропорциях и тем вернуть мозги на место... Поэтому стоит быть благодарным, а не дуться как мальчишка.

Обхватив ее запястье, я заставил Нелли остановиться рядом. Заглянул в красивые глаза с тенями под ними и произнес с признательностью:

— Спасибо тебе за все. Я сейчас о помощи в эти дни...

— Я поняла. — Тень улыбки, тяжелый вздох, пристальный задумчивый взгляд.

Наши пальцы на миг переплелись, а потом я опомнился и, убрав руку, схватился за чашку.

Какого хера сейчас было? Вовсе не требовалось, благодаря, брать Элеонору за руку, испытывать желание усадить на свои колени, спрятать в своих объятиях, как привык это делать... Точно! Все дело в привычке. Этакое пагубное пристрастие, которое пройдет при проявлении должной силы воли, бывшая совершенно права.

Вишневецкая, кажется, поняла, какие мысли меня обуревают и откуда вдруг эта внезапная злость.

— Я не нужна здесь больше, пойду собирать вещи, минут через пятнадцать уже уйду, — произнесла она, стоя где-то за моей спиной. — Но перед этим должна сказать кое-что. Только не сердись. Выслушай.

Молча кивнул, невидящим взглядом уставившись в черный глянец кофе в чашке.

— Я сожалею. Нет, я не о последних неделях. А о том апрельском вечере, хотя в меньшей степени. А больше всего — о том, что наговорила на дне рождения твоей матери. И я должна объяснить, почему это сказала. Просто после первой же пятницы поняла: я люблю тебя и это неотвратно и необратимо, но измены будут ранить и уничтожать меня. Пришлось выбрать и решиться. И я выбрала и решилась. Сказала то, что наверняка бы растоптало твои чувства и оскорбило бы. Что ж, у меня получилось... На самом же деле я так не думаю. От привычки в моих чувствах и эмоциях нет ничего, Гош, как бы ни старалась убедить себя в этом. Это очень живые и буквально ничем не убиваемые чувства и эмоции.

Послышался горький смешок.

— Я виновата. И ты знаешь, как сильно раскаиваюсь... Боже, мне так жаль! Прости меня, пожалуйста! — В ее голосе дрожали слезы. — И нет, не говори, что поезд ушел и все такое. Я и сама понимаю — поздно. Поздно я спохватилась и вернулась. В итоге потеряла все. Меня здесь ничего не держит больше, поэтому обдумываю вариант уволиться после отпуска и уехать. Так будет лучше, да... Если что, через Маргариту передам тебе ключи от квартиры. Ты сможешь вернуться и начать все сначала.

Через минуту-другую молчания (а что, собственно, говорить, если все и так ясно и говорено-переговорено?) послышались легкие шаги — Элеонора ушла, видимо, в гостиную. Я не оборачивался, усердно тер лоб, давил раздражение, неприятие. Пытался мыслить рационально.

Конечно, будет лучше, если она уедет, встречаться и случайно, и не случайно мы тогда точно перестанем. Оба начнем с нуля... И так и покатаемся по жизни нулями. Тоже профит, кстати, незачем скептически кривиться. Много лучше, чем стать эмоциональными банкротами.

Ну не судьба, что тут скажешь? Не везет в любви, начни, мать твою, карьеру!

Вздыхнув, я принялся за кофе, потом включил телефон, чтобы проверить звонки, сообщения и почту, в том числе рабочую. Вздрыгнул, когда услышал, как тихо захлопнулась входная дверь.

Она ушла. Не попрощалась. Не пожелала счастья и удачи. Вот ведь поганка... Опять за нас двоих решила, как будет лучше.

Впрочем, мне нет никакого дела. Правильнее не сосредотачиваться на этом, а сходить за пиджаком, курткой и спуститься на парковку.

***

Хотелось цвести и пахнуть? А получилось только цветисто материться и утирать пот со лба. Пока я прогуливал жизнь и откладывал важные дела последние две недели, накопилось столько работы, что она меня засосала как тряпина.

Хотя, вкалывая как раб на галерах, успел многое. Во-первых, Надя Проклова. Тут жирный мне плюс. Эта профурсетка достала всех до печенок, так что ее нынешнего любовника быстро заткнули, а даму уволили. Я лично позвонил знакомому эйчару, зная, что он разнесет вести многим и многим, и в красках расписал, что это за сотрудница. Так что ближайшие лет цать хорошо оплачиваемых должностей этой мрази в нашем городе не

светит.

Далее я уговорил генерального на расширение. Он уже год колебался, устраивал междусобойчики-летучки, где нудно рассуждал надо или не надо. В общем, уломав его, добился карт-бланш на новую маркетинговую политику и теперь следовало утрясать и координировать сразу столько вещей, что пухла голова.

Марго получила солидную прибавку и премию (стоило бы видеть ее лицо, когда объявлял об этом, кажется, она ждала, что уволю ее), с матерью и сестрой я полностью и окончательно помирился (правда у Евгении Александровны пришлось едва ли не неделю вымаливать прощение за то, что устроил на юбилее да к тому же еще и свалил с него, а потом и вовсе пропал), отец и Данька осуществили свою давнюю мечту и таки вывезли меня на рыбалку на сутки...

И все потрудились взять с меня клятву, что перестану «чудить».

В общем, все шло отлично...

Шло отлично первые полторы недели. А потом что-то будто сломалось.

Это как мелкий паршивый и острый камешек, попавший тебе в ботинок. Ты разуваяешься, трясешь обувь, трясешь, но паскуда и не думает выскакивать и продолжает причинять дискомфорт при ходьбе.

Все было неправильно. В полном беспорядке. Херня в чистейшем и незамутненном виде, как ни убеждай себя в обратном. Просыпался среди ночи с каким-то пустым и одновременно тяжелым сердцем, долго смотрел в стену или потолок, а потом шел и ложился на диван в гостиной, где в те ночи спала она. Прижимался к жесткой диванной подушке, слабо пахнувшей знакомыми цветочными духами. Не думал ни о чем, но успокаивался и отрубался.

Время лечит, неделю назад думал я... Ага, конечно. Лечит как плацебо! Исключительно самовнушением.

В некоторые вечера катался по городу, останавливаясь то тут, то там. Бывало, у галереи (точно зная, что ее там нет), бывало, на парковке у аллеи возле нашего дома. Мысли и воспоминания даже не осмеливались взметнуться — я им запрещал. Поэтому просто сидел, уставившись на освещенную фонарями улицу, наслаждаясь. Чем? Иллюзией, что все okay.

В пятницу вечером вообще психанул. Я тогда остановился возле нового автосалона, открывшегося на Минской. За огромными сияющими витринами блестели боками два новых Porsche Cayenne, и сошки поскромнее рядом: Lexus, Mazda, Ford. У правой стены красовались двухколесные звери.

Да к черту все! Что-то я совсем одеревенел. Пора устроить себе настоящую встряску и разрешить хоть что-то почувствовать, кроме того, что в полной жопе! Скорость, например.

— Новый, только вчера получили. Ducati Panigale. Очень прост в управлении, не требует больших физических усилий, навыки вождения нужны минимальные. Короче, даже ребенок справится. У модели неординарная эффективность торможения, легко входит в виражи... — вещал с восторгом прилизанный сотрудник автосалона в выпендрожном деловом костюмчике и ярко-голубом галстуке.

И без него знал, что мотоцикл что надо. Спокойная, но скоростная лошадка как раз для такого наездника, как я, больше десяти лет не садившегося на железных коней и немного подзабывшего, как же это классно — нестись с адреналиновой скоростью, оставшись один на один с ветром и дорогой.

Уже через десять минут, получив шлем, отправился на полагающийся тест-драйв.

Поездка вышла отличной. От совсем уж экстрима правда пришлось отказаться, хотя большую часть времени, как только оказался за городом, меньше двух сотен не выжимал. Сердце неслось вскачь, и, казалось, вот-вот снова почувствую вкус жизни на губах.

Но что-то не задалось. Не почувствовал. Так и знал, что надо было триста выжать, не осторожничать.

В город вернулся уже после часа ночи. Покатался по постепенно пустевшим улицам, затормозил у прудов, снял шлем и направился к воде.

В это время здесь было тихо. Район новый, на окраине, популярностью пользовался летом, а в осенние ночи здесь было пусто, лишь качались накрытые лодки у пункта проката, ожидая утра субботы и наплыва отдыхающих, лился яркий белый свет из современных фонарей на облагороженной плиткой набережной да едва слышно плескалась вода, пахнувшая тиной и металлической свежестью.

Я неторопливо пошел к мостику справа, остановился на его середине, вглядываясь в темную, непроницаемую глубину.

Спокойствие и молчание. Растворение. Все хорошо, просто отлично, но... Ощущения, что порядок из этой чертовой вселенной исчез и все неправильно, не то, чем кажется, не желали испаряться прочь из моей головы и нутра. Наоборот, они даже вгрызлись покрепче своими челюстями, как у пираний, заставив тихо выругаться и, поставив на перила локти, спрятать лицо в ладонях.

Гребаный боженька! Как такое может быть? Чтобы и сожалеть и не сожалеть одновременно, чтобы тосковать, проклинать самозабвенно, яростно любить и ненавидеть, чтобы стоять на месте, тогда как больше всего хочется нестись к ней на всех парах, чтобы обижаться на нее, удивляться своей обиде, желать отомстить, наказать, и тут же прощать, чтобы негодовать и полностью понимать, чтобы отпускать и держаться при этом так крепко, что скоро руки отсохнут? Что это вообще за чехарда? И как, мать твою, ее прекратить?

Гнев и растерянность нарастали. А тут еще и отчаяние от провала попыток их утихомирить подвалило. Еще минута — и точно спячу. Самый разумный вариант — заранее вызвать санитаров...

Выматерившись во весь голос и от души, я быстро стянул с себя пиджак, перемахнул через перила и, на мгновение задержавшись на узкой кромке бетона, прыгнул в воду.

Темнота и холод мгновенно меня поглотили. И наконец пришло долгожданное облегчение. Слава богу...

Глава 9. Порядок во вселенной

Разувшись на пороге, я стянул с влажных плеч испорченный пиджак, оглядел его в тусклом свете бра и решил не пристраивать на вешалку в шкаф, бросил у порога. Передернув плечами и поборов накативший озноб, прошел в спальню, оставляя мокрые следы на полу.

Пусто. Постель не разобрана. Не ложилась, значит... Ну и где она?

Поиски заняли пару минут. Ну мог бы и догадаться, конечно. Разумеется, она в мастерской. Третий час ночи. Она всегда говорила, что на это время приходится пик ее вдохновения...

Я очень редко видел Нелли за работой. В принципе, за всю семейную жизнь раза три, может, четыре. Она не терпела присутствия посторонних в мастерской и практически никого туда не пускала. Вспомнилось, как в первый раз удостоился этой чести... Набрался наглости тогда и попросил нарисовать мой портрет. Собственно, так и случился наш первый поцелуй... После которого все бешено закрутилось, мы не отлипали друг от друга ни на минуту и уже через два дня оказались в одной постели.

Тихо открыв дверь, я быстро оглядел мастерскую с привычным творческим бардаком в ней, а потом сосредоточился лишь на жене, выписывающей какую-то деталь на картине. Мольберт на этот раз был установлен в углу недалеко от окна, откуда исходил свет от дополнительных светильников. Краем глаза можно было видеть вход, но Нелли была слишком занята...

Темные растрепанные волосы скручены в небрежный узел на макушке и скреплены парой карандашей, растянутый старый лонгслив (мой, между прочим!), пижамные штаны, облегающие аппетитную попку, — я счастливо улыбался, оглядывая жену. Чувствовал в полной мере то, чего так не хватало все эти дни и месяцы, — покой, правильность, законченность.

Долбанную гармонию!

Во вселенной наконец-то воцарился порядок. А все потому, что холодная вода основательно прочистила мозг...

Давно уже следовало применить ту формулу, о которой завуалированно говорил отец тогда на рыбалке. Он и Данил (я только слушал, в беседе не участвовал) обсуждали выходки Альки, матери и Карины, смеялись и ругались. И отец сказал: женщины как дети, мудрый мужчина не только простит их промахи, ошибки, глупости, но и позволит их совершить, контролируя процесс, подобно тому, как взрослый воспитывает ребенка. Мудрый любящий мужчина будет выше обид, мести и наказания, потому что и сильнее, и разумнее, и ответственнее. И признает главную ценность — семейное счастье и покой.

Когда вылез из пруда, трясясь, отфыркиваясь, и помчался к Нелли, я понял, для кого и для чего брат и отец затеяли тогда этот разговор. При том, что полностью отстранили меня от него.

Нужно будет поблагодарить их при случае... Но так, чтоб не зазнавались!

... И конечно, я простил ее. Потому что не простить — это наказать самого себя. И точка на этом. Поставим ее сегодня, закрепим договор в постели (а где еще, тем более, что соскучился дико) и продолжим жить дальше. Желательно — в расширенном составе месяцев через девять. Больше не намерен затягивать с детьми.

Не сдержал смешок удовольствия от этой мысли, чем привлек внимание жены. Она

заметила меня, резко выпрямилась, глаза постепенно становились больше от потрясения.

Ну да, мой вид весьма экзотичен сейчас. Можно даже сказать жалок, но отдадим дань самоуважению.

— Егор... — Выдохнула, побледнев. Кисть выпала из ослабевших пальцев, жена этого и не заметила.

— Что случилось? — Нелли в панике обхватила голову руками, бросила взгляд в окно, убедилась, что проливного дождя на улице и близко нет.

— Господи, ты вымок до нитки! — Она обратила внимание на мокрые следы, которые оставил на полу.

Я сверкнул улыбкой:

— Да, есть такое.

Элеонора отмерла и наконец подбежала ко мне, схватила за руки. В зеленых взволнованных глазах отразился ужас.

— Ты ледяной весь!

Жена стала ощупывать меня: плечи, грудь, живот. Провела рукой по лбу, скулам.

— Тебя немедленно надо согреть!

Сосредоточенно прикусив губу, она потащила меня к ванной. Вообще, конечно, согреться я был не против, ибо незачем отрицать — замерз сильно. Но не под душем. Есть более приятный способ...

Вот о нем как раз начало интенсивно думаться, когда Нелли всесторонне занялась мной: торопливо расстегнула пуговицы рубашки, сорвала ее, набросила мне на плечи полотенце и схватилась за ремень брюк.

— Так что произошло? — она пытливо заглядывала мне в лицо, никак не реагируя на то, что я обнимаю ее за талию, а под тканью брюк и нижнего белья ее поджидает сюрприз.

Невозможная женщина!

— Ерунда. Решил поплавать. — Руки сползли ниже поясницы, однако и это оставило Вишневецкую безучастной.

А попка у нее, кстати, восхитительно теплая. Замечательно было бы запустить ладони под одежду и коснуться кожи, но руки у меня и правда ледяные, Нелли стало бы некомфортно.

— Поплавать? В одежде? Егор, на дворе сентябрь! — выпалила она.

Я пожал плечами:

— Бархатный сезон.

— Скажи правду. Ты упал в воду? Неужели снова... — От предположения, что я снова попал в клуб «Золотые сорок» Вишенке явно стало дурно.

— Нет. С этим покончено, — поспешил ее успокоить, отрицательно покачав головой. Провел по бедрам, талии. Подумал, что ее тоже надо раздеть, только руки хоть немного отогреть.

— Мне просто потребовалось освежиться для сохранения рассудка.

— Невероятно...

Осуждающе покачав головой, она стянула с меня брюки, покосилась на пах. Ее лицо надо было видеть: смесь потрясения, растерянности и боли.

Отвернувшись, Элеонора наклонилась, торопливо собрала мокрые вещи и открыла дверь:

— Залезай под горячий душ. Я попытаюсь найти тебе одежду, — и ушла.

Мысленно выматерился. Видимо, момент максимального контакта затянется. И потребует предварительного объяснения. Обдумывал его, стоя под теплыми струями, но почему-то ничего в голову не лезло. Как всегда, в критический момент мозги утекли в сторону южного полюса.

Все ведь на самом деле очень просто. Мы совершили ошибки, но мы любим друг друга. Так было, так есть и так будет. А если прошлое настолько паршивое, то лучше сосредоточиться на будущем. И сосредотачиваться нужно в постели. Сегодня и завтрашний день еще прихватить, чтобы закрепить эффект.

Мне хватило пятнадцати минут, чтобы окончательно согреться и смыть с кожи противный запах тины и грязь. Вылез, обернул бедра полотенцем и уставился на себя в зеркало.

В идеале надо бы побриться. Нелли всегда обожала, когда выходил из ванной со свежесбранным лицом и набрасывался на нее с поцелуями. Заливисто смеялась, шутливо отбивалась, пока щекотал... Не раз и не два дело заканчивалось сексом и опозданием на работу.

В шкафчике должна быть запасная бритва, как раз пользовался ею в прошлый раз. Открыв дверцу, я замер. На полке приютилась коробочка с тестами на беременность. Сплотнув, с колотящимся сердцем осторожно достал ее, открыл. Одного теста уже не было. Остался последний.

Элеонора Вишневецкая ничего не делала наполовину, конечно, она захотела стопроцентно убедиться в собственных выводах, сделав тест повторно. Поэтому и купила упаковку с двумя. Но каков был результат первого? Вероятно, положительный, если не заметил в квартире следов подготовки к переезду. Она не уехала бы, предварительно не обсудив наши с ней изменившиеся статусы.

Но, черт возьми, когда она собиралась раскрыть мне правду? Надеюсь, не через девять месяцев!

Подрагивающей рукой вернул упаковку на место, закрыл шкафчик. Вдох, выдох. Нужно вернуть себе спокойствие, не напирать на нее сразу же. Ночь длинная, день еще длиннее — Вишенка обязательно признается. При моем должном упорстве.

Проказливо улыбаясь, я вышел из ванной.

Элеонора разбирала комод и, кажется, ругалась про себя. Не заметила, что я уже в комнате.

Похоже, чистые вещи для меня она не нашла. Сказать ей, что они мне не понадобятся? Или сделать сюрприз?

Подкравшись, я обнял ее со спины, буквально окутал собой, уткнулся носом в висок.

— Егор, — Нелли вздрогнула и застыла, напрягшись. Она словно не знала, как реагировать, боялась поверить своим ощущениям.

— Давай завернем тебя в плед, и я сделаю горячий чай, — прошептала она и задрожала, потому что провел губами по раковине ее уха, проложил дорожку поцелуев вниз по ее шее.

Ладонь плавно скользнула на плоский живот жены, и я внезапно подумал, наповал сраженный наплывом какой-то незнакомой нежности: неужели там внутри растет и развивается новая жизнь, наш с ней ребенок? Ну пока это неясный комок размером с горошинку, набор разных клеток, но скоро... Надо быть с ней очень аккуратным. Больше никаких дикостей в постели, как бы ни хотелось.

— Не надо, — ответил на ее предложение. — Ты ведь сама понимаешь, как правильно и

быстро меня согреть. — Запечатлел долгий поцелуй в изгибе между ее шеей и плечом, провокационно лизнул это место.

Судорожно выдохнув, Элеонора развернулась в моих объятиях. Только через секунду осмелилась поднять на меня затуманенные слезами потрясающие глаза.

— Ты смог простить меня? — Ее неуверенный голос дрожал.

Я загадочно улыбнулся:

— Очень хороший вопрос. Заданный своевременно в тот момент, когда в тебя красноречиво упирается ответ на него. Предлагаю помириться. Такое стандартное супружеское примирение, м?

Нелли зарделась. Облизав губы (чем заставила дернуться мой член), она осторожно провела ладошками по моей груди, обняла за шею, потянулась за поцелуем, но в последний момент остановилась, видимо, до конца не веря в происходящее.

Я с радостью и огромным энтузиазмом взял инициативу на себя, соединив наши губы, быстро углубляя поцелуй, делая его еще более жадным, нетерпеливым. Этаким доказательством: все самое плохое у нас позади, впереди только новое счастье и новые горизонты совместной жизни, долгой, хлопотной и по-настоящему полной. Потому что мы созданы друг для друга и связаны самой вселенной, порядка в которой пришлось неделями добиваться.

Лонгслив, который был на Нелли, полетел на пол, за ним последовало и мое полотенце. Жарко и страстно целуя жену, наслаждаясь бурным ответом, я посадил ее на комод. Она немедленно оплела меня ногами, возбуждая еще больше. Ласкал грудь через кружевной черный бюстгалтер, шептал, что люблю, соскучился сильно, безумно хочу. Вишенка выгнулась, тонкие пальчики зарылись в мои волосы, а я зашипел от боли.

— Ох черт!

— Гош...

Мы отлепились друг от друга. Я морщился от досады, раздражения и боли, а Элеонора, прижав пальцы ко рту, смотрела на меня расширившимися в панике глазами.

— У тебя там... Тебя надо осмотреть! — Вишенка решительно слезла с комода и потащила меня к кровати.

Усадив на ее край, абсолютно не обращая внимания на мое хмурое лицо и костюм Адама, жена чуть наклонила мою голову и осторожно раздвинула волосы.

— Боже, у тебя кровь и шишка. Что вообще произошло?

— Мост встретил неприветливо, когда вынырнул из воды, — буркнул я.

Мгновенное превращение жены из страстной и горячей штучки в сестру милосердия мне очень и очень не нравилось. Вот же дерьмо! Как не вовремя! Нелли вполне могла полечить мою дурную голову и после хотя бы первого эпизода. А теперь процесс примирения откладывается!

— Так. Сиди здесь и не вставай. Я обработаю рану, — проинструктировала она и помчалась в ванную за аптечкой.

Бля! Я мученически закатил глаза. Что ж за день такой? Сплошная непраха.

Жена вернулась с бинтами и какими-то флакончиками, вероятно, антисептиками. В очередной раз выругался про себя, но позволил ей заняться лечением. Опасно становится между женщиной и ее стремлением причинить добро.

Нелли, смочив оторванный кусок бинта мерзко пахнувшим медицинским раствором, встала между моих коленей, снова осмотрела пострадавшее место. По моим ощущениям, там

была шишка и небольшая ссадина (ну или большая, главное — кровь глаза не заливала). Рану щипало, ушиб болел так, что хотелось громко материться (хотя Вишенка очень осторожно прикасалась), но я терпел.

— Гош, тебе надо в больницу, — вынесла вердикт Элеонора, когда подула на мою шишку.

Слова моим мозгом, разнеженным заботой и близостью любимой женщины, осмыслились не сразу.

— Что? — вскинул голову и предупреждающе прищурился, глядя на жену.

— У тебя может быть сотрясение. Нужно проверить, — твердым тоном объяснила Нелли.

— Сотрясение чего?

— Любимый, не глупи. Ты сам все понимаешь.

Ах любимый! Пустила в ход тяжелую артиллерию. Но и я непрост...

— Я чувствую себя хорошо, — ответил лениво, обхватил Элеонору за талию и притянул к себе.

— Это пока, — возразила эта упрямец, но не оттолкнула, когда начал целовать ее обнаженный живот, поднимаясь к груди.

— Меня не тошнит, голова не кружится и не болит. И в конце концов, у кого из нас медицинское образование?

— Боже, ты просто закончил стоматологический. И сам говорил, что умирал со скуки на лекциях, слушал вполуха.

— Разве? — нарочито удивился я, слегка прикусив кожу, заставив Нелли вздрогнуть и вцепиться ногтями в мои плечи. И решительно расстегнул ее лифчик.

— Гоша, — Нелли, сердито сдвинув брови, посмотрела на меня, удержала руками соскальзывающие кружева. — Что за подростковые выходки? Нам нужно одеваться и ехать.

— И во что, по-твоему, одеться мне? — я с провокационной ухмылкой поднял бровь.

Вишенка на миг растерялась, а я воспользовался моментом: за секунду стянул с нее пижамные штаны и трусики.

— Егор! Да что ты...

— Вот теперь мы оба готовы все подробно и обстоятельно обсудить, — счастливо улыбнулся я, оглаживая ее ягодицы, бедра, и, поцеловав в живот, опрокинул жену на кровать.

— Гош, я волнуюсь за тебя, — прошептала Нелли мне в губы. На удивление, не дергалась и не сопротивлялась. Даже сама окончательно избавилась от одежды, застрявшей на лодыжках.

— Со мной все хорошо, клянусь. — Я тонул в этих невероятных глубоких глазах. — Лучше обними крепче и забудь обо всем.

Короткая минутная прелюдия, торопливые ласки (мои — жадные, ее — неуверенные), сладкие напористые поцелуи — и я наконец-то в ней. Как в долбанном раю. Захмелевший от счастья, объятый пламенем дикого желания, неумолимой потребностью тут же ярко кончить.

Но, сцепив зубы, я плавно двигался, лаская грудь Вишенки, прикусывая ее полураскрытые губы, ловя стоны. Ускорился только тогда, когда увидел, что та же страсть ударила и ей в голову, что она отпустила себя, чувствуя меня всего, умирая от наслаждения.

— Ты как?

— А ты как? — Обменялись мы вопросами, как только оргазм чуть отпустил, а поцелуй

был окончен.

Ноги жены плотно обхватывали мои бедра, бурно вздымавшиеся груди касались моей груди. От влажного жара наших тел и восхитительно растрепанного, зацелованного и разгоряченного вида Нелли расслабившийся было член снова начал твердеть.

Любимая нежно улыбнулась, ласково провела по моему лбу, очертила лицо.

— Кажется, ты в порядке, — выдохнула она. — Я отлично это чувствую сейчас. Но почему ты спросил про меня?

— Догадайся, — боднул ее нос своим.

Нелли прикрыла глаза.

— Догадываюсь...

— И мне интересно, когда бы ты мне призналась? — убрал прядки с ее лица.

— Хотела завтра позвонить. После того как сделаю повторный тест. — В ее глубоких глазах светилось счастье.

Мягко поцеловал ее.

— И ты не ответила: как ты?

— Все настолько хорошо, что ты позволишь мне быть сверху на этот раз, — очаровательно улыбнулась, поглаживая мои плечи.

Я тихо рассмеялся. Почему нет? Это и моя любимая поза, в ней так удобно ласкать Нелли, совершенную как богиня, полностью раскрывшуюся, сводящую с ума.

Ближе к пяти утра, когда жена убедилась, что я точно не умираю от отека головного мозга и живее всех живых, мы сидели в подушках в изголовье кровати, тесно прижавшись друг к другу. Пили травяной чай из одной кружки, молчали. Нелли надела халат (правда он успел сползти с одного плеча, которое целовал время от времени), а меня заставила завернуться в плед (позволил только по пояс).

— Господи, до сих пор не верится, что ты смог простить меня. Это чудо какое-то, — с чувством произнесла она и, поцеловав в шею, уткнулась лбом мне в плечо.

— Ну не расслабляйся, любимая. Ты теперь моя должница, — не упустил случая ее поддеть.

Мои шутки, кстати, всегда быстро приводили ее в себя.

— Да? — Она лукаво взглянула на меня, сиюсь сдержать улыбку, нарисовала пальчиком сердечко на моей груди. — И что именно я тебе должна?

— Да пустяки, — чмокнул ее в губы. — Всего-то лет двести счастливой семейной жизни и дюжину совместных детей.

Глаза жены смешно округлились.

— Так что, Элеонора Романовна, одной жизнью ты не отделаешься, придется и в следующей реинкарнации платить за все мои мучения и злоключения.

Мгновение у меня получалось сохранять серьезное выражение лица, а после я расхохотался. Нелли вторила мне звонким смехом.

Боже, как давно его не слышал... Уже и забыл, как он меня заводит.

Потом мы снова затихли. Она уложила голову мне на плечо, дыхание ласкало шею, провоцировало зайти на очередной круг откровенных ласк. Но прижимал ее ладошку к своей груди и не шевелился.

Пока идеально было именно так.

— Ты уже записалась к врачу? — спросил в итоге, вспомнив, что заботы у нас стали по-настоящему взрослыми.

— В понедельник запишусь.

— Как думаешь, какой срок?

— Не знаю. Возможно, недель пять уже есть.

— Хм...

— Гош, — Нелли пошевелилась, вытянув руку из моей хватки, погладила меня по щеке.

Мы застыли, глядя друг на друга. — Мы снова поженимся?

— Вот дерьмо, — я заскрипел зубами. — Второй раз через этот цирк нет никакого желания проходить.

Я и день первой свадьбы пережил исключительно на упрямстве. Весь этот регламент, следование приметам, тирания матери, будто нашедшей наконец золотое сечение, выкуп, гулянка и бесконечные поздравления родни и друзей доведут до белого каления и стальные нервы.

— Ну мы можем...

— Не можем, — отрубил я и, откинув плед, встал с кровати. — И моя жена, и мой ребенок будут носить одну фамилию.

— Ты куда? — Нелли, сев на постели, беспокожно заглянула в мое лицо.

— За первой частью торжества, — бросил на ходу.

Бумажник, вытащенный из влажного пиджака, ныне висящего на плечиках, зацепленных за шкаф-купе в прихожей, остался там же на столике рядом с мобильным. Меня интересовал тот отдел, что закрывался на кнопку. Пока копался, еще раз подивился своей дурачности, напомнил себе похлопотать завтра, чтобы вернуть мотоцикл в салон. Порезвился и хватит, пора становиться сверхсерьезным и ответственным семьянином.

Вернувшись к Элеоноре, сел рядом, скомандовал:

— Руку. Правую.

Нелли тут же протянула ее мне ладонью вверх. Перевернув кисть, надел ей на палец обручальное кольцо. Вишенка замерла, в безмерном удивлении разглядывая свою руку.

— Ты... ты нашел его, — Она смотрела на меня остро, пронзительно, с болью и счастьем одновременно, губы дрожали. — Я когда вернулась, обползала всю прихожую, пыталась его отыскать, но не вышло. А оно все это время было у тебя. И ты никуда его не дел. Боже, как же я тебя люблю...

По ее лицу побежали слезы. Я тут же обнял ее, прижал к себе, целуя в макушку, укачивая, словно ребенка.

— И я тебя тоже очень люблю, Нелли. Невменяемо сильно, даже не сомневайся. Только до того, как утопить меня в слезах счастья, сделай, пожалуйста, ответную любезность.

Жена отстранилась и увидела наконец на моей ладони второе обручальное кольцо. Взяв его, она посмотрела мне в лицо.

— Обещаю, что больше никогда не усомнюсь в тебе, — торжественно произнесла, завораживающе сверкая красивыми глазами.

Когда мое кольцо тоже вернулось на палец, мы, обнявшись, упали на постель.

— Давай в понедельник еще заглянем в загс. Распишемся потом тихо и никому не скажем. — Я расправлял ее волосы, путаясь в локонах пальцами.

Нелли провела пальчиком по моим улыбающимся губам.

— Твоя мама все равно узнает. Она каким-то чутьем всё всегда знает...

Я уложил любимую на спину, удобно устроился сверху, заключил в ладони ее просиявшее лицо, приблизился к губам:

— А кто сказал, что до росписи мы будем попадаться ей на глаза? — прошептал, ухмыляясь.

— Действительно... — согласно хмыкнула Элеонора и поцеловала меня.

А когда ее шаловливые руки добрались до моих ягодиц и члена, с халатом жене пришлось распрощаться. Позволил ей его надеть только вечером в субботу.

Это не женщина, а наваждение. Моя любовь, моя головная боль, мое счастье.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net